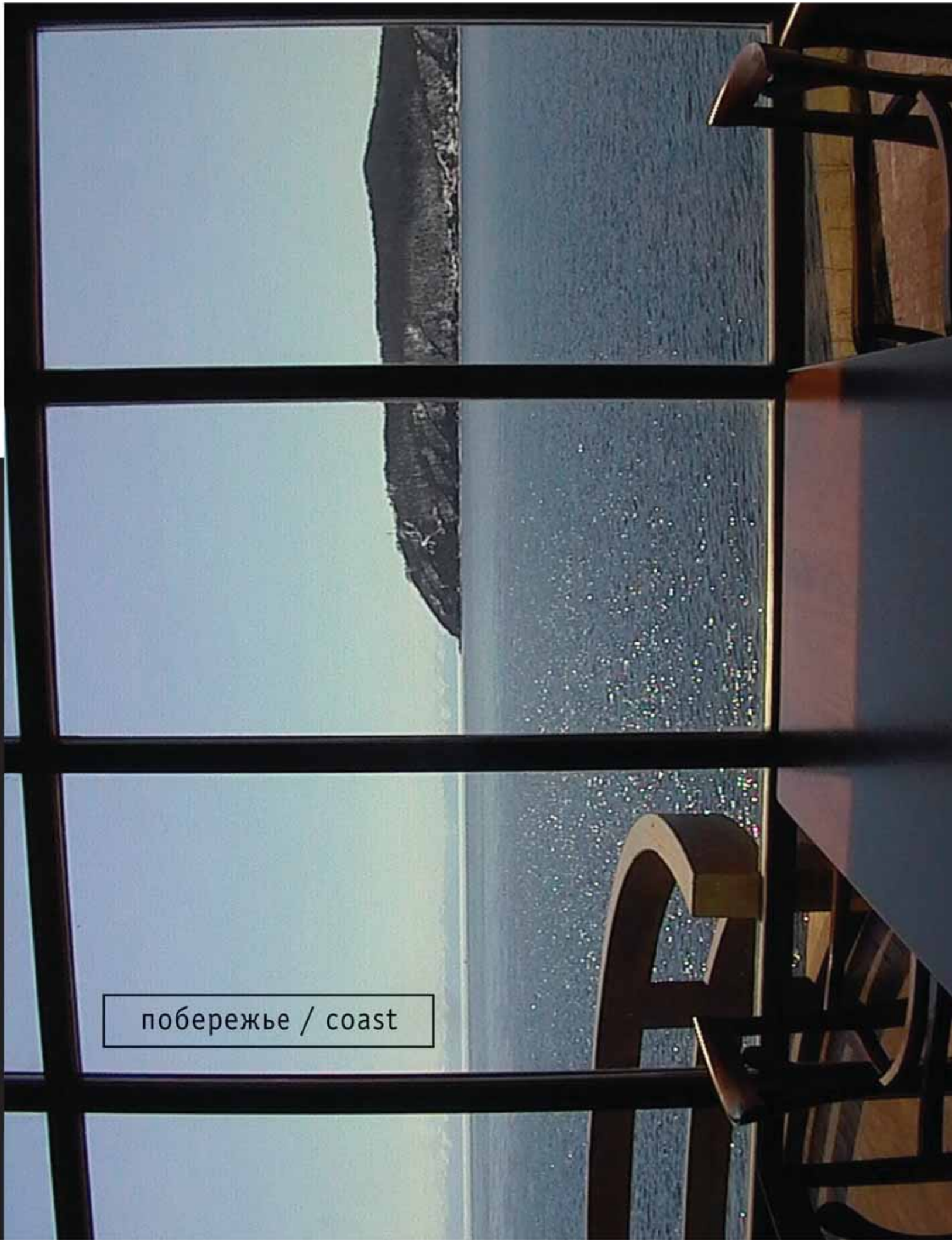

проект байкал / project baikal

побережье / coast

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ

664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 27, т.: (3952) 34-23-06, ф.: 20-23-15, e-mail: irgp@irgp.ru

Реконструкция квартала в историческом центре. Иркутск

4 0 л е т с в а м и

Институт свою цель определяет в решении ряда задач:

- продвижении новых конструктивных и инженерных систем и решений
- оптимизации архитектурно-планировочных решений
- улучшении потребительских свойств проектной продукции
- принятии правил на конкурсное проведение проектирования для градостроительно значимых объектов
- культивировании понимания необходимости и первоочередности градостроительных решений

Основной стратегией института является рост и развитие:

- сферы и объема проектных услуг
- качества принимаемых проектных решений
- уровня автоматизации системы управления и создания проектной продукции
- информационной базы

Мы по-прежнему главной задачей ставим создание полноценной среды

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

7 побережье / coast

Спонсоры номера

ОАО

«Иркутскгражданпроект»

тел.: 3952 34-23-06
факс 3952 20-23-15
e-mail: igr@irgp.ru

тел.: 3952 287-115
3952 287-111
факс: 3952 34-25-55
e-mail: mail@vsrp.ru

тел.: 3952 258-235
www.demetra.ru

портрет архитектора

Борис Кербель II

события

Открытие музея архитектуры V
Серебро и золото иркутских архитекторов VI
III пленум Правления Союза архитекторов России VII
Международный союз архитекторов. Встречи в Москве и Вашингтоне VIII
В Суханово IX

конкурс

Пять фасадов частной архитектуры X

фотовыставка

Люциан Антипин XI

выставки

Символы творчества XII
Юбилейная выставка. Нечволодов XIV
Саума. Дизайн как культурное взаимодействие XVII

проект

Жилой комплекс в историческом центре г. Красноярск XVIII

мнения

Ответы рейтинговых архитекторов Иркутска на вопросы журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» XX

наследие

Зодчие земли Иркутской (продолжение) XVI
От города-сада к социалистическому поселку-саду XXX

книга

Архитекторы Приенисейской Сибири XXXV

русский восток

Первый архитектор Забайкалья XXXVI

sos

Историческая застройка Иркутска. Сурикова, 9 XXXIX

новые технологии

«Драйв». Путь к вершине XL

фестиваль

«Зодчество Восточной Сибири-2006» XLII

Издательская группа
выражает благодарность за
помощь и поддержку в
создании журнала главному
редактору журнала **проект
россия** Барту Голдхоорну и
издательству **А-Фонд**

адрес редакции

г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

главный редактор

Владимир Бух
координатор проекта
Елена Григорьева
редактор раздела
«Портрет архитектора»
Светлана Середенкина
редактор раздела
«События»
Хадича Дулатова
редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов
редактор раздела
«Русский Восток»
Николай Крадин

верстка

Светлана Середенкина
корректор
Галина Костина
отдел рекламы
Ольга Павлова
Александра Рябченко
Надежда Недаболук

Выражаем благодарность за
участие в подготовке номера
Люциану Антипину, Николаю
Жуковскому, Александру
Колесникову, Татьяне
Анненковой

печать

ОАО «Иркутская областная ти-
пография №1» им. В.М. Посо-
хина
Тираж 999 экз.
Подписано в печать 09.03.06
периодичность
4 раза в год
Использование текстовых и
фотоматериалов, опублико-
ванных в настоящем издании,
допускается только с пись-
менного разрешения редак-
ции. За содержание реклам-
ной информации редакция
ответственности не несет.

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.

на обложке

«Анастасия»,
арх. Н. Жуковский,
фото автора

Борис Михайлович Кербель (1910-1992)

Портрет Бориса Кербеля, Г. Новикова

Личный листок по учету кадров:

09.1926-12.1930 – студент Сибирского технологического института (г. Томск)
 01.1931-05.1933 – ассистент Сибирского строительного института (г. Томск)
 06.1933-03.1936 – инженер-архитектор Восточно-Сибирского института сооружений (г. Иркутск)
 03.1936-05.1944 – инженер-архитектор, главный архитектор института «Востсибпроект» (г. Иркутск)
 05.1944-10.1959 – начальник отдела по делам архитектуры Облсполкома (г. Иркутск)
 10.1959-12.1961 – главный архитектор Иркутской области
 12.1961-1970 – зав. отделом по делам строительства и архитектуры Облсполкома (г. Иркутск)

Казалось бы, теперь, когда открылся в Доме архитектора музей, где выставлен его архив, нет ничего проще, чем сесть и написать о том, какой это был человек. А на деле все не так, не хватает чего-то. Я не могу сказать, что для этого нужно было быть лично знакомой с Борисом Михайловичем. И, наверное, если бы в теперь уже далеком 1986-м, когда я впервые увидела его, мне сказал кто-нибудь, что спустя двадцать лет я буду в этом затруднительном для меня сегодня положении, то, набравшись храбрости, подошла бы к нему и поговорила. Правда, не представляю даже – о чем. Все равно уже поздно. А тогда само «Кербель» произнеслось молодыми архитекторами, завидев его, полу-, а то и шепотом, полным уважением и какого-то необъяснимого почтения. Хотя я точно уверена в том, что никто из тогдашних молодых толком даже и не знал, что Борис Михайлович как архитектор сделал для города, и уж тем более – какой это был человек.

Из автобиографии:

«Я, Кербель Борис Михайлович, родился в 1910 году в гор. Иркутске. Я родился в семье рабочего типографии. В 1926 году по окончании средней школы поступил в Томский технологический институт. Окончив его по архитектурному отделению инженерно-строительного факультета, я был оставлен ассистентом кафедр «Гражданская архитектура» и в 1932 году в порядке стажировки направлен в проектный институт «Гипрогор» в г. Москве. В 1933 г., по согласованию с ректоратом, я был назначен старшим архитектором филиала «Гипрогора», образованного в г. Иркутске. В этой организации, именованной позже вследствие реорганизаций «Востсибпроект» и «Ирблпроект», я проработал старшим архитектором, начальником отдела и главным архитектором до 1944 года на проектировании гражданских зданий, а в период 1941-1943 гг. – в основном на объектах гражданской обороны и устройстве госпиталей.

В 1944 г. решением Облсполкома я был отозван из института и назначен заведующим Отделом по делам строительства и архитектуры. В 1970 г. мне была присвоена персональная пенсия, и я был приглашен в «Иркутскгражданпроект» главным специалистом отдела и членом Совета института. В это же время я вошел в состав областной и позже Иркутской городской архитектурно-технической комиссии и градостроительной комиссии. Я работаю также экспертом Областного отдела по делам строительства и архитектуры...

Я являюсь членом Союза архитекторов СССР с 1934 года. За этот период избирался в разные созывы членом правления и председателем Иркутской организации. В 1934 г. был выбран делегатом организационной конференции Союза от Восточно-Сибирского края. Также был делегатом съездов Союза и членом правления СА второго созыва...»

Изучая архивные материалы, которых сохранилось не много, я прочитала три автобиографии Бориса Михайловича. Представленная выше – последняя и датированная 30 июня 1979 года – была написана им «по случаю». Именно тогда, в 1979 году Иркутская организация Союза архитекторов СССР поддержала выдвижение кандидатуры архитектора Кербеля Бориса Михайловича на присвоение почетного звания «Заслуженный архитектор РСФСР». (Выписка из протокола от 25.06.1979, председатель правления ИО СА СССР – Павлов В.А., секретарь – Антипин Л.Ф.)

Кроме автобиографий сохранились и «личные листки по учету кадров», и даже «Список выполненных проектов жилых и гражданских зданий, (в основном) осуществленных», составленный самим Борисом Михайловичем. Этот пожелтевший листок представляет, на мой взгляд, особый интерес для каждого, интересующегося историей города, да и страны в целом. Здесь можно найти и завод им. Сталина, и стадион «Авангард», которые позднее были переименованы. Чтобы не перечислять все, привожу его именно в том виде, в котором я его получила для работы над этим материалом.

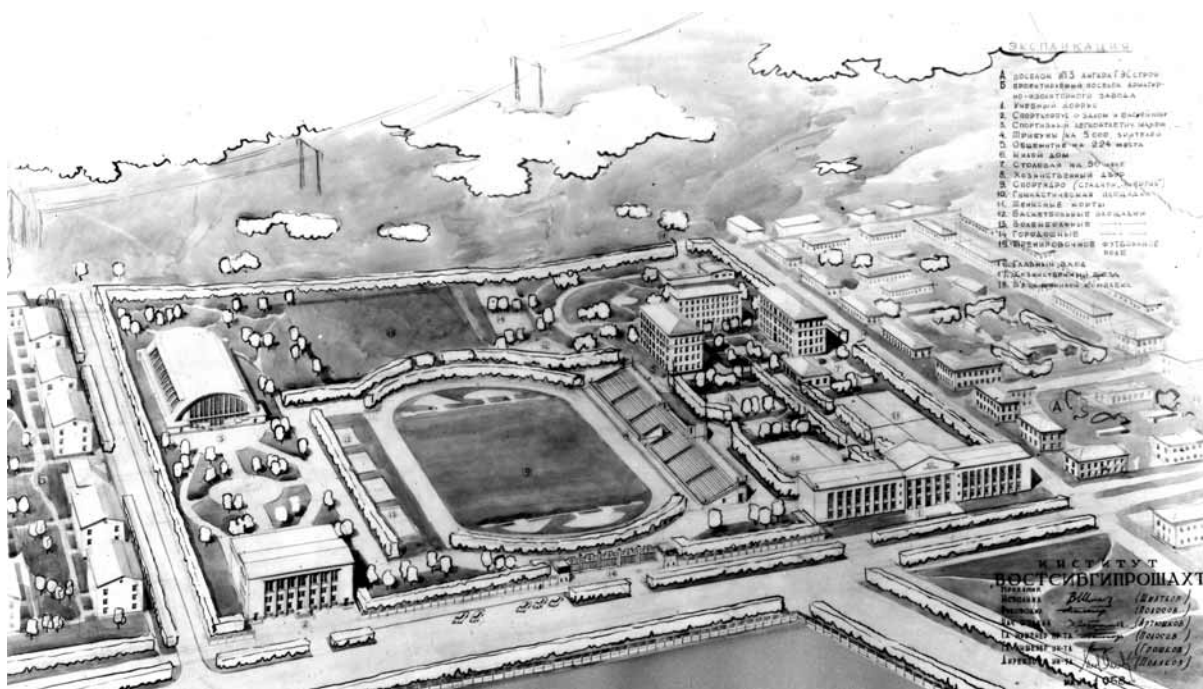
Список выполненных проектов жилых и гражданских зданий, (в основном) осуществленных:
 Цирк в г. Томске (в бригаде)
 Рабфак в г. Кемерово
 Комплекс Строительного института в г. Новосибирске (в бригаде)
 Дом специалистов в г. Чите
 Дом специалистов в г. Улан-Удэ
 Дом «Лензолото» в г. Иркутске
 Корпус санатория в г. Усолье-Сибирском
 Корпус санатория в г. Иркутске
 Поликлиника в г. Иркутске
 Дворец «Каторги и ссылки» в г. Иркутске (осуществлен частично)
 Комплекс малоэтажных жилых домов з-да им. Сталина в г. Иркутске

Административное и жилое здание УИТЛ МВД
 Административное и жилое здание ССМЧ-32
 Кинотеатр на 400 мест в г. Иркутске
 Стадион «Авангард» в г. Иркутске с трибунами на 25 тыс. мест
 Жилой многоэтажный дом з-да им. Куйбышева
 Рабочие чертежи и интерьеры Дома Советов в г. Иркутске (по проекту арх. Виноградова, не окончен строением)

Из не осуществленных (проекты утверждены к строительству):
 Дом культуры з-да им. Сталина
 Музыкальное училище
 Кинотеатр на 400 мест в г. Черемхово
 Управление пароходства
 Жилкомбинат Горного института
 (Жаль, на документе не представлена дата, но вещь, безусловно, ценная. – Авт.)

Позднее появились новые объекты, связанные в первую очередь с решением градостроительных задач огромных масштабов и становлением и развитием крупнейших промышленных районов Иркутско-Черемховского, Братско-Илимского, Новозиминского и возникших в этих районах новых городов: Ангарска, Братска, Шелехова, Усть-Илимска, Железногорска, Саянска и других. Сам же Борис Михайлович особо отмечал работы, проведенные в 1960 г. в качестве председателя комиссии по проектированию, строительству, реконструкции и оборудованию объектов, связанных с намечавшимся приемом президента США в городах Иркутске и Братске, а также на Байкале.

«Здания, построенные по проектам архитектора Кербеля, по проектам, разработкой которых он руководил, пользуются всеобщим признанием, органично вошли в исторически сложившуюся городскую среду, являя собой пример творческого сочетания старого и нового, придавая городу то своеобразие и неповторимость, которые наряду с другими факторами способствовали отнесению г. Иркутска к городам историческим» (из характеристики на архитектора Б.М. Кербеля).

**Из воспоминаний
Е.Ф. Янко:**

«...К слову, ведь первым председателем правления с 1935 года по 1941 год был Б.М. Кербель, потом был перерыв в деятельности организации, а с 1945 по 1950 он вновь возобновил свои обязанности на этом посту. Затем уже в 1950 я сменил его.

Борис Михайлович был для нас един во всех ипостасях, он был и непосредственным начальником на работе, и председателем правления, он же давал задание на проектирование, так как был членом архитектурной комиссии.

Умный и мудрый человек, у него было много административной работы, но на правлениях и заседаниях был на равных со всеми, старался помогать нам, молодым архитекторам. С его супругой, она работала инженером-электриком, мы спроектировали тоже несколько домов.

Я был вхож в их дом. У Бориса Михайловича было увлечение Востоком, он хорошо знал искусство и многое коллекционировал....

Но уже в то время не любил сидеть за доской, да, по складу ума и характера это был хороший администратор. А я говорил ему – Вы мне дайте эскиз, а я его доделываю».

**Из воспоминаний
С.Д. Нечволодова:**

«Только тринадцать лет прошло, как Борис Кербель умер, а мы все реже вспоминаем его, который так много значил для каждого из нас, для новоиспеченных специалистов, приехавших «понюхать» Сибирь в начале 60-х, и для родившихся на Ангаре...

Не будь в то время и в том месте такого сильного человека, многие разбежались бы и возвратились в Европу значительно раньше, чем это произошло.

А он и не уговаривал отъезжающих. И на свободу «не давил»... Я после обычных конфликтов знакомства и детских «ху-из-ху» полюбил его, как отца родного. Как и другие... В его неприятии нашего наивизма, отрицаниях, презрениях, сарказме всегда был урок – как в розгах.

Не смогу склеить свои картинки о нем, а может, и не стоит. Надеюсь, они будут интересны только для тех, кто его помнит. Все это только память о личных отношениях.

Чтобы беседовать с Борисом Кербелем, нужно было читать Сомерсета Моэма, Кафку, газету «Советский спорт» (за 1946 год), СНИПы и «не лаять» на Аллу Пугачеву.

Никогда не учил меня пресмыкаться, приспособли-

ваться, вступить в КПСС..., но однажды в каком-то проектном конфликте запугивал, требовал сдать – клянусь, не помню, кто выиграл. Он не был злопамятен ко мне. Разделял сотрудников (в том числе архитекторов) на синих и красных (не по идеологической принадлежности) по степени консерватизма (беспросветности). И те, кто не пели с ним в унисон, синели «на глазах».

Профессиональное мнение свое о проекте грубо не навязывал, но оппонента мог «заглатывать» месяцами (годами?).

В спорах часто возбуждался до..., но не бранился, нецензурным не пользовался никогда.

Спорт любил, спортом жил пополам с архитектурой. Когда судил даже любительский волейбол и ехидно ухмылялся с вышки, я всегда ошибался на площадке и подводил своей «Гипрошахт».

Когда Борис Кербель лежал в своей «больничке» (спецполиклинике по ул. Ленина), с удовольствием выслушивал рассказы и о дворе «футболе» на первенство Иркутска. «Гипрошахт» «надрал» «Промстрой (проект)». Я не стеснялся ему продемонстрировать свою ободранную шкуру...

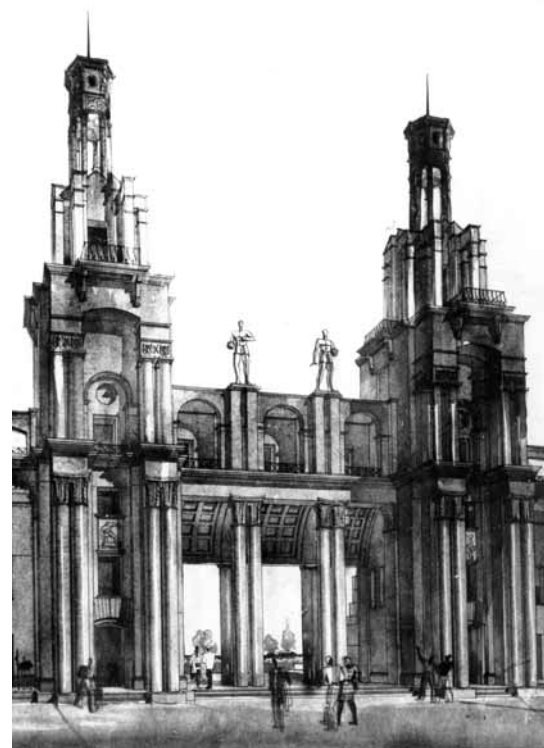
Просмотрел фототчет со Спартакиады «Гражданпроекта» и объяснял мне:

«В. Санников выиграл санный спуск обязательно».

Любил свой стадион и однажды пригласил посмотреть на местный «Авангард». Смушался.

Втолковывал (после поездки по Европе), что парковочная авторучка стоит 20 фунтов только потому, чтобы не все могли ее купить (и он ее не купил).

Когда О.Г. (Ольга Григорьевна)

рьевна – супруга) приносила ему в кабинет (в квартире на К. Маркса) тарелочку с медовыми блинчиками, Кербель делал вид, что хватит на двоих.

Он боготворил О.Г., и она ему отвечала тем же.

В кафе «Таллинн» (в Таллинне же), указывая глазами на ярких эстонских девочек, обзывал их менетчицами.

Любил Иркутск и пытался взболтнуть это вечно сонное и пыльное царство.

Подарил мне как будущему скульптору бронзового Будду, который живет уже 35 лет в Тарту. Никогда не выражал сожаления в том, что я расстался с архитектурой.

В моей мастерской есть гипсовый портрет Б. Кербеля. Он брезгливо поглядывает на меня и моих гостей.

Не принял мой эскиз для надгробия О.Г...

Его последнее сердитое письмо...

Остальное я уже припомню ему. Скоро. Когда встречу с ним.

Прости мне, Борис Михайлович! Спасибо тебе за все!».

Из воспоминаний

В.А. Павлова:

«...У меня был великий учитель Левинсон. Евгений Анатольевич обладал изумительным свойством самоиронии, и он воспитывал в нас это качество.

Для меня было великим счастьем, приехав в Иркутск, сразу попасть под опеку удивительно культурного и самоироничного человека – Кербеля Б.М., который учил нас относиться к делу, не теряя чувства юмора. Сегодня, оглянувшись вокруг, я вижу этих проклятых чиновников, жадных, злобных, абсолютно лишенных не только ума, но и потерявших чувство самоиронии.

Мне представляется, что любое творчество начинается только потому, что человек начинает осознавать, чем он занимается. То есть прежде чем делать какой-то предмет, надо понять его место, где он находится, и вот здесь не обойтись без чувства некоего осознания, что это вторично, а первично все-таки некая божественная сущность самого места. Вот это и есть самое главное градостроительное осознание своего положения, чего не хватает современным архитекторам и что уметь довести до нашего сознания Кербель.

Это был всегда великий партнер, который, чуть-чуть издеваясь над своим собеседником, но – в крайне образовательной форме – помогал ему осознать ту самую задачу, которую диктовала ситуация. При этом он относился с удивительнейшим уважением к молодым. Он порождал у автора объекта качество любви к окружению и поэтому, разрабатывая лю-

бой объект, всегда находился в некоем осознании созвучия того объекта, делая его в нюансе или в контрасте.

Первая его байка выплывает сейчас из сознания. О главном архитекторе Москвы, который объяснял французам, что такое градостроительный совет. Бедные французы хлопали глазами и никак не могли понять, почему градсовет? Почему эти люди обсуждают работу своего коллеги? И на это главный архитектор – тогда, по-моему, Лавейко – им объяснил: «Ну как же вы не понимаете?! Мы собрали наиболее грамотных, наиболее умелых, наиболее сильных архитекторов, и они объясняют вам, как нужно поступать с этим объектом.

Тогда французы развели руками: «А почему вы тогда просто им этого не закажете?»

Таких историй, рассказанных им, можно вспомнить много. Но не это же главное. Кербель был для нас старейшим – и вовсе не из-за возраста. Борис Михайлович, наделенный очень сильным культурным умом, был человеком, передававшим нам свой опыт и творческие контакты, не деловые, не карьерные, этого он был лишен начисто, а именно творческие, он был человеком, который нас держал на пульсе именно российской архитектуры. Вот это тогда было самое главное.

Наверное, эту взаимосвязь «Кербель – Павлов» отмечали в то время многие. И будет уместным привести еще одну выдержку из исторического теперь уже документа:

«...Неоценимую услугу оказывает общественная деятельность тов. Кербеля Б.М. при работе с молодыми архитекторами, многие из них обязаны своим становлением как архитекторы обществу с Борисом Михайловичем» (выписка из протокола от 25.06.1979 г., председатель правления ИО СА СССР – Павлов В.А., секретарь – Антипин Л.Ф.).

Из воспоминаний

В.Ф. Буха:

«Наверное, не всегда парадокс ироничен или ирония парадоксальна, но Борис Михайлович любил их именно в таком сочетании, выхватывал из жизни, обращал внимание, создавал и участвовал сам, словом – по-

лучал удовольствие.

«Один архитектор хорошо прорабатывал планировку квартир, а фасады – как получится. Другой все внимание уделял фасадам, на планировку не тратился. И, представьте себе, стоят такие дома друг против друга. Жильцы первого живут в хорошо спланированных квартирах и из окон имеют вид на приличную архитектуру. Жильцы второго прозябают в скверных квартирах. И из окон смотреть не на что».

Первому секретарю обкома партии не понравилось, как были покрашены фасады аэровокзала, и он велел Кербелю, главному архитектору области: «Борис Михайлович, скажите главному архитектору города, пусть перекрасит фасады».

«В таком случае не колер нужно менять, а главного архитектора», – заметил Кербель».

Уже на пенсии Борис Михайлович иногда звонил мне домой, случалось, довольно поздно, и предвещал разговор таким «извинением»: «Раз у Вас дома телефон, то не для того, чтобы звонить по нему в рабочее время».

Борис Михайлович – собеседнику: «Люди читают «Советскую культуру», «Литературную газету», а Вы – «Труд». О чем же с Вами говорить?!»

В. Павлов, начав работать в Иркутске, попал в расположение к Кербелю. Помню, проезжая мимо построенных блоков жилого дома с квартирами в двух уровнях в микрорайоне Байкальский, Борис Михайлович так отозвался о способностях Павлова: «Я понимаю, можно такое запроектировать, можно согласовать, но что бы построить?!»...

Ну вот, наверное, и все. Теперь можно сходить в музей и ознакомиться с его архивом, можно беседовать с теми, кто работал с ним и дружил, можно целенаправленно и осмысленно проехать по городу и взглянуть уже по-другому на его объекты. Но в памяти остался невысокий, с густыми убежденными волосами, в светлом плаще, с полуулыбкой на губах и тихим голосом человек. И чувство утраченной для меня возможности.

Светлана Середенкина

Открытие музея архитектуры

В Иркутской области действует неплохо развитая музейная сеть, в которую входят музеи: Краеведческий и Художественный, Музей истории города, Музей деревянного зодчества «Тальцы» и целый ряд отраслевых музеев. В то же время обширный пласт культурного наследия Прибайкалья составляют архитектурные памятники, в настоящее время стоит серьезная задача не растерять само это богатство и память о нем, но специализированного музея архитектуры в Восточной Сибири до прошлого года не было. Таким образом, можно сказать, что 3 ноября 2005 года в Иркутске был устранен серьезный пробел в культурной жизни – на базе Иркутского Дома архитектора открылся Музей архитектуры.

Идея создания такого музея витала в воздухе довольно давно, но ее реализация стала возможной только тогда, когда Иркутская организация Союза архитекторов получила в свое распоряжение памятник архитектуры «Голландский дом». 3 ноября 2005 года в мансардном этаже отреставрированного особняка открылся чрезвычайно симпатичный Музей архитектуры. Гости, приглашенные на торжественную церемонию открытия, отметили, что крохотный выставочный зал буквально пропитан духом истории и как нельзя лучше подходит для архитектурного музея. В то же время было выражено сожаление о том, что богатейший архив известного иркутского зодчего Б.М. Кербеля, легший в основу музея, требует существенно большей площади для полноценной презентации.

Борис Михайлович Кербель еще при жизни стал легендарной личностью сибирской архитектуры. Он стоял у истоков создания Иркутской общественной организации архитекторов, был делегатом I-го Съезда советских архитекторов, долгие годы возглавлял Иркутское областное отделение Союза архитекторов,

был главным архитектором Иркутской области. Свой архив Б.М. Кербель передал в дар иркутским архитекторам, но только теперь, с открытием музея он стал доступен для широкого круга людей. Основные составляющие выставки – это интереснейшая библиотека, фотоархив, включающий около 2 000 фотографий, уникальная коллекция почтовых открыток, слайды и три любительских фильма под общим названием «Новый облик древнего Иркутска».

Библиотека включает книги по истории архитектуры, изданные в разные годы; наиболее ранняя – «Путевые заметки о Севере России и Норвегии» В.В. Сулова – отпечатана в Санкт-Петербурге в 1888 г. Одно из самых уникальных изданий – книга Карла Вермана «История искусств всех времен и народов» – напечатана в 1903 г. частной петербургской типографией. В библиотеке имеется несколько экземпляров журнала «Архитектура СССР» 40-х годов XX века, материалы съездов, совещаний архитекторов, СНИПы, конспекты лекций по истории архитектуры. Многочисленные вырезки из отечественной и иностранной прессы, с которыми можно ознакомиться на выставке, рассказывают о наиболее значимых событиях мировой истории прошлого века – таких как триумф и крах фашизма, освоение космического пространства, политика Советского государства и т.д.

Ярким украшением выставки стала богатая коллекция почтовых открыток с видами городов мира и шедеврами мировой архитектуры, демонстрирующая увлечение Бориса Михайловича филакартией. Кстати, он был одним из учредителей Иркутского городского клуба коллекционеров. В собрание входят серия открыток «Шедевры памятников архитектуры Парижа», набор открыток с видами Варшавы, набор рисунков художника Г.К. Лукомского «Московский Кремль», изданный в Киеве, серия открыток с

изображениями памятников архитектуры, вышедшая в Петрограде, и др. Есть среди почтовых открыток и особо ценные, побывавшие в обращении, с марками и почтовыми штемпелями разных стран Европы и США. К ним относятся открытка, до революции 1917 года отправленная в Иркутск из столицы Великобритании, открытое письмо, присланное Б.М. Кербелю из Праги, почтовые открытки из Западной Европы и США, присланной иркутянке Миле Витковской в 1931-1933 гг.

Доминантой экспозиционного пространства музея стали фотографии, сделанные самим Б.М. Кербелем, который запечатлел богатство мировой архитектуры, размах строительства Братской ГЭС, Иркутского алюминиевого завода, красоту исторического и современного Иркутска, а также образы целой плеяды иркутских архитекторов – своих современников. Большинство фотографий иркутский зодчий сделал в путешествиях по разным странам: Англии, Франции, Швеции, Италии,

Турции, Дании, Греции, Болгарии, Финляндии, Индии. Изображения шедевров мировой архитектуры, городские зарисовки, рекламная продукция, люди – все эти фотографии переносят нас в середину прошлого века, являясь ценным источником информации, раздвигают границы пространства и времени.

Музей архитектуры при Иркутской организации САР ставит своей целью стать информационным центром для профессиональных зодчих, студентов архитектурного факультета ИргТУ, детских студий и всех людей, интересующихся историей и современными тенденциями в архитектуре, а также творчеством известных сибирских архитекторов. На 2006 год запланирована работа по сбору материалов и формированию экспозиций по темам: «Творчество Б.М.Кербеля»; «Старый Иркутск»; «Молодые города Иркутской области»; «Монументальное искусство в Иркутске». Выставки ориентированы не только на местных жителей, но и гостей города.

Ирина Горбунова

Серебро и золото иркутских архитекторов

Фото Елена Григорьева

С 19 по 25 октября в Москве прошла главная архитектурная неделя России. В ее рамках состоялся Международный фестиваль «Зодчество – 2005», церемония вручения наград международного конкурса «Пять фасадов частной архитектуры», московского конкурса «Золотое сечение», очередной пленум Союза архитекторов России и приуроченные к фестивалю встречи Международного Союза архитекторов и Российской академии архитектуры и строительных наук.

В последние годы иркутские архитекторы успешно участвуют в международных архитектурных фестивалях. Не стал исключением и 2005 год: XIII Международный фестиваль «Зодчество – 2005», который прошел в Москве с 19 по 25 октября, принес иркутским архитекторам очередные высокие награды.

Проект жилого девятиэтажного дома, выполненный по заказу ФГУП «Сосновгеология» архитектором Сергеем Муллаяровым при участии Евгения Золотухина и Юлии Шевченко, был удостоен Серебряного диплома в номинации «Проекты» (ПБ № 6 писал об этом проекте как о золотом лауреате фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2005»). Приятно осознавать, насколько точны оценки жюри межрегионального фестиваля, поскольку уже не в первый раз проект, отмеченный в Иркутске, в Москве также получает высокую награду. Сергей Муллаяров – один из самых титулованных молодых зодчих Иркутска: он является неоднократным лауреатом Межрегионального и Международного фестивалей «Зодчество», а также лауреатом Государственной премии в области архитектуры.

В номинации «Творчество молодых архитекторов» вы-

пускницы архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета Юлия Шевченко и Виктория Яковлева были удостоены Золотого диплома за дипломный проект «Библиотека Байкальского государственного университета экономики и права» (руководитель дипломного проекта Е. Григорьева). Интересно, что Юлия и Виктория не успели подготовить выставочные планшеты по своему проекту к Межрегиональному фестивалю «Зодчество Восточной Сибири», поэтому решили замахнуться сразу на Международный фестиваль в Москве – и угадали. Кроме того, проект молодых иркутянок получил впервые учрежденную на фестивале «Зодчество» премию «Общественное признание». В состав жюри этой награды входили известные деятели культуры и искусства: поэт Владимир Вишневский, теле-

журналист Матвей Ганапольский, режиссер Александр Митта и другие.

Президент Международной академии архитектуры, член Большого жюри Георги Стоилов отметил проект «Малоэтажные жилые дома для застройки на берегу Иркутского водохранилища», выполненный в мастерской Алексея Буйнова. Два объекта из четырех, представленных на фестивале, выбраны для строительства в Международной деревне. Их авторы приглашены к участию в XI Триеннале Международной академии архитектуры, которое состоится весной 2006 г.

Хадича Дулатова

VI

Сергей Муллаяров и
Юлия Шевченко

III пленум Правления Союза архитекторов России

25 октября в Москве прошел III пленум Правления Союза архитекторов России. На пленуме были подведены итоги XIII Международного фестиваля «Зодчество – 2005». Правление отметило активное участие регионов России, организаций Союза архитекторов России в фестивале и заметное увеличение объема градостроительных проектов.

Были проанализированы итоги обсуждения в организациях САР проекта дополнений и изменений в Федеральный закон «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» и проекта Устава Союза архитекторов России.

По данному вопросу было принято решение:

- Одобрить в целом проекты дополнений и изменений в Федеральный Закон «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» и Устава Союза архитекторов России. Обратиться в Государственную Думу Федерального Собрания РФ с просьбой ускорить рассмотрение проекта дополнений и изменений в Федеральный закон «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», учитывая предстоящее вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию.

- Уставной комиссии САР до конца 2005 года учесть в окончательной редакции Устава Союза конструктивные замечания и предложения членов Союза.

- Организациям САР обсудить подготовленный Президиумом правления САР проект общероссийских правил и стандартов осуществления архитектурной деятельности и представить в Президиум свои замечания и предложения.

- Президиуму правления САР и Рабочей группе Президиума по созданию саморегулируемой организации разработать проекты положений для всех функционально-специализированных органов Союза архитекторов, необходимых для осуществления ими функций саморегулирования.

На III пленуме были рассмотрены вопросы участия Российской академии архитектуры и строительных наук и Союза архитекторов России в работе над внесением дополнений и изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации. Члены правления отметили необходимость этой работы и приняли решение поддержать предложения Совета главных архитекторов субъектов РФ и муниципальных образований по основным направлениям работы над дополнениями и изменениями в Градостроительный кодекс РФ и создать объединенную Рабочую группу.

На III пленуме Правления Союза архитекторов России впервые был рассмотрен чрезвычайно важный документ – проект «Общероссийских правил и стандартов осуществления архитектурной дея-

тельности в Российской Федерации».

Появление этого проекта обусловлено необходимостью наведения порядка во взаимоотношениях архитекторов с заказчиками и с коллегами по профессии в новых экономических и социальных условиях. Целый ряд трагических событий последних лет, связанных с разрушением зданий и гибелью людей, вызывает недоверие общества к результатам деятельности архитекторов, проектировщиков, строителей, заказчиков и всей цепочки контролирующих органов в области строительства. Это подтверждает важность тщательно разработанных законов и правил, регламентирующих ответственное поведение всех участников строительного рынка на территории Российской Федерации.

Проект «Общероссийских правил и стандартов осуществления архитектурной деятельности в Российской Федерации» может быть интересен не только зодчим, но и широкому кругу строителей, подрядчиков, потенциальных заказчиков и другим лицам. Этот документ имеет большое значение как один из важнейших шагов в саморегулировании профессиональной деятельности российских архитекторов и внедрения цивилизованных отношений на строительном рынке. Полный текст проекта опубликован в № 11 регионального строительного журнала «Строим вместе».

Хадича Дулатова

Открытие Международного фестиваля «Зодчество – 2005»

Лекция Кикутаке

Международный союз архитекторов. Встречи в Москве и Вашингтоне

Фото Елена Григорьева

Штаб-квартира Американского института архитекторов. Здание построено по проекту Вальтера Гропиуса.

В рамках архитектурной недели параллельно с фестивалем «Зодчество – 2005» в Москве состоялся целый ряд международных встреч. Одним из главных стало заседание второго региона Международного Союза архитекторов, на котором присутствовали президенты союзов архитекторов России, Словакии, Грузии, Кыргызстана, Беларуси, Международной ассоциации союзов архитекторов (она объединяет страны бывшего СССР), члены Совета МСА Андрей Кафтанов и Елена Григорьева. Возглавлял представительное собрание избранный в этом году президент Международного Союза архитекторов Гаэтан Сью. Сибиряки знакомы с ним по публикациям в журнале «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» №№ 3 и 4.

На московском заседании МСА рассматривались три основных блока вопросов: содержание деятельности Международного Союза архитекторов, отношения с международными организациями и административно-организационные аспекты. Главное внимание было уделено развитию системы непрерывного образования в архитектуре, архитектурному образованию и профессиональной практике. Были затронуты программы «Наследие», «Туризм», «Здравоохранение».

Для большей части стран второго региона МСА (в него входят государства Восточной Европы, республики бывшего

Советского Союза кроме прибалтийских, Турция и Израиль) актуальны проблемы реформирования взаимоотношений внутри архитектурной профессии и переход к лицензированию профессиональным союзом.

Международный Союз архитекторов серьезно занимается разработкой системы непрерывного образования. Ставится задача создания единой платформы для размещения ряда базовых моделей непрерывного образования, которые могут быть адаптированы странами-секциями для внутреннего пользования. Отдельные элементы непрерывного образования могут быть общими: например, технологии по производству строительных материалов везде одинаковые, но архитектурное наследие у каждой страны свое.

В Международном Союзе архитекторов есть обязательные документы, такие как Кодекс профессиональной этики, и есть так называемые «Руководства», которые рекомендуются как основа для разработки документации национальных Союзов архитекторов с учетом их специфики.

Необходимость единой законодательной платформы для архитектурной деятельности обусловлена усилением международной интеграции. Современные архитекторы работают по всему миру. Выдающиеся зодчие по своей сути космополиты, они открывают

новые пути в архитектуре и творят для человечества независимо от места происхождения и проживания. В Россию также приезжают зарубежные архитекторы, российские зодчие стремятся к архитектурной практике за рубежом. Молодые россияне уже работают в других странах. В наиболее продвинутых национальных союзах международная система профессиональной практики и системы непрерывного образования архитекторов действует уже давно. В России все это находится пока в зачаточном состоянии, отсюда вытекает задача формализации этих явлений должным образом.

Система непрерывного образования, как правило, начинается после окончания специализированного вуза или факультета. Возможно, что в скором будущем в архитектурных вузах появится интернат-ур как переходный этап, аналогичный медицинскому образованию. Этот вопрос заслушивался в числе прочих на заседании Комиссии по профессиональной практике в Вашингтоне (10-13 ноября). Далее для лицензированного архитектора обязателен цикл мероприятий: участие в выставках, смотрах-конкурсах, прослушивание курсов лекций, мастер-классов, система work-shop, подобная Международному Байкальскому градостроительному университету.

На встрече в Москве Гаэтан Сью отметил серьезный вклад в работу комиссий МСА российских участников. Международные стандарты, уже принятые и согласованные всеми странами, входящими в МСА на правах национальных секций, находятся на утверждении во Всемирной торговой организации. По линии Союза архитекторов эти документы разрабатываются и распространяются на все национальные архитектурные секции, они становятся законом по линии ВТО. Это особенно важно для России, которая стоит на пороге вхождения во Всемирную торговую организацию, имеющую свои стандарты и законы, обязательные для исполнения всеми странами-членами.

Что касается непрерывного образования в архитектуре,

то при выработке общей платформы МСА основывается на системах США и Испании, модели которых выбраны как всеохватывающие. Но пока, по словам Гаэтана Сью, это открытая книга, и МСА приглашает все национальные секции предлагать свои программы и положения, чтобы выбрать оптимальные, учитывающие особенности каждой страны.

Большое внимание на московском заседании было уделено международным конкурсам. В настоящее время членов национальных секций приглашают в банк членов жюри от каждого региона. Президент МСА Гаэтан Сью рассказал о том, что Международный Союз архитекторов обладает хорошими рабочими программами по наследию, спорту, досугу, туризму, разработанными с привлечением самых ярких специалистов. Стоит задача перевести эти программы из теоретической плоскости в практическую, чтобы оказать своими наработками конкретную помощь странам, пострадавшим от крупных стихийных бедствий в 2005 году, таким как Пакистан, США и другие. Ведь в МСА есть группа по разрешению архитектурных проблем, связанных с различными катастрофами, существуют программы по жилью, наследию и т.д. Недавний пример: Грузия выразила желание сохранить архитектурное наследие в старой части Тбилиси, а в Италии есть специалисты, имеющие огромный опыт в сохранении исторического наследия и привлечении туристов. Сейчас налаживается сотрудничество между Грузией и Италией по линии МСА для получения качественного результата.

С 10 по 13 ноября 2005 года в Вашингтоне (США) прошло заседание комиссии МСА по профессиональной практике, в котором приняла участие представительница России Елена Григорьева. Большое впечатление на нее произвело отношение Американского института архитекторов (AIA – аналог Союза архитекторов России) к решению проблем, связанных с разрушительными ураганами в ряде штатов. AIA регулярно публиковал специальные отчеты о

том, что происходит в разрушенных городах в сфере архитектуры и строительства, в каком состоянии находятся дома, какие поставляются трейлеры и вагончики для расселения людей, потерявших жилье, и т.д. При этом АТА выступил с инициативой оказания всесторонней помощи архитекторам, проживающим и работающим на пострадавших территориях, для того чтобы коллеги смогли как можно быстрее вернуться к профессиональной деятельности и сами восстанавливали разрушенные города, зарабатывая себе на жизнь. Вот такая четко выверенная цепочка эффективной помощи, не преследующая цели нажиться на несчастях своих сограждан и коллег, хотя работы для архитекторов на пострадавших территориях США очень много. По мнению Елены Григорьевой, это хорошо продуманный, гуманный и правильный путь.

На московском заседании МСА рассматривались вопросы сотрудничества и формализации взаимоотношений со многими международными организациями. Так, с Международной организацией по жилью (НАВИТАТ) подписан

протокол, календарный план и программа совместной работы. С ЮНЕСКО и раньше выполнялись небольшие программы, теперь готовится соглашение о совместной работе в области культуры и наследия. Планируется заключение соглашений о сотрудничестве с целым рядом крупных профессиональных организаций: ИКОМОС (объединение музейных работников всего мира), ассоциациями ландшафтных архитекторов, инженерными организациями и т.д. Сотрудничество с ИКОМОС могло бы помочь профессиональному развитию студентов архитектурных вузов и молодых архитекторов, позволив им бесплатно посещать музеи современного искусства в разных странах. Столица США Вашингтон – единственный город, где посещение всех музеев бесплатное, кроме одного частного музея шпионского искусства. Государство таким образом приобщает своих граждан и гостей столицы к мировой и американской культуре. В Нью-Йорке же посещение Музея современного искусства стоит \$20, билет в парижский Лувр тоже стоит приличных денег, что не всегда по карману студентам и молодым зодчим.

Во время обсуждения соглашения с ЮНЕСКО по вопросам сохранения архитектурного наследия Татьяна Каменева (один из крупнейших российских специалистов по реставрации и охране наследия, член рабочей группы МСА) обратила внимание участников заседания на то, что России необходима помощь, так как в настоящее время появилась опасность подмены понятий. Смена социально-экономического строя в нашей стране вызвала появление нового класса собственников, которые рассматривают памятники архитектуры только с точки зрения извлечения прибыли.

На встрече Международного Союза архитекторов в Москве был поставлен вопрос об издании всей документации МСА на русском языке для стран второго региона. Юрий Гнедовский сообщил, что Союз архитекторов России решит эту задачу, и наряду с двуязычным изданием (французский и английский) в распоряжении русскоязычных архитекторов будет сборник документов МСА на русском языке.

Хадича Дулатова

Работа комиссии по профессиональной практике МСА в Вашингтоне

Члены Комиссии Ervins Timofejevs (Латвия), Shinjiro Wachi (Япония), Michael L. Peck (Австралия, Малайзия), Russell V. Keune (США), Martins Ulans (Латвия), Sven Silcher (Германия) на экскурсии. Лафайет-сквер, Вашингтон

XI

В Суханово

20 января 2006 г., несмотря на экстремальный для Москвы мороз в -31°, на совместное заседание Президиумов САР и МСА в Суханово собрался кворум. В залах Дворца обсуждались вопросы о том, что уже сделано, и перспективы развития Суханово как Международного архитектурного центра, утверждались планы работы Союза на 2006 год.

Реконструкция корпусов любимого архитекторами Дома творчества ведется по

проекту Андрея Таранова на средства спонсоров, проектных институтов и архитектурных мастерских. Члены двух президиумов, оставшиеся на выходные в Суханово, смогли оценить комфорт введенного недавно в строй после реконструкции корпуса № 7. Участники семинаров, которые запланированы в Суханово на 2006 год, несомненно, оценят высокое качество отделки и оборудования, а также теплоту и заботу персонала. Приятно удивляет цена: стоимость номера – до 800 рублей в сутки, включая трехразовое питание; для членов Союза архитекторов предусмотрена скидка в 20%. Многие проектные организации уже заключили с Домом творчества договоры о долгосрочном сотрудничестве.

Архитектор Андрей Асодов вечером продемонстрировал фильм об инсталля-

ции «Город на воде», устроенной минувшим летом на берегу сухановского пруда.

В Международный день архитектуры 3-го октября 2005 г. иркутские зодчие и их гости познакомились с этой замечательной акцией архитектурной молодежи в Зеленом зале Иркутского дома архитектора. Студенты архитектурного факультета ИргТУ, проходившие практику в мастерских столичных мэтров, приняли активное участие в инсталляции «Город на воде». Они поделились своими впечатлениями о симпатичной тусовке с элементами соревнования и показали фотосессию с нее. По словам Андрея Асадова, зимнее продолжение этой удачной идеи под названием «Город на снегу» состоится по окончании сильных морозов.

Хадича Дулатова

Дворец наполовину отреставрирован

Корпус 7, первые обитатели

Пять фасадов частной архитектуры

Главную награду в разделе «Постройки» получает Евгений Асс

Барт Голдхоорн в интерьере ARTPLAY

В конце сентября 2005 г. прошло подведение итогов III Международного смотр-конкурса «Пять фасадов частной архитектуры. Крылья «Руфлекс»: от традиционных форм к новациям в архитектуре», который проводит Союз архитекторов России совместно с компанией по производству кровельного материала руфлекс (ранее назывался катепап).

19 октября, накануне Международного фестиваля «Зодчество – 2005», состоялась церемония награждения победителей. Вели ее председатель жюри Юрий Сдобнов и один из организаторов конкурса со стороны САР Андрей Кафтанов.

В состав жюри вошли известные архитекторы и представители компании «Руфлекс»: Ю.А. Сдобнов, Г.В. Кулаков, Е.И. Григорьева, А.Г. Кабанов, С.Б. Киселев, Ю.К. Митюрёв, А.А. Скокан, М.Д. Хазанов, В.П. Юдинцев, А.В. Кафтанов. Резервные члены жюри: М.Ю. Ларченков, Д.М. Норинский, Г.Д. Солопов, И.В. Степанова.

В 2005 году на суд жюри было представлено 170 работ в номинациях: «Проекты», «Постройки» и «Концепции». По традиции количество проектов, заявленных на участие в конкурсе, намного превысило количест-

во построек, среди которых сразу же выявились лидеры.

В номинации «Постройки» победу одержал известный столичный архитектор Евгений Асс с соавторами. Несколько архитектурных периодических изданий учредили свои премии. Авторский коллектив под руководством Евгения Асса получил также приз «Архитектурного вестника» – Белые крылья. Церемония награждения и выставка проходили в бывшем здании фабрики «Красная роза» на улице Фрунзе, которое ныне имеет выразительное, само за себя говорящее название ARTPLAY. Члены жюри по очереди объявляли имена

победителей и вручали им награды. В числе победителей было довольно много региональных архитекторов из Тобольска, Тюмени, Казани и других российских городов.

Компания «Руфлекс» с помощью архитектурного конкурса эффективно стимулирует потребление своей кровельной продукции. Надеемся, что зодчие Восточной Сибири обратят серьезное внимание на это профессиональное ежегодное состязание с солидным призовым фондом и большим количеством премий.

Хадича Дулатова

Жюри за работой

Фото Елена Григорьева

Символы творчества

Пространственные искусства, в том числе и скульптура, существуют в материальной сфере культуры и сами моделируют пространственные аспекты мироздания...

Скульптура Дмитрия Будажабэ родилась, чтобы связать эпохи древних культур Востока с современностью. Это декоративные предметы и одновременно ритуальные символы, несущие в себе глубокое содержание аспектов буддийского Учения.

В пластике Д. Будажабэ каждый образ является частью назидательного сюжета, наставления или благопожелания. Традиционное в своей основе, творчество автора несет в себе много активного движения, смелых ракурсов, ярких характеристик персонажей.

Скульптуры и сосуды для благоволий также смело моделируют пространство интерьеров и сразу играют в нем главную роль. Виртуозные и артистичные по исполнению, они вызывают, прежде всего, чувство притяжения и миролюбия. Дымок благоволий, вырываясь из специальных каналов внутри курильниц, продолжает и вне формы сосуда организовывать мир вокруг нас, заставляя зрителя участвовать в ритуале. Восточные образы направляют наше мышление на путь философского обобщения происходящих событий, поиск вечных истин...

Работы Дмитрия Будажабэ выполнены в технике бронзового литья, что само по себе является редким достоинством художественного творчества скульптора. Возвращать забытую технологию бронзолитейного дела в Бурятии, где живет скульптор, пришлось долгое десятилетие.

Целая эпоха в истории человечества связана с изобретением бронзового сплава. С тех пор искусство использует пластические возможности этого металла для создания долговечных предметов, форма и декор которых отражают духовные устремления человека.

Под внешне устойчивыми традиционными формами скрыт трудоемкий процесс ремесленных операций, неотделимых от самой культуры. Он предполагает коллективное творчество и одновременно немалые финансовые затраты для организации производства. Поэтому лишь редкие художники посвящают себя бронзе.

История свидетельствует, что особой привязанностью к данному материалу в скульптуре отличаются Китай и Индия, откуда секреты ремесла вместе с разнообразными товарами и художественными стилями перешли в Центральную Азию и Прибайкалье.

В эпоху Средневековья в Тибете и Монголии сложились многочисленные школы и направления бронзовой пластики. В целом это явление художественной жизни кочевников было связано с распространением учения Будды и развитием ремесла в стенах буддийских монастырей.

С миром бронзовых буддийских образов в эпоху Средневековья в сокровищницу бурятской национальной культуры вошли философские системы Индии, Дальнего Востока, всего кочевого мира.

Устойчивый символизм и синкретичность формальных характеристик дают возможность современному художнику оценить по достоинству и использовать в практике опыт создания буддий-

ской пластики, предназначенной для культовых целей, но в то же время являющейся чудеснейшей художественной формой, символы которой представляют собой вечные духовные ценности, необходимые и в наши дни.

В современном искусстве, как и в прошлом, по-прежнему видение автора, его художественный вкус дают возможность развития внутри традиций, канонов и технических приемов.

В настоящее время в искусстве Бурятии складывается одно из направлений пластики бронзового литья, связанное с осмыслением наследия прошлого. Одаренность и высокий интеллектуальный уровень Д. Будажабэ, овладение им мирового опыта изобразительного искусства делают возможным не только сохранение, но и продолжение традиций. Внешне это направление не связано с европейскими школами, с течением реализма, с академическими правилами. Оно осваивает декоративные возможности восточной скульптуры как в малых, так и монументальных формах. Самые прямые аналогии символов – образов художника – в тибетских изобразительных традициях, сумевших совместить экспрессию северо-индийских стилей и более поздних китайских вмешательств.

Поиск себя вне зримого пространства и текущего времени создает условность и оркестровый символизм творчества Д. Будажабэ, существующего в рамках данного художественного направления. Может быть, поэтому одной из главных творческих задач автора является скульптурная композиция «Калачакра», для создания которой необходим не только профессиональный опыт, но и высокие морально-этические качества исполнителя. Известно, что в буддийской традиции художник должен был иметь специальное посвящение перед работой...

Основные произведения автора носят несколько назидательный характер, так как прочтение образов-символов связано с мифологи-

ей, обращенной к теме просвещения зрителя. Каждая скульптура, кроме экзотической формы, несет в себе подробное содержание. Отсюда и лирико-романтическое звучание названий: «Драгоценность, исполняющая желание», «Сарасвати (Богиня утренней звезды)», «Воин Шамбалы» и др. Гибкая пластика тел героев скульптур, пластичный декор композиций, сочные выпуклые объемы навевают мелодии загадочного Востока, вечной тайны скрытых символов, к постижению которых стремится пытливая душа.

Произведения Д. Будажабэ часто предназначены для буддийских храмов, выполняются по специальному заказу и используются в ритуальных целях. В ближайшее время автор заканчивает работу, которой придает очень большое нравственное значение: это двухметровая скульптура Будды для подношения дацану. Наблюдая за работой, теряешь представление о времени... Нет прошлого, настоящее слилось с будущим – и лишь руками автора движет Стремление к совершенству.

Надежда Комарова

< «Драгоценность, исполняющая желания» («Мальчик на слоне»). 43х34х28, бронза, литье, патинирование.

Сидящий на слоне мальчик символизирует позитивное состояние ума, способное укротить «бешеного слона» сознания. Сосуд, который он поддерживает, символизирует накопление добрых деяний. В правой руке у него кристалл, олицетворяющий мудрость.

< «Сарасвати (Богиня утренней звезды)»

«Рыбы». 40х28х18, бронза, литье, патинирование. Курильница для благоволий «Рыбы» – образ опоры и основы истинного знания драгоценности Учения. Кажется, что так из Мирового океана поднималась наша цивилизация, устремленная в свое будущее развитие. Форма сосуда-ладьи предполагает наличие водной стихии, организованной с помощью знания. Экспрессивные образы парных рыб подчеркивают активное действие, которое гармонируется центральной осью с наверхием – символом «пламенеющей жемчужины», одной из драгоценностей Буддизма.

Юбилейная выставка. Нечволодов

10 августа прошедшего года в эстонском городе Тарту (второй по величине университетский, культурный центр страны) открылась выставка художника Станислава Нечволодова, традиционного для автора и поклонников его творчества пятилетнего («пятилетка») цикла. На открытии Нечволодов объявил ее последней и приурочил к своему 70-летию. Выставка в трех залах Дома художника интересна и посещается зрителями, так как экспозиция всегда обновляется полностью. Если добавить, что в промежутке «пятилеток» устраиваются «маленькие» выставки в Швеции, Польше, в Тарту, то можно понять Станислава Нечволодова: он решил «пощадить стены» любимых выставочных залов, сэкономить на транспорте и погрузочных работах.

Архитектурно-строительная общественность помнит Станислава Нечволодова в Иркутске 1960-70-х гг. как архитектора, проектировавшего жилые и общественные здания в «Иркутскгражданпроекте», «Гипрошахте», «Машзаводе» (Авиазавод). Он читал лекции в политехническом и со скульптором Ряшенцевым в художественном училище. Ряшенцев и поставил последнюю точку на архитекторе Нечволодове. Далее уже без изменений места жительства и цели жизни – только скульптура, только Тарту.

Журнал «Проект Байкал» решил познакомить Вас, читатель, с некоторыми работами Станислава Нечволодова последних лет.

Воспользуемся цитатами из эстонской прессы. Газета Edasi, февраль 1990 г. В заключении тради-

ционной обзорной статьи, где, по разделам рассмотрев скульптуру, в том числе рельефы, медали, графику, художественный критик Бруно Явойш пишет: «Нет у нас другого такого художника. Много одаренных эстонских творческих душ мы проспали, оставили без поддержки. Этот художник не просит материальной поддержки. Он только ждет, что его увидят, его поймут.

Никогда меня не посетила грусть-тоска по своим молодым годам. Сейчас так случилось. Хочу стать студентом. Позвал бы друзей, вместе подняли бы «Сократа» (скульптура Нечволодова) на плечи и отнесли к Университету... Кто он, этот художник Станислав Нечволодов?»

Газета Postimees, декабрь 1993 г. Интервью журналиста Эрика Линнумяги «Экспрессионистический натуралист консервативный Нечволодов». Автор подробно вы-

спрашивает и описывает злоключения Нечволодова в перестроечное время в Эстонии, в том числе отказ Тартусского университета установить скульптуру Сократа, отказ художественной школы от его услуг как преподавателя, переезд скульптуры Сократа во Вроцлав (Польша), а Нечволодова – на преподавательскую работу в Польшу.

Газета Tartu, ноябрь 2000 г. Художник Mats Oun в статье «Станислав Нечволодов: человек Ренессанса» пишет: «Во многих домашних и зарубежных музеях представленный, действующий в Эстонии Нечволодов, несмотря на некоторые необязательные грехи, заслуживает высокой оценки выставкой, которая может быть примером другим художникам своим разносторонним открытием. Человек Ренессанса».

«Брат по цеху» – художник (Mats Oun) не может не лягнуть конкурента, нагло

«Друзьям – живым и мертвым», 2000 г., рельеф, дерево, левая половина

< «Сократ», медь, Вроцлав, Польша, 1995 г.
«Пушино», графика, 1985 г. (изображены Воронежский, Крупская, Чемерис, Аптектман)
«Франц Кафка», медаль, бронза, 1995 г.

«Юрий Лотман», масло, 2004 г., Тарту, Эстония

пристроившегося к его корыту, и далее пишет: «Графика Нечволодова базируется на рисунке. В эстампах малого формата наиболее приятные с шаржированным содержанием, такие как «Пуцино» (1985), «В мандариновом саду» (1987), в основе которых просматриваются мотивы Виральта и Отто Дикса...

Живописное творчество вызывает чувство погони за временем. Язык формы, взятый из графики, не дает в живописи желаемых результатов, хотя в отдельных вещах получены замечатель-

ные колориты... Заметно мажорное влияние Шагала, особенно в летящих фигурах и других очевидных эксплуатациях формы...»

Газета Postimees, «Кентавры в церковных стенах», май 1996. «...И в дополнение, наконец, мысль Groysi о том, что западное искусство всегда представляет то, что есть. Русское (славянское) искусство, начиная от иконы до сегодня, хочет говорить о другом, рядом находящемся мире. Отсюда понятно, что картина, которую мы ожидаем увидеть в выставочном

зале, должна быть чужда нашему восприятию. В действительности это не так. Некоторыйстораживающий чужой дух есть, но не раздражающий. Возможно, предыдущие взгляды близки среднерусским. Нечволодов принадлежит больше Западной Польше. Безусловно, на него повлияли долгие годы, проведенные в Эстонии. Однако мы должны помнить о происхождении художника (с польскими корнями, в Украине рожденный). Это объясняет многие явления..., но не является критерием оценки либо ключом легкого восприятия...

...Превосходна «Прогулка» – две очень обобщенные фигуры с собакой. В них те же утонченность и грация, что и в актах. Рядом возвышаются средневековые витражи и химеры... Ключом всей выставки является графический лист «Город», где фасады со старинными рельефами и другими архитектурными элементами, проникающими в ирреальный мир странных фигур. Где-то все-таки это перекликается с шагаловскими сновидениями. Но почему ключевая Картина? Потому что такие же возникновение, скольжение, тень, которые происходят на этом листе, находим и во втором, скульптурном зале. Свообразное церковное спокойствие и обаяние действительно присутствуют. Во-

обще, Нечволодов чувствует средневековую грусть, иногда трагичность...

...Интересной получается ситуация, когда уже не понимаешь, какие формы сделаны рукой художника, какие оставлены рисунком дерева...

...В результате монстроподобные изменяющиеся формы в действительности ощущаются странными...

...Безусловно, «Шут» – самая удачная скульптура на этой выставке. А какой материал!»

Reet Mark, культурный обозреватель пишет: «Возвращаясь к «Королевской паре»: еще раз приходит мысль о Тристане и Изольде.

С технической стороны это одна из эффектнейших работ, где «работают» крашеное и чистое дерево, металл, масляные краски и фломастеры...

Такой была открывшаяся мне картина. Рассказала только о части работ... В любом случае можно откровенно сказать, что это была выставка. Понравилась и восхитила».

К сожалению, у редакции не было возможности опубликовать все упомянутые в текстах работы. Это упущение компенсируется публикацией других работ автора.

Желающие посмотреть работы Нечволодова могут зайти на сайт: www.agn.uk.com/asn.htm

«Маевка», масло, 2003 г., Вроцлав, Польша

САУМА. Дизайн как культурное взаимодействие

фото
Елена Григорьева

«САУМА. Дизайн как культурное взаимодействие» – так называется выставка дизайнерских работ в Финском Посольстве в Вашингтоне. По признанию специалистов, это самая интригующая коллекция современного дизайна, показанная в Вашингтоне с тех пор, как в 2001 г. началась серия выставок «Молодой дизайн Севера: Generation X».

Финское слово «саума» означает стык, границу, а в разговорном языке – шанс попробовать что-то новое. Пятнадцать дизайнерских команд работали над созданием модной мебели, одежды и остроумных элементов городского дизайна.

Клаус Аалто в своих шкафах вместо ящиков приспособил аккуратные пластиковые портфели, чтобы занятые

люди могли просто и легко взять их и идти по делам.

Наполненные ароматами висящие шары приглашают посетителей войти, глубоко вдохнуть аромат и унести в далекие города: Париж (галлы и парфюмерия), Будапешт (паприка и выхлопные газы) и Хельсинки (лес и море). Чем пахнет Иркутск? С каким запахом ассоциируется Москва? Вслед за обонянием пробуждаются память и воображение.

Вот висят кружевные бумажные свадебные платья. Их наденут только один раз, затем снимут и выбросят не в ущерб постоянству данных на церемонии обещаний.

Проекту «Саума» 2 года. В нем участвуют не коммерческие проекты для крупных заказчиков, а инновационные

персональные работы. Но бумажные свадебные платья дизайнера Туйи Аста Ярвенпаа были уже продемонстрированы в мае в музее Кунстхалле в Хельсинки девятью невестами на публичном бракосочетании.

Самый практичный проект – куб, меняющий свою форму, Сирпы Форасты. Его можно согнуть и перестегнуть при помощи застежки-молнии, получив еще 11 различных форм, включая кресло, детскую колыбельку и кладовку. Одна из финских компаний согласилась начать производство этого изобретения.

Профессиональная портативная аудио-система, созданная известным дизайнером Харри Коскинемом, впервые выходит на всемирную экспозицию. Она напоминает

объемный алюминиевый ноутбук. Лампа Илкки Суппанена, частого участника международных мебельных выставок, сможет излучать рассеянный свет с жидкокристаллического экрана. Работа над ней все еще ведется.

После Вашингтона выставка переедет в Нью-Йорк и еще в течение двух лет с ней будут знакомиться жители крупных северо-американских городов.

Ну а пока предметы очень органичны в двухцветном (и более) пространстве, принадлежащем одновременно дому и хвойному парку за стеклом. Лаконичные и очень природные, как и само изысканное в своей простоте здание.

Финские.

1

2

3

4

1. Пластиковые портфели Клауса Аалто
2. Висящие шары Хильды Козари пробуждают воспоминания о разных городах, воспроизводя их запахи
3. Бумажное свадебное платье Туйи Аста Ярвенпаа
4. Куб, меняющий свою форму, от Сирпы Форасты

Жилой комплекс в историческом центре г. Красноярск (конкурсный проект-концепция)

Авторы проекта:

Проектная мастерская «А-2», г. Красноярск
Архитекторы: Истомин Н.А.,
Пигин, Ю.А., Шаталов А.Б.,
Шаталов Б.Б., Элли А.В.
Красноярск, 2005 г.

Представленный проект выполнен для открытого конкурса, объявленного в августе 2005 года одним из крупнейших застройщиков города Красноярск, строительной компанией «Сибиряк».

Градостроительная ситуация

Проектируемый участок площадью 2,1 га находится в Центральном районе города Красноярск у реки Кача, которая образует здесь «петлю». На противоположном берегу располагается исторический Юдинский сад. Недавно благоустроенная набережная дает горожанам прекрасную возможность для пешеходных прогулок и находится в прямом визуальном контакте с Покровской горой, увенчанной символом Красноярск – часовой Пятницы, знакомой россиянам по купюре в 10 рублей. Сейчас на участке находится ветхая малоэтажная жилая застройка начала XX века, не представляющая исторической ценности, а также стихийные металлические гаражи.

Концепция

Создать жилой комплекс высокого класса, прозрачный для сложившихся в историческом ландшафте пешеходных потоков и визуальных связей, рационально используя и развивая ценную ткань центральной части города.

Базовые принципы

1. Прозрачность и исторический ландшафт. Точечные секции не перекрывают исторические виды. Объемно-пространственное решение позволяет не нарушать существующие визуальные связи и даже создавать новые.

2. Обслуживание комплекса. Первые этажи объединены в «общественный стилобат», несущий функцию культурно-бытового обслуживания, включающую в себя сис-

тему магазинов, кафе, офисов, зрелищных и игровых заведений, а также помещений для дневного содержания детей дошкольного возраста.

3. Крыши-дворы. Для нужд жилых домов дворы с площадками для тихого отдыха, детскими игровыми площадками, благоустройством и озеленением, располагаются на крыше «стилобата», завершено техническим этажом, который помимо инженерной функции играет роль температурного шлюза.

4. Свободная планировка жилого этажа. Благодаря каркасной конструктивной системе жилые этажи могут иметь абсолютно любой набор квартир – от 1 квартиры площадью 450 кв.м. до 8 квартир площадью от 50 кв.м.

5. Независимая планировка этажей. Количество и планировка квартир на одном этаже могут не соответствовать соседним этажам. В верхних этажах предлагается разместить двухъярусные квартиры, пентхаузы или творческие мастерские.

6. Торговые улицы. «Общественный стилобат» рассечен двумя улочками, что почти в два раза увеличивает протяженность торговых фасадов и пешеходных пространств в комплексе и дает горожанам дополнительные возможности для шопинг-прогулок в районе исторического центра.

7. Подземная стоянка располагается в красных линиях застройки. Тем самым достигается ее максимальная емкость – возможность хранения 384 автомобилей, что почти вдвое превышает оптимальное количество квартир в комплексе. Доступ в стоянку осуществляется как из жилых секций, так и с торговых улиц.

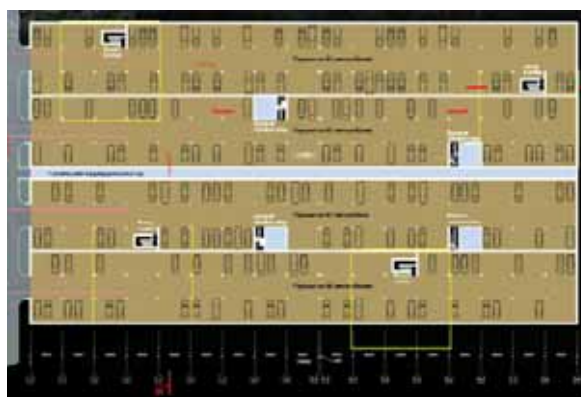
8. Очередность строительства. Объемно-пространственное решение предполагает возведение комплекса в 4 очереди (с поэтапным сносом ветхого жилья).

План жилых дворов
(на отм. 6.300 и 9.900)

План торговой улицы
(на отм. 0.000)

План паркинга
(на отм. -3.600)

Ответы рейтинговых архитекторов Иркутска на вопросы журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ»

Архитектурный мир живет активной творческой жизнью. Иркутские архитекторы являются хоть и заброшенной «во глубину сибирских руд», но все же неотъемлемой частью этого мира.

Как они чувствуют и как позиционируют себя на фоне мировых метаморфоз, пытается выяснить журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ», предложив рейтинговым архитекторам города ответить на несколько подготовленных редакцией вопросов.

1. Как нужно учить архитектуру?
2. Каким Вы видите непрерывное образование?
3. Архитектор сегодня, вчера (позавчера). Есть ли различия в статусе и сути?
4. Разработкой каких идей (направлений) озабочена сегодняшняя Иркутская архитектура?
5. Какой современный объект или какого автора (кроме себя) Вы хотели бы выделить особенно и за что?
6. Давит ли на Вас груз провинции, и в чем это (если давит) выражается?

Олег Бадула

Олег Бадула:

Каждый мастер архитектуры проходит в своей творческой жизни степень становления как ремесленника. Ремесло – инструмент в руках мастера для создания объектов, созвучных современной архитектуре. Поэтому, помимо всего прочего, в состав обучения должно входить обучение азам профессии. Этого можно достигнуть только путем расширения практики в действующих архитектурных фирмах. Как правило, студенты-архитекторы, работающие во время учебы и принимающие непосредственное участие в создании реальных объектов в архитектурных мастерских, быстрее входят в профессию, быстрее осваивают азы ремесла. Процесс обучения архитектора должен быть непрерывным, как и процесс обучения такого специалиста, как врач. Но непрерывное обучение архитектора в условиях жесткой конкуренции прежде всего вопрос самого автора. Он сам должен определять для себя творческие приоритеты и пути достижения профессиональных высот.

Если говорить о сути и статусе архитектора, я считаю, что суть не изменилась. «Польза, прочность, красота» – вот суть, которая была, есть и будет. А статус, судя по отношениям между профессиональным союзом и городскими властями, еще

достаточно низок, чтобы реально влиять на создание городской среды, отвечающей современным требованиям. В связи с вышесказанным, затрудняюсь ответить для себя на вопрос – разработкой каких идей и тем более направлений озабочена сегодняшняя иркутская архитектура. На мой взгляд, сегодняшняя иркутская архитектура скорее пытается выжить, чем «озабочена разработкой идей и направлений». И именно поэтому среди архитекторов, которых хотелось бы оценить, – авторы, у которых, несмотря на зрелый возраст, можно выделить один, максимум два, построенных объекта. И все-таки – в алфавитном порядке:

1. Борщенко – Институт инженеров железнодорожного транспорта;
2. Буйнов – Николо-Иннокентиевская церковь в г. Иркутске;
3. Жуковский – гостиница «Анастасия» в п. Никола;
4. Стегайло – Католический костел, Храм Ксении Петербургской, жилой дом на 1-й Советской;
5. Юшков – жилой дом по ул. Жуковского, жилой дом по ул. Лермонтова

И последнее: архитектура есть там, где деньги немалые. В сегодняшней ситуации, когда основные финансы сосредоточены в столице нашей Родины, трудно ожидать ощутимых результатов в развитии провинциальной архитектуры. А сама мысль о том, что положение вряд ли изменится в ближайшем обозримом будущем, является тем грузом, который давит.

Алексей Буйнов:

1. Общеизвестно, что между архитектурной школой и практикой существует ряд вполне закономерных и порой трудноразрешимых противоречий.

Весьма любопытной, кажется сентенция о том, что тот, кто умеет что-то делать, – это делает; кто не умеет собственно делать – тот учит, как это нужно делать. А тот, кто не умеет ни первое, ни второе, тот, как правило, заседает в жюри.

Но это все шутки из жизни

и, а если говорить серьезно, то процесс обучения архитектуре должен быть действием прежде всего комплексным, и собственно архитектурные дисциплины в этом процессе, очевидно, будут являться преобладающими.

И тут появляется первый вопрос: «Кого же, собственно мы хотим воспитать?» Обычного исполнителя-рисовальщика, архитектора среднего звена или, потенциально, того самого Мастера.

Если говорить о последнем, то получается, что слишком многому человека нужно учить. Я даже не о профессиональных знаниях, хотя и это очень важно, – архитектор должен уметь слушать и говорить, обладать знаниями прикладной психологии, владеть иностранными языками, иметь навыки руководителя и преподавателя – да просто иметь очень серьезный интеллектуальный и культурный уровень, не говоря о таких вещах, как умение находить общий язык с огромным количеством людей, уметь объяснять и воздействовать и пр., и т.п.

Ну а мы же – шесть лет «галопом по европам», не всегда отдавая себе отчет в правильности методов и последовательности своих поступков. Я знаю, о чем говорю – сам преподаю в вузе архитектурное проектирование.

На все это накладываются весьма специфические отношения между преподавательским составом школы. Разный уровень подготовки, и, чего греха таить, собственно, разный уровень в умении рисования этих самых домиков. Можно добавить наличие слабой материальной базы, старые и убогие (не все) методические пособия, отвлечение студентов на различные общественные и околообщественные мероприятия, а также работа на наполнение кошелек дорожайшего преподавателя.

Самое странное, что уровень этих «халтур» зачастую настолько низок, что просто нет слов. Вернее, они есть, но это очень специфические слова. Вот такой вот у нас на данный момент процесс обу-

чения архитекторов, и менять в нем надо очень много, и как можно быстрее, потому как следствием его является процесс ухода молодежи из профессии (по завершению учебы).

Результатом нынешнего учебного процесса является практически полное незнание и непонимание выпускниками вуза вопросов – куда он идет, зачем, для чего им надо все это или не нужно вообще.

А как учить? Да это-то как раз элементарно – архитектору может учить и научить только Мастер. Все остальные, извините (никого не хочу обидеть) всего лишь, помогают ему в этом процессе. И жаль, что мало у нас теперь мастеров, и не каждому они попадают на его жизненном пути.

2. А у нас вся работа – непрерывное образование. Любый новый проект, конкурс или просто эскиз ведет к знакомству с огромным количеством документов, норм, правил, аналогов. Всю жизнь архитектор учится смотреть и видеть, показывать и доказывать.

Профессия не дает стоять на месте, знание законодательства, политических процессов, да просто элементарных новостей – это то, без чего жить нельзя.

Это как самолет, который, даже если летит на одной высоте, все равно летит немножко вверх, потому как вынужден преодолевать силу земного притяжения.

Попытка лететь просто параллельно земле приводит только к одному – к падению. Поэтому настоящий архитектор никогда публично не скажет о себе, что он законченный Мастер.

Не помню, кто это сказал, но в свое время мне очень понравилась фраза о том, что законченными (извините) могут быть только придурки.

3. Архитектор позавчера – элита Императорского инженерного корпуса, если хотите – каста.

Человек, априори вызывающий всеобщее уважение, почитание и где-то, наверное, зависть. Наличие соб-

Алексей Буйнов

ственного мнения, обширнейших знаний и масса других плюсов, существенно отличающих его от изрядного большинства других членов общества.

Вчера и сегодня – нивелирование значимости профессии (тому масса объективных и субъективных причин политического и экономического толков), большая доступность в получении образования и, увы, его низкое качество. Как следствие, понижение профессионального статуса, склонность к принятию политических решений и замена личной позиции на общественную.

Архитектор завтра – хотелось бы снова вернуться к пункту первому, только на новом уровне.

4. Сегодняшняя иркутская архитектура практически не озабочена вопросами градостроительного характера, формированием собственной территориально-нормативной базы – в общем, каждый за себя.

Союз архитекторов фактически расколот – все отношения выясняем и никак не можем выяснить. Все остальные заботы стандартны: сроки, деньги, совершенствование профессионального уровня себя любимого и т.д. и т.п.

5. Количество приятных открытий в творчестве зарубежных коллег прямо пропорционально количеству поступающей информации – говорить можно много и о разном. А если о наших, то очень понравилась конкурсная работа по реконструкции застройки территории бывшего судостроительного завода в Улан-Удэ, получившая на конкурсе третью премию. Там работал творческий коллектив под руководством Е.И. Григорьевой.

Я искренне позавидовал мастерству авторов, изяществу принятого решения и, в конце концов, просто культуре подачи. Да и руки макетчиков, надо сказать, были золотыми.

Очень красивый проект жилого дома был представлен на фестивале «Зодчество Восточной Сибири 2005», автора С. Муллаярова. Классная работа.

Здесь, конечно, можно сказать, что родственников хвалю... Да хвалю, а почему бы и нет, если работы того стоят. А потом – восприятие

любого человека субъективно, и, что называется, можно спорить.

6. Смотри что понимать под словом провинция. Если сам город – то нет, город у нас замечательный, хотя места местами впечатление производит удручающее.

А если говорить о людях, которые меня окружают, то тем более нет.

Мне повезло, вокруг меня очень интересные люди, у меня замечательные друзья.

У каждого, правда, свои «тараканы» в башке, но, как известно, столичные «тараканы» всегда больше тараканов провинциальных.

Елена Григорьева:

Такие серьезные вопросы перед Новым годом. Главное – не стать мобил-дробилом. И не жаловаться на жизнь.

1. Качественно. Какими средствами достичь качества? – привлекать к преподаванию практиков с опытом и талантом; обеспечить возможность общения с ведущими российскими и зарубежными практиками и теоретиками; практика в проектных бюро Иркутска, Москвы; Интернет. И все это в той или иной степени делается в Иркутске.

Не забывать о том, что можно рисовать и руками.

Увеличивать набор количественно – показатель число архитекторов на 10000 жителей в России (знаем о проблеме площадей в ИргТУ) ничтожен, отстаем; и улучшать качественно: злоупотребление коммерческими приоритетами при отборе заведет (и уже заводит) нас в тупик – снижение уровня и отток из профессии при первом же поводе. Преданность профессии – ее вряд ли можно ожидать от профнепригодных.

Обратить особое внимание на знание технологий – доскональное, как если бы строить своими руками. Кажется, в этом наше поколение сильно проигрывает предшественникам и зарубежным коллегам.

Менеджмент и законодательство не преподаются или даются в недостаточном объеме.

Надеюсь, преподаватели-практики ответят конкретнее.

А вообще – архитектуре

надо учить всех граждан. В школьную программу, говорят, вставить ликбез по архитектуре невозможно – и так перегружена. Почему нет популярной программы об архитектуре по самому массовому из всех СМИ – телевидению? Ведь смогли же сделать очень интересную и довольно информативную передачу «Квартирный вопрос» по интерьерам квартир. Просвещение необходимо.

2. Дошкольное и Школьное – произвольная программа.

Обязательная программа – вуз и интернат (в России ее пока нет, но в некоторых странах существует, и Комиссией по профессиональной практике МСА расценивается как тенденция).

Далее – постоянное и обязательное совершенствование.

Семинары, мастер-классы, конгрессы, лекции, смотры-конкурсы, выставки, публикации статей об архитектурных событиях, преподавательская деятельность практикующих архитекторов. В подтверждение того, что для практикующего архитектора преподавание есть продолжение собственного образования, привожу цитату из голландца Кейса Кристиансе: «Архитектор преподает для того, чтобы собирать знания, а не распространять их. Обучая, он развивает у себя способность «скользить» по таким объемам знания, которые ни один человек не усвоил бы за целую жизнь».

Все вышеперечисленное может быть отнесено к элементам системы непрерывного образования.

Особое внимание следует уделить изучению обновляющихся технологий.

Есть ощущение, что мы отстаем не только в количестве современных технологий, применяемых в регионе, но и в те технологии, что уже пришли на наш рынок, знаем не глубоко. А ведь это инструментарий.

Законы, права и обязанности. Плохо знаем и, соответственно, позволяем нарушать права архитектора-автора и со стороны застройщиков, и со стороны чиновников – экспертирующих и согласующих, и со стороны работодателей – проектных

организаций.

3. На Конгрессе МСА в Барселоне цитировалась иерархия Бог – Король – Архитектор, после ухода открывавшего конгресс Хуана Карлоса докладчика, правда, сократили ее: Бог и сразу Архитектор. Создатель всего и создатель искусственной среды. Такого статуса в обществе профессия не имеет. Если когда и была такая идеальная модель, то утрачена и существует разве что в сознании понимающих свою ответственность профессионалов.

Однако всегда профессия считалась уважаемой и престижной. Даже в неблагоприятный советский период панельного домостроения в одном из фильмов мелькнуло народное: «Хороший человек. Архитектор, наверное».

Сейчас, похоже, наступает время, когда архитекторы становятся известны все более широкому кругу людей. Возникает такое явление, как звезды. На мой взгляд, это все же не повышение, а возвращение статуса.

Один исключительный пример этого явления есть в Вашингтоне. Национальная галерея искусств некоторое время назад получила новое крыло, спроектированное архитектором Пеем. Имя архитектора, выгравированное на стене вестибюля наряду с именами подрядчика и прочих, стало талисманом: посетители галереи непременно дотрагиваются до букв имени Пее. И будет тебе счастье. Феноменально. Фото прилагаю.

4. Обслуживание частного коммерческого интереса в ущерб общественному архитекторами и значительной частью практиков. С нарастающей агрессивностью. Такое вот интересное направление. И его уже не скроешь, впрочем, не особенно и пытаются.

Документы же МСА пря-

Елена Григорьева

мым текстом и по умолчанию говорят об обязательном служении архитектора-профессионала интересам общества.

Это главная заповедь нашей профессии. Не навреди.

Есть основание выделить как уже осуществленное направление переодевание одного и того же дома в разные одежды. Дом на набережной, Лермонтова, у «Баргузина» и на бульваре Постышева, последние разработки ИГП. Почему нет, если заказчики согласны тиражировать ставшее по сути типовым решение или колонна в центре небольшого холла не доставляет никому чувства неудовлетворенности, даже автономно. Свообразная интерпретация «Вам завернуть?» Перро на провинциальном меркантильном уровне.

И первый абзац, и второй приводят к мысли, что главенствует меркантилизм.

5. Еще недавно – Гери. Однако трудно не прислушаться к объектам опроса HUNCA по поводу медиагенности и подмены реального впечатления медиа-образом (ПИ №6) и репликам Бокова и Асса в дискуссии о музеях (ПР №36). Так что пока не увижу собственными глазами, поостерегусь восхищаться, а вдруг и в самом деле – полса. Люблю Аалто, Райта и Мейера. Восхищение объектами Павлова в Иркутске перебивает боль за то, как они искажаются пристройками, надстройками, неродной отделкой или неорганичным соседством. Из свежих впечатлений – финское посольство в Вашингтоне и МоМА в Нью-Йорке. Контакт, less is more и внутреннее пространство.

В нынешнем Иркутске в моем табеле о рангах по-прежнему лидирует квартал ул. Чкалова-Марата (авторы А. Макаров, С. Карпов, А. Колесников) при условии его завершения в полном соответствии с проектом, награжденным серебряными наградами Российского Зодчества и Международной Академии. Комплексный градостроительный подход, диалог с историей в масштабе пространств и в стилистике главного элемента фасада – вполне уместная непрямая цитата из деревянной иркутской архитектуры. Объект

был опубликован в первом номере журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ».

Симпатичны фасады нового дома по ул. Помяловского – Лермонтова архитектора А. Юшкова и компании (обложка №4 ПБ). Вполне контекстуальны магазин мебели, торцом выходящий на улицу Декабрьских Событий (арх. С. Демков, Н. Шерстова, С. Ставцев, ПБ №5) и здание Правовой академии по ул. Некрасова (арх. А. Буйнов, Н. Носова, В. Бызов, ПБ №4).

6. Как известно, в первоначальном значении слово ПРОВИНЦИЯ не имело того уничижительного оттенка, который появился со временем. А если и был, то носил скорее географический характер. Д'Артаньян, Гасконь, Прованс... Сейчас, когда звучит характеристика «провинциально», подразумевается «плохо, достойно захохотеться». В географическом смысле Иркутск, безусловно, провинция. Однако чрезвычайно привлекательная, бездна достоинств: природа, люди, суеты меньше, чем в столице, а расстояния теперь не такая уж и проблема. Есть и другие плюсы: «Если выпала в империи родиться, Лучше жить в глухой провинции у моря...» (Бродский). Даже море есть – все для счастья.

К глубокому сожалению многих, идет интенсивный процесс погружения славного города, некогда центра огромной губернии, в категорию захохотеться. В разных сферах, и область градостроительства – в авангарде этого процесса.

Думаю, в столицах тоже есть проблемы. Но такой неприкрытый цинизм чиновников по отношению к градостроительству, авторскому праву, общественности – это достояние провинции.

Мария Гурьева:

1. На мой взгляд, самый результативный метод обучения состоит в непосредственной работе с архитектором-практиком, который, постепенно усложняя задания, научит комплексному подходу к решению любой задачи.

А дальше все будет зависеть от конкретного человека, его работоспособности, обучаемости, мобильности и

удачливости.

2. Движение – жизнь, а бездействие подобно смерти.

Появляясь на свет, человек с первых минут начинает как губка впитывать информацию об окружающем мире.

Но с возрастом, обрстая проблемами и комплексами, становится практически закрытым от потока внешней информации. Чтобы избежать подобной участи, необходимо постоянно учиться, участвовать в профессиональных конкурсах, пополнять свой багаж знаний, искать новые интересные занятия, которые не связаны напрямую с профессией, но помогают развивать внимание, память, умение анализировать и принимать решения.

4. Иркутск – замечательный город. В его теле сплелись многие архитектурные стили и направления.

Но он был бы еще лучше, если бы каждый архитектор, проектируя, занимался бы не только творческим поиском, но и помнил о том, что существуют ответственные точки зрения градостроительства и исторически значимые места в городе. Хаотичность застройки ведет не только к потере пространственных ориентиров, но и разрушает целостность исторически сложившихся архитектурных ансамблей.

То там, то здесь появляются объекты, которые не просто «некрасивы», но зачастую не соответствуют элементарным архитектурным, конструктивным и другим требованиям.

На мой взгляд, некоторые проектировщики в последнее время просто зарабатывают деньги, особо не затрудняя себя поисками оптимального решения, что сильно отражается на качестве архитектуры.

5. «Архитектура не должна игнорировать назначение здания, а являться его воплощением». Эти слова известного архитектора Ричарда Мейера, на мой взгляд, четко и ясно формулируют основную цель, которую ставит перед собой архитектор в процессе работы над объектом. Стиль и качество работ Р. Мейера настолько упорядочены и ясны, что способны противостоять окрестному хаосу. Одной из последних работ Ма-

стера, которая произвела на меня впечатление, стала церковь «Ричард Мейер и партнеры» в римском квартале Тор Тре Тесте.

Изогнутые бетонные конструкции завершили объем здания, постепенно перетекая в просторный, хорошо освещенный интерьер.

6. Современный мир не стоит на месте. Каждый день появляются новые строительные технологии, материалы, системы автоматизации проектирования. Не секрет, что результат работы архитектора зависит не только от профессионального мастерства, но и от знания и умения пользоваться разнообразными программными продуктами.

В нашем городе очень сложно получить качественное образование в этой сфере из-за отсутствия специалистов должного уровня. Метод «научного тыка», конечно, никто не отменял, но тратить драгоценное время на изобретение велосипеда... В общем, очень бы хотелось, чтобы господа работодатели периодически вспоминали известную фразу о том, что «кадры решают все», и не боялись тратить на проектировщиков время и деньги.

Николай Жуковский:

Ну наконец-то! Вы добились своего... Одну тысячу извилин за срыв сроков, не было вдохновения ответить. Не хотел отвечать на эти вопросы принципиально, но что-то прорвало.

1. Больше всего надо учиться многообразию жизни, особенностям жизненных процессов, которые мы должны как-то организовывать пространственно. Особое внимание надо уделить «театральности» этих процессов.

Необходимо объяснить, что искусство организации пространства для людей, групп и общества, – это одна из сил, организующих Общество (градостроительство) среди юридических, экономических, политических сил на фоне культуры и морали.

Пробудить интерес к режиссуре организации любого уровня пространств, используя различные сопутствующие искусства, а далее – ремеслу использования форм, света, цвета, звука, психоло-

Мария Гурьева

Николай Жуковский

гии восприятия всего этого и т.д.

2. Пока не познано все многообразие жизни, не закончено и образование вообще. Обязательное чередование или, лучше, параллельное теоретическое (научное) и практическое (реальное проектирование) образование. Практики столько, сколько не подавит свободный творческий подход.

Подтверждение результатов – конкурсы, выставки, публичные защиты различных уровней.

3. По сути отношения общества (хуже государства) к архитектуре – и статус. Различий нет – вчера, сегодня, завтра – Чучело!

4. Сквозящая идея преодоления «Провинции» на фоне безоглядного поиска направлений (я допускаю равное наличие всяких направлений, в том числе и изделий просто плохого качества, для сравнения), на фоне виртуозного маневрирования среди мелких интересов мелких чиновников, не замечая и любя эту провинцию.

5. Идеальный геометризм и четкость архитектуры С. Калинина и А. Борщенко. Архитектурную критику (через раз принимаемая к сердцу) А. Колесникова на фоне большого количества заказов (благоприятный период), возможность творческого поиска (по совокупности объектов) А. Юшкова.

6. Смотреть ответы на четвертый вопрос без слова «идея».

Андрей Красильников:

1. С натуры.
2. Мобильным.
3. Есть, утрачен статус: архитектор – Главный строитель.
4. Быть на гребне времени.
5. Жилой дом по ул. Лермонтова (Юшков, Третьяков, Копейкина) за нестандартный подход.
6. Да. Опоздание во всем, минимум года на 2: строительные материалы, отделочные материалы, современные технологии в строительстве. Закостенелое мышление многих заказчиков – опоздание лет на 30.

Александр Колесников:

1. На мой взгляд, сегодня происходит перелом, переосмысление самой концепции архитектурного образования в России. Ведь наш российский диплом о высшем архитектурном образовании на Западе недействителен, его необходимо подтверждать, если российский архитектор решил поработать за рубежом. Корень этой проблемы в самом принципе обучения. Мы, наследники «советской школы», учили и учим достигать выдающихся результатов на примере лучших мировых образцов архитектуры, тем самым обозначая цель обучения – формирование в стенах высших школ выдающихся архитекторов, творцов, гениев архитектуры.

Западная, Европейская в частности, высшая школа готовит прежде всего специалистов, обладающих всеми профессиональными навыками архитектурного ремесла. Такой специалист приходит в мастерскую на производство и тут же начинает работать. Наш выпускник вза, приходя на производство, год или больше адаптируется, обучается необходимым навыкам сложного многодельного и, оказывается, коллективного проектного процесса.

Многие разочаровываются, большинство одаренных, способных действительно творить молодых специалистов, но не получивших базового образования – «ремесла», так никем и не становятся – за редким исключением. Особенно остро это ощущается сегодня, когда в архитектурное проектирование пришли реальные заказчики, реальные деньги и конкуренция, когда проектный процесс коммерциализировался и молодых специалистов на производстве перестали бесплатно водить за руку и «вытирать сопли» наставники.

2. Вводимое в России законодательство в области архитектуры и градостроительства уже обозначило главный вектор в этом вопросе. Чтобы быть успешным архитектором, необходимо постоянно совершенствоваться в профессии, регулярно подтверждая свое право самостоятельно работать. А это – аттестации, лицензирование, сертифика-

ция и т.д. и т.п., т.е. процессы, требующие постоянного самообразования, самосовершенствования в профессии. Главное, чтобы это не превратилось, как сегодня, в полную профанацию.

3. Если говорить о нашей стране, то архитектор сегодня безусловно отличается от архитектора вчерашнего. Вчера архитектор был элементом или частью целостного государственного процесса проектирования, сегодня же архитектор – это достаточно самостоятельный и важный элемент правового общественного поля, через него общество в целом и отдельный гражданин как заказчик материализуют свои представления о благосостоянии, и чаще всего представления общественные не совпадают с частными.

Вот почему Союз архитекторов России, следуя мировому опыту, принял Кодекс этики архитектора (раньше его не было), в котором архитектор призвал общественные интересы ставить выше частных и личных. Кстати, за нарушение этого Кодекса главный архитектор Иркутска был исключен из Союза архитекторов России. Несколько лет назад Массимилиано Фуксас, всемирно известный итальянский архитектор, сформировал это в девизе Венецианской биеннале: «Больше этики – меньше эстетики».

4. Практически все ведущие архитекторы Иркутска, с кем я общаюсь (и я в их числе), озабочены отсутствием какой-либо градостроительной политики в городе. Складывается впечатление, что нет даже желания власти, вернее, ее части в лице управлений архитектуры и градостроительства, вообще заниматься этой политикой. Нет местного градостроительного законодательства, нет градостроительной документации, нет проектов застроек улиц, площадей, микрорайонов, жилых районов и т.д., а по Российскому законодательству, документация на строительство любого объекта должна делаться только на основании согласованной градостроительной. Напрашивается вопрос: почти все строительство в Иркутске незаконно? На мой взгляд – это главное, чем необходимо сегодня зани-

маться.

5. Объект выделять не хочется, т.к. любой архитектор в любом конкретном месте сделал бы по-своему, и сегодня для иркутской архитектуры это не так важно. А вот автор, творец со своей четко выраженной позицией – как профессиональной, так и гражданской – мне интересен. Хочу назвать две фамилии, хотя список можно было бы и продолжить, но это наиболее яркие из числа близких мне по духу. Елена Григорьева и Николай Жуковский.

6. Я приехал в Иркутск 30 лет назад, попросив направление при распределении после окончания Воронежского инженерно-строительного института. Почему? Потому что в этом городе происходили большие архитектурные события и работали «большие» архитекторы – масштаба целой страны. Пестрели архитектурные журналы, об иркутских архитекторах писали книги, защищались диссертации, снимались фильмы. Практически все архитекторы периода расцвета иркутской архитектуры 1960-1980-х годов уехали. Больше никто не приезжает в Иркутск. Иркутску сегодняшнему «большим» не нужны. А жаль! Вчера «провинциальной» архитектуры Иркутска – достижение целой страны, и это радовало и вдохновляло.

Сегодня «провинциализм» в худшем понимании этого определения не только в архитектуре, но и в культуре Иркутска в целом просто удручает. Вот почему сегодня не приезжают, а в основном уезжают из этого города. Но это – мои личные ощущения, может быть, связанные с надвигающейся старостью. Ха-ха.

Юлия Лифантьева:

1. Как учить архитектуру? Вопрос не простой. Могу только ответить, что мне нравилось и чего не доставало во время учебы в университете, а также – что пришлось наверстывать уже в реальной практике.

Необходимо, чтобы студентам преподавали не только профессора-теоретики, которых я, безусловно, уважаю и ценю их преподавательский опыт, но и практикующие архитекторы – те,

Андрей Красильников

Александр Колесников

Юлия Лифантьева

что реально формируют ту архитектурную среду, что нас окружает. Они могут не только рассказать о трудностях, с которыми приходится сталкиваться в процессе проектирования и строительства объектов, но и поделиться собственным опытом, сформировать отношение студентов к профессии, к среде, к объекту, к деталям. Они могут реально оценить новые мысли и стремления студентов, наложить на них фильтр возможных «но», расставить флажки, регулирующие и упорядочивающие творческий порыв. Вот этот баланс теории и практики, гипотетического и прикладного может и, я верю, должен принести желанные плоды. А теория, развивающая фантазию, пространственное мышление и совершенно оторванная от реальности (я подчеркиваю – совершенно!) необходима на начальных курсах. Потом необходимо постепенно подводить «фундамент» под «воздушные замки» и знакомить студентов с реалиями и нормами.

2. Вот чего сегодня не хватает, так это непрерывного образования. Раньше хоть какие-то курсы были – повышения квалификации, люди ездили на стажировки, по обмену опытом. А сегодня непрерывным может быть только самообразование.

3. Сегодня я ощущаю, что архитектор – это обслуживающий персонал. Не сценарист городской жизни и пространства, а хороший обслуживающий персонал. Такой же, как юрист, хирург, бухгалтер – только результаты его труда на виду и не так преходящи, как все остальное. Такое положение архитектора связано с экономическим положением в области. В Москве, я уверена, все немного иначе. Архитектор вчера – это больше художник, чем сегодня, больше философ, больше гуманист, но меньше практик, меньше экономист, меньше революционер.

4. Глобально, мне кажется, сегодня иркутская архитектура ничем не озабочена. Очевидно, что сейчас ситуация сложилась так, что опережает, каким должен быть объект, кто угодно, но не автор-архитектор. Заказчик, чиновник – но не архи-

тектор. Поэтому у нас возникают такие объекты, которые вызывают разве что недоумение.

5. Если имеются в виду иркутские объекты и иркутские архитекторы, то я бы выделила Н. Жуковского. За его смелость в самовыражении, за то, что когда он делает объект на какой-либо конкурс, он не идет против себя, не подстраивается под заказчика и проектирует не для того, чтобы выиграть, а делает объект, от которого он получает удовлетворение. Считаю его «революционером» от архитектуры. Из его объектов мне нравится отель «Анастасия» в п. Никола.

А если говорить о мировых архитекторах, то, наверное, особенно я бы выделила Ричарда Мейера. Восхищает, насколько может быть самодостаточна архитектура как соотношение формы и пространства, что она не нуждается в цвете. Объект – Jubilee Church в Риме. Еще нравится Marc Rolinet и его L'arbresle (Франция, Версаль).

6. Что скрывать, конечно, бывает:

а) бывает, когда заложенные тобой проектные решения приходится менять, трансформировать, подстраивать под местный строительный рынок, под еще не созревших, не доросших до каких-то решений заказчиков, для которых это – слишком дорого, это – слишком сложно, а это – неудобно просто потому, что привык иначе. Конечно, можно проектировать и так, но архитектура от этого, как правило, страдает;

б) и наша провинциальность зачастую видна в том, как хорошие идеи становятся жертвами некачественно выполненных узлов, деталей. Плохой материал часто портит хорошую идею – и вот объект уже не «звенит».

Сергей Муллаяров:

1. На практике.
2. Непрерывная практика
3. Творец. Независимо от времени.

4. Безыдейное стремление следовать рыночно-конъюнктурным и административным требованиям.

5. Перро. Мариинка. Непонятно: хорошо это или плохо, но это – презентация будущего и еще одна рево-

люция в Питере.

6. Недостаточный объем интересной работы.

Наталья Носова:

1. Достаточно не простой вопрос. На мой взгляд, не зависимо от того, какую профессию человек получает, надо его научить не просто смотреть, а видеть, анализировать, формулировать, концентрировать идеи, пропускать через мозги и руки и получать результат. И, наверное, индивидуальный подход к студенту – помочь ему раскрыть творческий потенциал, особенности именно его восприятия пространства, цвета, объема, фактуры.

2. Непрерывное образование – это интерес, стремление к новым знаниям.

3. На мой взгляд, принципиально ничего сильно не меняется. Для профессионала главным остается проект (реализованный или нет). Какой бы философии, теорий, методов проектирования, стилей архитектор не придерживался, конечная цель – дом, КРАСИВЫЙ ДОМ.

4. Слишком мало информации. Журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» еще слишком молодой, в газетах все политизировано, а реклама того или иного комплекса с реальностью просто не соотносится (иногда просто смешная).

5. В последнее время достаточно сильное впечатление произвел дизайнер Луиджи Колони. За свой потрясающий футуризм, в основе которого лежит постулат: природа – это начало всех начал. Дизайнер черпает вдохновение в живой природе, которой не свойственны острые углы и прямоугольная форма, и отражает в дизайне своих изделий мягкие, закругленные живые линии.

6. Груз провинции? А что такое провинция? Если понимать это как вторичность, убогость, ну так ее и в столицах хватает. В мире если границы и есть, то только в головах.

Владимир Стегайло:

1; 2. Надо учить понимание пространства, приносить чувство вкуса, понимание красоты:

а) обязательно давать студентам понимание того, что архитектор должен ре-

шать социальные интересы в увязке с частными и коммерческими, ни в коем случае не отделяя их друг от друга;

б) на средних курсах обязательно давать АЗЫ менеджмента, структуру проектного бизнеса;

в) вернуть практикующих архитекторов в обучающий процесс;

г) компьютер – это помощник архитектора, а не замена его. Архитектор все придумал, а компьютер «подает» потребителю (заказчику).

3. Высшее предназначение архитектора – служить обществу: он личность общественная. Так было всегда – в большей или меньшей степени.

В настоящее время – капитализация общества – весь вопрос в том, кто из архитекторов и насколько смог совместить многогранные функции служения обществу: социальные и коммерческие, общественные и частные, конъюнктурные. И здесь сегодняшние архитекторы создают далеко не лучшую ситуацию в истории развития архитектуры.

Не у всякого архитектора хватает профессионализма объединить часто взаимоисключающие требования, кто это может делать – тот и настоящий архитектор.

К сожалению, статус архитектора как общественно-го деятеля падает – к сожалению, в мозгах самого архитектора в первую очередь.

Суть деятельности архитектора: создание пространственной среды должно оставаться вне зависимости от этапов развития общества и исторических коллизий.

4. Иркутская архитектурная школа сформировалась в конце 1970-х – в начале 1980-х и отличалась следующими параметрами: симбиоз элементов «столичности» и признаков региональности (малый сибирский город); комплексный подход к развитию города, градостроительное осмысление всех составляющих города, создание градостроительных ансамблей.

На основе вышперечисленного: создание ярких архитектурных объектов, встроения в существующую и вновь создаваемую среду города. Сейчас Иркутская

Сергей Муллаяров

Наталья Носова

Владимир Стегайло

архитектурная школа переживает кризис. Да, у нас есть отдельные здания и отдельные элементы города, но у нас нет самого города.

Мы теряем самостоятельность и не можем достичь признаков «столичности». Город отдельных самостоятельных зданий и амбиций отдельных архитекторов – это еще не город в его философском понимании как целостного организма. Помпезность и красивость отдельных домов на фоне разрушенной городской среды и инфраструктуры только подчеркивают удручающую картину. Произвол городских чиновников и чиновников от архитектуры привел к беспределу в сфере распределения земель, формированию инфраструктуры города и предложению «кудобных» архитекторов заказчикам.

6. Да. Это выражается в невозможности реализовать профессиональные идеи и решения во всем цивилизованном мире (и не обязательно в процветающих мегаполисах, но и в малых поселениях). Все время возникает вопрос: почему «там» получается, а у нас – нет. И вопрос не в масштабности решений – у «них» это получается даже на уровне устройства тротуаров и входных дверей.

Провинциализм проявляется в том числе и в невозможности власти, городского сообщества сформулировать, что они хотят видеть в своем городе, и полном нежелании не воспринимать предложения профессионалов или людей, кто это может сделать. Когда городу не нужен архитектор-творец, а нужен чиновник, тогда город становится провинцией.

Если город не может построить и содержать в достойном виде здания с хорошей архитектурой – это провинция. Если город не понимает своих достоинств и преимуществ перед другими городами и не желает их подчеркивать – это провинция.

Юлия Шевченко:

1. Мне кажется, нет определенно точного ответа, определенной формулы: у каждой архитектурной школы свое решение этой задачи. Университет – это только начало, безусловно, важное.

А дальше...? А дальше – учиться у профессионалов, уже на практике.

2. В Иркутске есть все для того, чтобы учиться непрерывно.

3. Мне трудно судить об архитекторе вчера и позавчера, поскольку я – начинающий архитектор. Архитектор сегодня – человек, зависящий от очень многих моментов. В первую очередь, это, конечно, существующие власти и экономическое состояние. Можно сказать, что архитектору сейчас одновременно и интересно, и сложно, и свободнее.

4. Конечно, поиск выразительных форм в архитектуре. А также наша большая задача (раз нам дана такая возможность, такое право) делать среду, в которой живет человек, качественной, красивой. Это касается и нашего города. Кажется мне, что Иркутску не хватает целостного подхода к образованию лица нового города.

5. Ричард Мейер.

6. Нет.

Александр Юшков:

1. Если вспомнить биографии великих архитекторов, можно проследить несколько обязательных моментов:

- от природы творческие способности;
- с раннего детства кто-то (родители, худ. школа) вводит в мир искусства;
- с юности – путешествия по миру, знакомство с архитектурой различных культур;
- хорошая архитектурная школа, и после – первые годы работы с мастером.

3. Да, на мой взгляд, в статусе есть различия. До революции статус архитектора (так же, как и врача, адвоката) был гораздо более значим. Возможно, мы вернемся к нему завтра? По сути же архитектор всегда творец.

4. Я думаю, главная задача иркутской архитектуры из XIX века перебраться в XXI век.

5. Наверное, современной Ле Корбюзье до сих пор никого нет. «Пионеров» новой архитектуры никто не обогнал. Капелла в Роншане поражает новизной форм, сочетанием разных стилей, изумляет зримым присутствием разных культур! Для середины XX века – это инопланетное сооружение.

6. Для архитектора груз

провинции неподъемен. Отсутствии технологий, материалов, мизерные масштабы капитальных вложений и совершенно недостаточная оплата нашего труда превращают творческий процесс в вечный бой с заказчиками, подрядчиками и самим собой.

Александр Яковлев:

1. Исходя из постулата «Книги пишут не для писателей, а для читателей», учить пониманию хорошей архитектуры, как, впрочем, и литературы, нужно как можно раньше и как можно большее количество детей, не обязательно потенциальных архитекторов. Почему дух прекрасного потерян в народе? Этот раздел знания стало стыдно называть термином «Строительное искусство». Чувство гармонии строений и природы, например, присутствует на объектах Кругобайкальской железной дороги, постройки столетней давности, и полностью отсутствует в поселке Листьянка, на курорте Аршан. Положительная тенденция к качеству архитектуры, понимание необходимости привлечения профессионалов у заказчиков постепенно, с приходом рыночной экономики, просыпается.

2. Кто-то из великих сказал: «Человек начинает стариться тогда, когда утрачивает способность учиться». Повышать знания, совершенствоваться по профессии необходимо на протяжении всей творческой жизни. Хорошо, когда начало архитектурного творчества, хотя и только «бумажного», приходится на начальную школу, но, к сожалению, это возможно в крупных культурных центрах, при Союзе архитекторов или архитектурном вузе. Ведь профессия, по большому счету, штучная, как в балете.

3. Профессия архитектора всегда была престижна и, видимо, будет таковой в обозримом будущем. На моей памяти регресс наблюдался в 60-80 годы: время панельного домостроения, борьбы с архитектурными излишествами, запрещением применения металлических кровель, мрамора, гранита, ковки, литья. Архитектор в то время перестал быть «первой скрипкой», его роль

сводилась к выполнению паспорта отделки фасада. Сегодняшняя тенденция, когда архитектор проектирует «коробку» и фасады, а приглашенный заказчиком дизайнер «прячет» конструкции интерьеров, тоже не верна. Мне больше интересна роль архитектора в будущем, когда будут использоваться новые строительные технологии, конструкции, отделочные материалы, хотя в основе остаются все те же извечные геометрические формы: конус, куб, шар.

4. В первую очередь, это транспортная проблема. Жаль, что в обозримом будущем отказались от строительства моста в створе улицы Декабрьских Событий. Новый мост в районе улиц Советских не решит проблему, это «Тришкин кафтан». Мост в створе Декабрьских Событий позволил бы освоить и поднять статус целого района напротив исторического центра города. Необходимо также перенести рынок «Шанхай», решить проблему парковок у крупных торговых центров, вообще проблему центра города, реконструкцию, сохранение, реставрацию исторических зданий, их приспособление с полным инженерным обеспечением.

5. Трудно выделить одного архитектора, тем более иркутского. Хотелось бы отметить комплексы жилой застройки архитекторов А. Юшкова, А. Красильникова, В. Стегаило, А. Колесникова, реконструкцию и реставрацию «Пельменной» А. Крутикова.

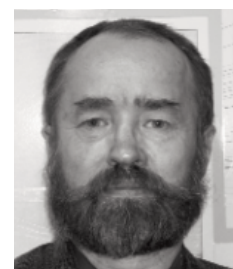
6. Видимо, не давит. Я родился, учился и реализовался как архитектор, в основном реставратор, именно в Иркутске, где памятники деревянного зодчества мирового уровня, что признают все. Другое дело, если бы мне прежде «выпало счастье творить» в Лондоне, Риме, Париже и т.д., а затем попасть в Иркутск, возможно, этот комплекс и был бы, а так мне не с чем сравнивать. Чужие работы здесь не в счет. Хотя здоровые чувства амбиций, карьеризма не вредят. Но ощущать высоту своей планки еще полезнее.

Юлия Шевченко

Александр Юшков

Александр Яковлев

Зодчие Земли Иркутской XVIII века: строительная миссия посла графа Рагузинского

материалы к Словарю Иркутских зодчих

текст
Алексей Чертилов

подбор иллюстраций
Алексей Чертилов

**Продолжение. Начало см.:
Чертилов А.К. Первые
зодчие Земли Иркутской
XVII века // ПБ, 2005. –
№ 5. – С. XXI-XXIV;
Чертилов А.К. Зодчие
Земли Иркутской XVIII
века // ПБ, 2005. – № 6. –
С. XXII-XXVI**

*...построил Троицко-сав-
скую крепость и в ней дере-
вянную церковь...*

П.И. Пежемский

*...отправлен по указу к
строению Селенгинской кре-
пости...*

**Сибиряковская,
Одинцовская,
Баснинская летописи**

История одновременного возникновения в конце 1720-х годов двух забайкальских пограничных населенных пунктов – Троицко-савска с оборонными и административными функциями и сугубо торговой Кяхты, позже образовавших единый город¹, – связана с одним из российских посольств, направленных в Китай. Известны и имена их основателя и первостроителей. Это глава посольства, российский дипломат сербского происхождения граф С.Л. Владиславич-Рагузинский и несколько офицеров русской армии, военных инженеров-строителей. Очередная посольская миссия прибыла на китайскую границу и далее в Пекин в 1726 году для снятия напряженности, возникшей не первый и не последний раз в отношениях между Россией и не всегда миролюбивым ее соседом.

Краткая история той дипломатической миссии такова. Екатерина I своим Указом от 18 июля 1725 назначает Савву Лукича Владиславича-Рагузинского главой

посольства, наделив его большими правами «Чрезвычайного посланника и Полномочного министра». Посольство направлялось «...для окончательного там решения дел как о духовной миссии...», так и «...для восстановления торговли с Китаем, разграничения определенных земель... и пресечения взаимных ссор» (Пежемский). Перед послом была поставлена главная задача: «...определить государственную границу, отнюдь не допуская, как того желали китайцы, чтобы граница шла по реке Ангаре, и отклоняя стремления их утвердиться на Иртыше» (Щеглов, выделено Ч.А.). В октябре т.г. Владиславич со своей многочисленной свитой выехал из Петербурга, и в апреле-марте 1726 г. посольство прибыло в Иркутск, откуда отправилось летом на судах «чрез Байкал-море» и в августе добралось до границы с Китаем. В Пекин миссия успешно добралась в конце того же 1726-го. Для российской стороны переговоры сложились очень не просто. Саввой Лукичом «...было предложено 20 проектов трактата, отвергнутых китайцами. Мандарины угрожали даже умерить с голлуду его, если он не согласится на их условия...».

В апреле 1727 г. Рагузинское посольство все же благополучно покинуло Китай, а 20 августа полномочные министры государств на спор-

ной тогда еще границе, на реке Буре, составили окончательный договор, «полезный для обеих империй», который был отослан на подпись китайскому богдыхану. Савва Владиславич установился в приграничном городе Селенгинске, где ожидал какого-либо ответа почти год – договор, т.н. Буринский (или Кяхтинский) трактат «о вечном между обеими империями мире», был ратифицирован китайской стороной лишь в июне 1728 г. (Щеглов). Тем же летом посольство отправилось «на судах водою» через Иркутск обратно в Россию.

И как знать, не проявил ли тогда граф Рагузинский упорство, определенную смелость и дипломатический талант и уступил «мандаринам» в их притязаниях на сибирские территории, ставшие с середины XVII века российскими, вся земля Иркутская – и Забайкалье и Прибайкалье, даже больше – вся Восточная Сибирь могла быть сегодня одной из многонаселенных, национально однородных провинций Поднебесной.

Но этого, к счастью или несчастью, не произошло, свершились другие события. Ожидая подписания договора, Чрезвычайный посланник построил на границе с Китаем, на реке Кяхте, два новых пограничных пункта – Ново-Троицкую (Троицко-савскую) крепость и в четырех верстах от нее

Кяхтинский форпост. Таким образом, нынешний город Кяхта обязан своему возникновению дипломату С.Л. Владиславичу-Рагузинскому – по его указанию он был заложен. И не только заложен. Строительство первых деревянных объектов – крепости с таможней (возможно, и храма) и торгового поста с Гостиным двором в нем – велось по проектам (эскизам) посла, то есть граф Рагузинский является еще и первым троюцко-савским, кяхтинским зодчим.

У дипломата были соавторы – военные инженеры-строители, также командированные в Сибирь царским правительством и наверняка в его распоряжение и появившиеся в Забайкалье практически одновременно с ним, в 1727 году. Это было, конечно, не случайно, они оказались здесь по той же причине – для укрепления южных границ России. Сколько их было всего, нам не известно, речь пойдет о четырех таких специалистах, отмеченных в Иркутских летописях.

Один из них – полковник И.Д. Бухгольц, видный военачальник и администратор времен освоения Сибири русскими, основатель и строитель Омской и других крепостей, был направлен сюда со своим полком «для управления пограничными с Китаем территориями». Второй – «лейб-гвардии бомбардирской роты поручик»

Вид города Селенгинска.
1730-е гг.
Гравюра Н.Ф. Челнокова с
рисунка И.-В. Люрсениуса

Кяхтинская торговая слобода («Кяхта»). Гравюра XVIII-XIX в.

А.П. Ганнибал. Третий – инженер-прапорщик С. Бабарыкин. И четвертый – капитан Княгинкин (о нем меньше всего сведений). Поручик и прапорщик были отправлены из Тобольска специально в «Селенгинск-город для построения новой крепости». Это были (во всяком случае, Ганнибал – точно) образованные и опытные специалисты в фортификационном деле, в оборонном строительстве. Вторую, капитальную Селенгинскую крепость по разным причинам так и не построили. Зато в том же 1727 году летом, в широкой долине реки Кяхты, недалеко от устья речки Грязнухи, в окружении невысоких гор строится Троицкосавская «крепостца» (позже город Троицкосавск), а в ней – таможня и церковь. И год спустя, в 1728-м летом же – форпост при крепости с Гостиным двором (позже Кяхтинская торговая слобода).

Названные офицеры имеют к Троицкосавску – Кяхте или прямое, или косвенное отношение. Это уже были не «зодчие из народа», а профессионалы, военные строители, не просто «по ходу» и по текущей, срочной необходимости возводившие оборонительные и иные объекты, как было в век «мирного завоевания» страны Сибирской, но проектировавшие их и руководившие их плановым строительством. Данные события показывают, что в первой трети XVIII сто-

летия, в напряженное для двух Великих империй время, новые русские форпосты на границе с Китаем строились под руководством и по проектам профессиональных военных строителей-зодчих.

Одновременность и причастность к одним и тем же событиям, к одним и тем же инженерно-архитектурным сооружениям этих лиц позволили объединить краткие биографические справки о них в отдельный материал.

ВЛАДИСЛАВИЧ-РАГУЗИНСКИЙ Савва Лукич

Граф Рагузинский (князь Иллирийский), действительный статский советник, Чрезвычайный и полномочный российский посол в Китае, основатель и зодчий Троицкосавской крепости (будущего Троицкосавска) и Кяхтинского форпоста при ней.

Серб по происхождению, он родился в Боснии в 1669 году. Торговал с Россией, при этом являлся торговым, финансовым агентом (тайным советником) российских послов в Константинополе, на Балканском полуострове. В итоге перешел на службу царского правительства и в 1710 г. был произведен в надворные советники. В 1711-м участвовал с Петром I «в прутском походе», получив от Рагузинской республики графский титул и соответствующую приставку к фамилии. С 1710-х вы-

полнял дипломатические поручения российского правительства за границей. В марте 1725-го Екатерина I жалует его в действительные статские советники и в июне того же года назначает главой посольства в Поднебесную. Выполняя эту миссию, Владиславич заключил очень важный мирный договор с китайским императором о возобновлении торговли и об окончательном установлении выгодной для России границы между империями. Скончался Савва Лукич в 1738 г. в Санкт-Петербурге².

Находясь в Забайкалье во время вынужденного ожидания разрешения вопроса по Кяхтинскому трактату, летом 1727 г. граф Рагузинский, не дожидаясь его подписания, спешно возводит на реке Кяхте крепость и через год (сразу же по подписанию договора) – форпост при ней. Таким образом, волею дипломатической судьбы он стал основателем и первостроителем двух населенных пограничных пунктов – Троицкосавска, вернее Троицкосавской (называемой поначалу Ново-Троицкой) крепости с первыми таможней и православной церковью во имя Живоначальной Троицы, и торгового поста с первым же Гостиным двором. При этом является их зодчим, автором проектов, эскизов (Минерт).

Пежемский: «...Рагузинский построил Троицкосав-

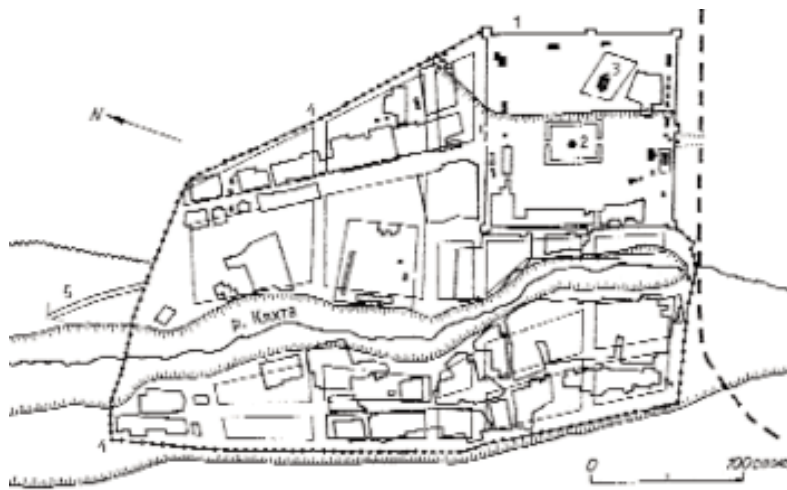
скую крепость и в ней деревянную церковь св. Троицы, оставив в ней свою походную церковь и всю серебряную утварь. Он построил также таможенный дом...». Щеглов дополняет: «Пока велись переговоры с китайцами на границе, граф Рагузинский построил на р. Кяхте Гостиный двор, а в 4-х верстах от него основал крепостцу... назвав ее Новотроицкой, ибо начата постройкой в Троицын день в 1727 году». В церкви имелся придел во имя святого Саввы Сербского, отчего и произошло слово Троицкосавск. Хотел того или нет российский посол, но, посвятив придел храма своему Божьему заступнику, он вложил в первоначальное название города косвенно и свое имя, т.е. имя его основателя и первого зодчего.

С Чрезвычайным послом также связано устройство самого позднего и самого протяженного фортификационного сооружения Иркутска – палисады. Высочайшим Указом от 15 сентября 1726 г. «в связи с тревожной обстановкой на китайской границе... повелено обнести сибирские города палисадами и окопать рвами» (Колмаков). В городе столице на Ангаре это было сделано оперативно – за два-три осенних месяца: «Сего года город Иркутск обнесен крепким палисадом с воротами, который окружал почти всю застроенную

1. Долгое время пограничный город, образовавшийся еще в XIX веке из двух населенных пунктов в один, официально назывался Троицкосавском. Кяхтой традиционно именовалась лишь его часть - торговая слобода, место бывшего форпоста Ново-Троицкой крепости. Город переименовали в Кяхту уже в советское время, в 1934 г.

2. Составлено в основном по П.И. Пежемскому и И.В. Щеглову.

3. Позже, в 1760 г. оборонительная линия была ликвидирована - вал срыт, земляным отвалом засыпали ров, на месте палисады предложена улица Большая Преспективная, или просто Большая (ныне К. Маркса).

План Кяхтинских форпоста и торговой слободы. Конец XVIII в. Схема Л.К. Минерта (по архивным материалам ЦГВИА). Показана существующая застройка и предполагавшаяся ее регулировка.

- 1 - палисад форпоста;
- 2 - Гостиный двор;
- 3 - церковь;
- 4 - ограждение торговой слободы;
- 5 - дорога в Ново-Троицкую крепость

4. В 1758 г. «вместо развалившейся старой крепости», построенной Бухгольцем на левом берегу Оми, была построена новая крепость на ее правом берегу (Щеглов).

5. Возможно, сама идея строительства новой Селенгинской крепости на неудобном, невозможном для этой цели месте (о чем было заранее известно в столице?) есть дворцовая интрига, в сети которой и попал Ганнибал? Ведь за неисполнение этого поручения ни граф Рагузинский, ни Бухгольц не были наказаны, хотя задействованы были в том деле не меньше, чем крестник Петра I, если не больше.

6. Кондуктор - здесь: младший офицерский чин (унтер-офицер) или воспитанник вообще по разным инженерным, строительным или иным ведомствам.

7. Справка составлена по Л.К. Минерту.

в то время местность» (Пежемский). Точнее, это укрепление не окружало весь город, а ограждало его с юго-востока – по прямой линии между реками Ангарой и Ушаковкой протяженностью около трех километров³. Направляя в Китай посольство, императрица имела серьезные основания опасаться военного вторжения со стороны «засибирского» соседа, в связи с чем Россия вынуждена была укреплять сибирские города. Организатором и контролером от правительства этого процесса в те годы на месте стал граф Рагузинский.

Со строительной миссией Саввы Владиславича связано появление первого и самого точного на то время топографического плана столицы Прибайкалья и других населенных пунктов Восточной Сибири. Год 1729-й: «Геодезистом Михаилом Зиновьевым, находившимся в Иркутске при Рагузинском посольстве, составлен план города «в красках» (Колмаков). Без распоряжения или заказа посла такая важная и дорогостоящая работа не могла быть выполнена. Таким же образом его геодезистами были выполнены планы других, новых пограничных пунктов Кяхты и Троицко-савска, и не только (Селенгинска?): граф Рагузинский «...уехал в Россию с отчетом о всех своих действиях, с чертежами Сибири...». Известно, что планы крепости и форпоста на Кяхте были представлены послом правительству вместе с отчетом (Щеглов, Минерт).

Итак, С.Л. Владиславич-Рагузинский был не только

талантливым дипломатом, проявил себя не только как удачливый «Чрезвычайный посланник и Полномочный министр к Пекинскому двору», но и как организатор, основатель и зодчий пограничного города Троицко-савска-Кяхты, стратегическое и экономическое значение которого для России трудно переоценить. Также с ним связано устройство (по его прямому указанию, начертанию выполнено?) последнее по времени оборонительное сооружение города Иркутска – палисады.

БУХГОЛЬЦ (БУХОЛЬЦ) Иван Дмитриевич

Полковник (бригадир), военный инженер-строитель, зодчий. Основатель и строитель ряда сибирских крепостей, в том числе Омской. Командир Якутского полка. Последний Иркутский воевода, комендант Селенгинска. Одна из ключевых фигур в освоении Сибири.

Самое раннее летописное упоминание о Бухгольце встречается у Щеглова в его «Сибирских Хрониках» за 1714 год: «Послан бригадир Бухгольц для завладения г. Яркентом и для поисков золотого песку по реке Дарье» (поход был безуспешным). Тот же Щеглов: в 1715-м «Бухгольц с отрядом в 3 000 человек, прибыв к Ямышевскому озеру, основал крепость Ямышевскую, но был осажден джунгарами, вследствие чего принужден был с большим уроном отступить к устью р. Оми». В следующем, 1716-м г. им же была основана Омская крепость «...на берегу Иртыша по левую сторону Оми»⁴.

В декабре 1726 г. полковник Бухгольц прибыл из Тобольска со своим Якутским полком в Иркутск и зимой «по закрытии Байкал-морья льдом в 1727 г. отбыл...» в Забайкалье для управления пограничными с Китаем территориями (летописи Пежемского, Сибиряковская), в том числе для строительства новых крепостей. Здесь, по царскому Указу о переносе Селенгинской крепости на другое место, Иван Дмитриевич принимает попытки возвести своими служивыми и местным населением новую крепость – в дополнение, взамен старой деревянной (Минерт). Но дело не увенчалось успехом по объективным причинам – неопределенностью при выборе конкретного места, сложной геологической ситуацией и недостаточностью опыта и квалифицированных специалистов каменного строительства. В помощь «для построения на новом месте Селенгинска» были присланы бомбардир-поручик А.П. Ганнибал и инженер-прапорщик С. Бабарыкин (летописи Лосева, Сибиряковская, Баснинская, Пежемского и др.), которые также не продвинули дело. Между тем со стороны Китая ослабла военная угроза, возобновились торговые отношения, поэтому в новой крепости отпала необходимость.

Полковник Бухгольц по приказу графа С.Л. Владиславича-Рагузинского летом 1728 г. выделил в распоряжение капитана Княгинкина около 400 человек из состава полка на строительство Кяхтинского форпоста (Минерт). Предположительно, имея богатый опыт возведения оборонительных сооружений, мог участвовать сам в его постройке – так же, как и годом ранее в возведении Ново-Троицкой крепости.

В апреле-октябре 1731 г. «по силе Указа Правительствующего Сената» Иван Бухгольц управлял Иркутском, став последним во времени Иркутским воеводой (в том году была введена новая должность вице-губернатора), отбыв в 1732-м в Селенгинск, где служил комендантом города до

1740 г. (Лосев, Баснин, Пежемский и др.).

ГАННИБАЛ Абрам Петрович (ПЕТРОВ Авраам)

Генерал-инженер (генерал-аншеф, генерал-лейтенант от артиллерии), военный инженер-строитель, зодчий. Прадед А.С. Пушкина, поэт увековечил его в своей повести «Арап Петра Великого».

«Он был родом с берегов Африки (арап), куплен в Константинополе и прислан в дар Петру Великому, который был ему крестным отцом...». После смерти царя-крестного был выслан из столицы своим недоброжелателем князем А.Д. Меньшиковым «на службу» в Сибирь, Тобольск (Пежемский). Отсюда, будучи в звании лейб-гвардии поручика бомбардирской роты, командирован в Забайкалье «в пограничный Селенгинск-город для построения новой крепости», где находился с перерывом с 1727 по 1730 гг. Прибыл на место, дерзко отказался «сочинять тому строению чертеж», посчитав это поручение «как следствие козней личных врагов» (Минерт).

Был проездом в Иркутске минимум четыре раза: туда и обратно в 1726-м и 1727-м и также в 1728-м и 1730-м. Последний раз под стражей – «за nepoзвoлeнныe пoстyпки... в Селенгинске учиненные, арестован и отослан к суду в Тобольск» (Лосев) – по-видимому, за отказ сочинять тот злополучный чертеж и за попытку самовольно покинуть Сибирскую ссылку⁵. «...Императрица Елизавета Петровна возвратила свободу любимцу и крестнику своего родителя, при ней он «был уже артиллерии генерал-поручик и кавалер». В 1743 г. – оберкомандант г. Ревеля, с 1756-го – генерал-инженер (Пежемский).

Если верить летописным источникам, Ганнибал – один из названных военных инженеров – не мог участвовать в строительстве Ново-Троицкой крепости и Кяхтинского форпоста, у него есть «алиби» – в это время он был в отъезде «до Тобольску». Зато – по некоторым данным – известно, что

русский офицер А.П. Ганнибал, специально обученный в Европе фортификационной науке, был направлен в наши края в связи с обострением отношений между Россией и Китаем не только для возведения новой Селенгинской крепости. Ему было поручено провести ревизию и других существующих сибирских острогов, крепостей и дать рекомендации по их усилению, расширению и реконструкции. Так, в частности, им (собственноручно?) были выполнены обмеры и чертежи Бельского острога на реке Белой.

Получается, любимец-крестник Петра Великого Абрам Петров Ганнибал был одним из немногих первых столичных профессиональных военных строителей-зодчих, направленных царским правительством в Восточную Сибирь.

БАБАРЫКИН (БОБОРЫКИН) Семен

Прапорщик, военный инженер-строитель, зодчий(?). В 1726-1727 годах Бабарыкин «с кондукторами»⁶ был командирован из Тобольска в Забайкалье для возведения на новом месте крепости в пограничном с Китаем городе Селенгинске. Прислан был в помощь полковнику Бухгольцу и на замену бомбардир-поручику Ганнибалу. Как и предыдущие его коллеги, был проездом в Иркутске и так же отбыл зимой через Байкал по льду к месту работ. Но какой-то рок преследовал начинание по переносу новой Селенгинской крепости. В итоге, хотя и было разработано несколько проектов (Минерт), в одном из которых наверняка участвовал Бабарыкин, ее так и не построили по причине отпавшей стратегической необходимости. Инженер-прапорщик предположительно мог участвовать по распоряжению (под руководством) графа С.Л. Владиславича-Рагузинского в строительстве новых пограничных пунктов в Забайкалье на реке Кяхте – Троицкосавской крепости и торгового форпоста. Закончил Семен Бабарыкин свою карьеру военного строителя-зодчего в Восточной Сибири печально – за какие-то «разные проделности» (в связи с

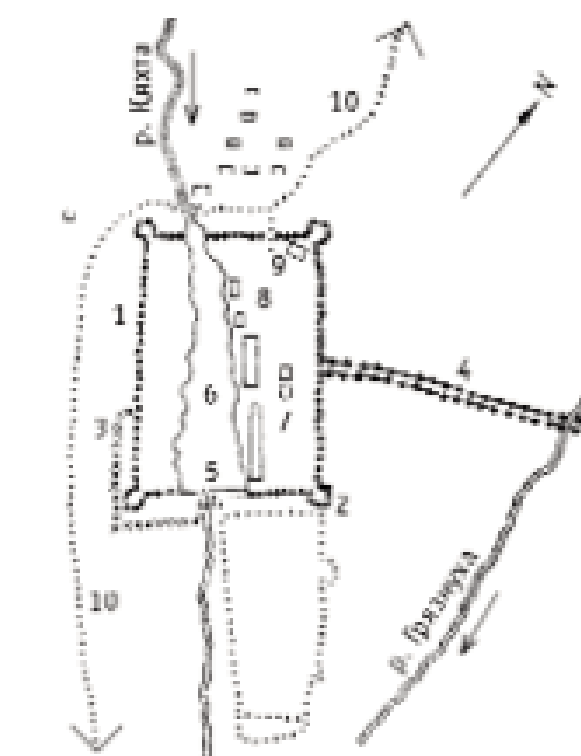
невыполнением задания по постройке крепости?) в 1731 году был отдан – так же, как и А.П. Ганнибал (вместе с ним?), под суд.

КНЯГИНКИН

Капитан, военный инженер-строитель, зодчий(?). В 1728 году (находясь при посольстве, в свите российско-го посла?) по приказанию и по проекту (эскизу) С.Л. Владиславича-Рагузинского осуществил строительство Кяхтинского форпоста Троицкосавской крепости, возглавляя производство работ. То есть стал непосредственным исполнителем замыслов дипломата-зодчего. В частности – первого деревянного Гостиного двора. Для этой цели в его распоряжение полковником И.Д. Бухгольцем «было выделено в качестве рабочей силы около четырех сотен солдат и казаков» Якутского полка⁷. Инженер-капитан Княгинкин также мог участвовать в 1727 году и в сооружении Ново-Троицкой крепости.

Троицкосавская (Ново-Троицкая) крепость

Год основания и сооружения первых объектов – 1727-й. Той первой деревянной крепостью граф Рагузинский перегородил реку Кяхту, расположив строения на обоих ее берегах. Одной короткой, северо-западной стороной крепостная стена проходила над рекой, а с противоположной стороны была устроена плотина, таким образом образовался большой пруд, вытянутый по всей длине крепости (существовал недолго из-за разрушения плотины). Защитными наружными стенами служил палисад в виде неправильного четырехугольника размерами 60*80 сажени. Углы стен были организованы выступающими пятиугольными бастиями⁸. Со стороны юго-западного угла, обращенного к границе, было поставлено дополнительное укрепление в виде рогатки. От палисада, примыкая к нему, в восточном направлении, пересекая долину Кяхты и речку Грязнуху, тянулись надолбы⁹, «преграждая путь контрабанде и возможному вторжению». Военное поселение внутри палисада составляли казармы,

План Ново-Троицкой (Троицкосавской) крепости. 1735. Схема Л.К. Минерта по материалам экспедиции Г.Ф. Миллера.

- 1 - палисад;
- 2 - бастияны;
- 3 - рогатки;
- 4 - надолбы;
- 5 - плотина;
- 6 - пруд;
- 7 - казармы;
- 8 - амбары, склады;
- 9 - Троицкая церковь;
- 10 - дорога на Селенгинск и Кяхтинский форпост

конюшни, амбары, склады и церковь. «Оборонительные сооружения крепости весьма скромные. Они и в дальнейшем не были существенно усилены...» (Минерт). Крепость давно не существует – «валы и рвы изгладились совершенно» уже к середине XIX столетия. Город Троицкосавск играл важную роль – одно время он был столицей пограничного округа Забайкальской области (Щеглов).

Кяхтинский форпост

Год основания и строительства первых объектов – 1728-й. Главным сооружением торгового пограничного поста был деревянный Гостиный двор, прямоугольный в плане 18 на 32 сажени, занимавший центральное положение на квадратной площади размерами 100*100 саж., «огороженной палисадом, с угловыми бастиянами...». Сам двор с 32 лавками тоже был своего рода оборонительным объектом (уже второго, внутреннего двора) – имел глухие наружные стены с воротами. «Вокруг Гостиного двора по периметру защитных стен располагались 32 дома для купцов». Строительство форпоста с Гостиным двором инженер-капи-

тан Княгинкин завершил в том же 1728-м г., уже в отсутствие главного автора сооружения – российского посла, когда тот уехал в Россию. И вскоре администратор пограничного края полковник И.Д. Бухгольц докладывал правительству о том, что «торг с китайцами на Кяхте в Троицкой слободе уже открыт» (Минерт). Кяхта была назначена главным пограничным торговым местом с российской стороны и со временем «приобрела весьма важное значение». Уже позже, после отъезда Чрезвычайного посланника из Сибири и его смерти (1738), «по Указу 1743 г.» была учреждена Кяхтинская торговая слобода, долгое время называемая официально в документах форпостом Троицкосавской крепости, фактически же с самого начала она была исключительно торговым пунктом. Впоследствии взамен первого Гостиного двора построили новый, также деревянный, но более вместительный, который, в свою очередь, в 1830-1840-х гг. заменили уже капитальным, ныне существующим каменным зданием (Щеглов, Минерт).

8. Бастиян – как правило, угловой многогранный (обычно пятиугольный) в плане, обращенный наружу выступ фортификационного сооружения (крепости) и связанный стенами или валом, рвом, с другими бастиянами, оборонительными постройками. Главное назначение – обстрел с него противника в пространстве между бастиянами, вдоль крепостных стен.

9. Надолбы (или рогатки) – здесь: разновидность фортификационного сооружения в виде вертикально врытых в землю бревен.

Использованная литература:
Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). – Иркутск, 1911.
Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. – Иркутск, 2003.
Летописи города Иркутска XVII-XIX вв. – Иркутск, 1996.
Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск, 1983.
Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. – Сургут, 1993.

ОТ ГОРОДА-САДА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПОСЕЛКУ-САДУ государственная градостроительная политика в СССР в начале-середине 1920-х гг.

1. Планомерность застройки города-сада по заранее разработанному плану была одной из основных линий противостояния идеи города-сада практике появления стихийно возникавших и также стихийно развивавшихся.
2. Например, как 10 акций в Берлинском Строительном Товариществе. Здесь стоимость 1 акции (пая) равнялась 200 маркам. Эту сумму можно было уплатить либо сразу, либо постепенными еженедельными взносами по 40 пфеннигов (Извлечение из Устава Берлинского Строительного Товарищества. В кн. Диканский М.Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. С-Пб., 1908. С.218)
3. Там же.
4. Ориентация на строительство города-сада за чертой существующих городов изначально исключала спекуляцию землей.
5. Устав Берлинского Строительного Товарищества, Устав Дрезденского Общепольного Строительного Союза и др.
6. В частности, подобное положение зафиксировано в Уставе Берлинского Строительного Товарищества (Там же. С. 219). А вот Устав Дрезденского Общепольного Строительного Союза предусматривал зависимость числа голосов от количества акций (правда, не напрямую): «Правом участия в Общем Собрании пользуется каждый акционер. Если акционер владеет тремя акциями, каждая акция дает ему один голос в Общем Собрании; если он владеет свыше 3 – до 15 акций, то каждые 3 акции дают ему еще по одному голосу; свыше 15 акций каждые 5 акций добавляют еще по одному голосу» (Устав Дрезденского Общепольного Строительного Союза. В кн. Диканский М.Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. С-Пб. 1908. С.214).
7. Например, предместье-сад, возводимый Московской Городской Управой на ближайшей к Москве части Ходынского поля.

Идея города-сада, возникшая в конце XIX в., основывалась на постулате о том, что в существовавших на тот период городах разрешить жилищную проблему было невозможно. Причина – высокая стоимость земли, уже находящейся в чьей-то собственности, выкупать которую под новое строительство приходилось по спекулятивно завышенным ценам, в результате чего стоимость строительства жилищ оказывалась непосильной для значительной части населения. Возведение новых поселений за чертой города позволяло серьезно снизить эту часть расходов. Кроме того, при строительстве на пустом месте обеспечивалась возможность комплексного возведения обслуживающей инфраструктуры и инженерных коммуникаций¹; упрощалась процедура нормирования численности населения, регулирования размеров территории, величины участков земли, их рационального использования и проч.

Сущность говардовской идеи города-сада заключалась в общественном характере самоуправления и коллективном характере собственности на землю и недвижимость. Функционировать город-сад должен

был на основе самоуправления жителей, рабочие вступали в члены жилищного товарищества (возводившего поселок, а затем владевшего им), становились его акционерами (пайщиками), а затем, погашая облигационный долг, превращались в собственников акций, а из нанятелей квартир – в собственников жилищ – и, в конечном счете, весь поселок становился полной собственностью самих рабочих. При этом все руководство процессами функционирования поселения обеспечивалось за счет общественного управления, все важнейшие вопросы решались общим собранием, в котором на равных правах участвовали все собственники (акционеры), а текущее руководство осуществлялось всенародно избранным правлением.

Организационная составляющая идеи города-сада предполагала свободное открытое членство в жилищном товариществе, каждый желающий мог приобрести не менее одной акции (пая) и не более изначально определенной количества акций (паев).² Собираемый при этом капитал направлялся на постройку или приобретение домов и земельных участков, а свободные суммы помеща-

лись в сберегательные кассы или иным вполне надежным способом, подобно сиротским капиталам».³

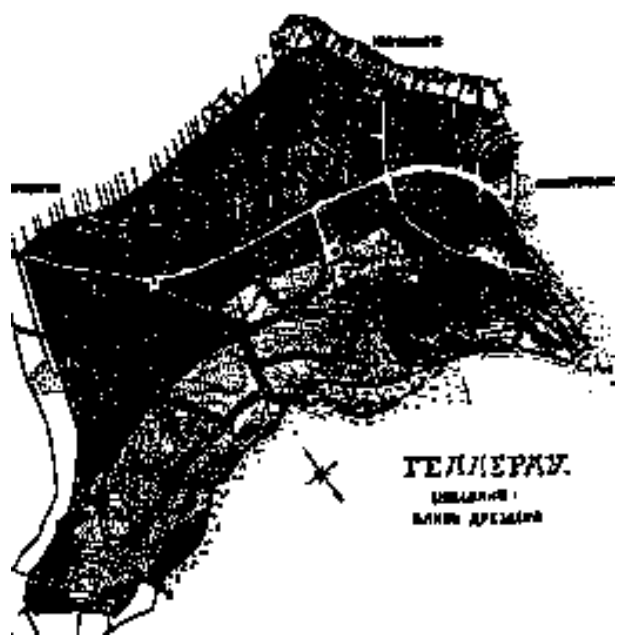
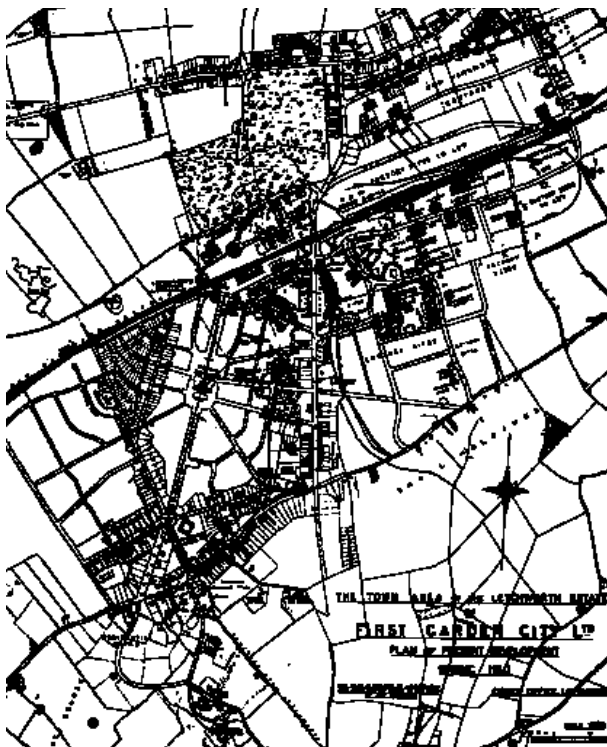
Изначальным основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения было недопущение каких бы то ни было спекуляций с недвижимостью⁴, членство в товариществе рассматривалось как средство индивидуального разрешения потребности в жилище, а не форма бизнеса (за счет использования кооперативного жилища в качестве доходных домов или других форм коммерческой эксплуатации недвижимости). Поэтому уставы товариществ специально оговаривали условие, при котором член товарищества не мог иметь в собственности больше одного дома.⁵

Любопытно, что в социально-организационном плане кооперативное движение в буржуазных странах уже в дореволюционный период стремилось основывать свою деятельность на демократических принципах равного участия каждого члена в управлении социальным организмом вне зависимости от его «финансового веса» – согласно некоторым уставам, в Общем Собрании (высшем органе управления) каждый

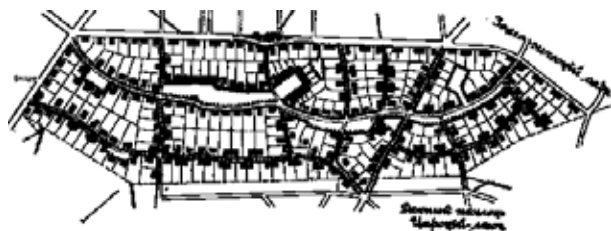
член, каким бы количеством паев он ни владел, имел только один голос.⁶

Российские архитекторы, воодушевленные идеей города-сада, ратуют за проектирование вблизи крупных городов разгружающих их «городов-садов», «поселков-садов», «предместий-садов»⁷, «хуторов-садов».⁸

Однако характер практического воплощения российских городов-садов приводил к тому, что подобные поселения с говардовскими роднили лишь внешние черты, а в организационно-управленческом плане они возникали и существовали по привычной схеме, т.е. без образования жилищного товарищества⁹ – владельцем земли выступала Городская управа; она же, а не сообщество акционеров, предлагала (правда, на выбор) проекты домов; предписывала характер и тип застройки; рекомендовала привлечь тех или иных подрядчиков; назначала поставщиков строительных материалов.¹⁰ В тех случаях, когда при возведении поселений-садов подле производств, добывающих предприятий или железнодорожных станций в качестве инициатора, а также владельца земли и финансиста постройки выступали промыш-

План немецкого города-сада Геллерау. Нет ни одной прямой улицы. Изгибы улиц зависят от уклонов местности. Город делится на кварталы: фабричный, для общественных зданий, для отдельных небольших домиков и для богатых особняков.

ленные (или транспортные) компании, ситуация была почти аналогичной: «...с технической, санитарной и, быть может, даже с эстетической стороны это ...настающие города-сады, только социальные элементы отсутствуют в этом начинании, так как собственником земли и даже домов остается железная дорога, и ее директора при желании будут иметь возможность по своему усмотрению распоряжаться не только материальной, но даже и духовной жизнью поселка, населенного исключительно их подчиненными».¹¹

Эти поселения в своей повседневной жизни (в отношении коммунального, культурного, религиозного обслуживания, технического обустройства, благоустройства и т.п.) полностью зависели от руководства предприятий, при которых они были построены.¹²

В первые годы советской власти архитекторы в условиях социальных преобразований, отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных форм жизни и

деятельности обратились к идее городов-садов, надеясь, что советская власть устранит все недостатки дореволюционных городов-садов и создаст подлинные города-сады - поселения с коллективными формами организации быта и управления, с общественной собственностью на землю, с комфортабельными индивидуальными домами коттеджного типа для отдельной семьи с участками земли для разведения сада, огорода и домашней живности.

Но и сама идея города-сада, и инициативы по организации Российского общества городов-садов вызывают у представителей органов, осуществляющих государственную градостроительную и жилищную политику¹³, резкую критику. Прежде всего со стороны «устройства городов-садов по типу английских городов-садов» - они с неизбежностью должны воспроизвести «принципы английского буржуазного индивидуализма: один дом - коттедж - одна квартира».¹⁴ Также в вопросе об источниках финансирования про-

граммы деятельности общества: «если общество рассматривает на правительственные субсидии», то это дело главного государственного субъекта хозяйственного ведения и распоряжения жилищем и главного организатора возведения новых населенных мест - ГУКХ НКВД, и не следует дублировать функции и расплывать средства; а если «Российское общество городов-садов» - это скрытая альтернатива функциям коммунальных отделов, находящихся в подчинении ГУКХ НКВД, то это тем более недопустимо, причем уже не только с организационной, но и с политической стороны».¹⁵

Но тем не менее в начале 1920-х гг. в СССР возведение городов-садов, превратившихся из-за своего более мелкого масштаба в поселки-сады¹⁶, начинает осуществляться практически. В начале-середине 20-х гг. оно ведется по линии: 1) кооперативного строительства; и 2) государственного строительства. И, в определенной степени, их инициативы противостоят друг другу.

Органы жилищной кооперации, возникнув в первые послереволюционные годы, в период НЭПа и Новой жилищной политики (НЖП) начинают занимать достаточно активную и независимую от указаний власти позицию и используют любые законода-

тельные возможности для достижения своих целей - обеспечения своих членом жилищем. Так, в начале 1923 года жилищно-строительным товариществом, образованным в декабре 1921 года сотрудниками Центросоюза и других кооперативных центров, проектируется и строится кооперативный поселок-сад «Сокол».¹⁷ По инициативе Кооперативного жилищно-строительного товарищества, сформированного рабочими фабрики «Богатырь» и сотрудниками Центросоюза, возводится поселок-сад «Дружба» (в 1922 г. построено 8 одно- и двухквартирных домов). В 1924 г. запланирован к строительству поселок жилищно-строительного кооператива при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ) - «Серебряный Бор».¹⁸ В июне 1924 года Орехово-Зуевское рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество регистрирует Устав и приступает к строительству поселка с двумя двухквартирными, 24 четырехквартирными термолитовыми и 7 деревянными домами.¹⁹ В 1925 г. жилищно-строительное товарищество для постройки вблизи Севастополя города-сада организуется в Севастополе²⁰ и т.д. Подобных примеров немало.

Градостроительное содержание идеи поселков-садов, возводимых жилищной коо-

8. Проектирование «хутора-сада» предпринято в 1916 г. в г. Омске у ж/д станции Куломзино (Невзгодин И.В. Идеалы Говарда в градостроительстве Западной Сибири 1920-1930-х гг. 2003. Рукопись).

9. Например, при строительстве предместья-сада на Ходынском поле «Управа сама не хотела выступить в качестве такового, и вся постановка дела не предусматривала образования и деятельности подобного товарищества» (Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М., 1913. С.111).

10. «А между тем, опыт Запада показывает с очевидностью, что жилищный вопрос только тогда приближается к своему разрешению, когда за постройку домов для всех классов населения, начиная от самых беднейших, принимаются или сами города, или строительные товарищества с дешевым кредитом, поставившие своей целью не коммерческую выгоду, а разрешение социальной задачи» (Дадонов В. Указ. соч. М. 1913. С.111).

11. Дадонов В. Указ. соч. С.105.

12. С этой точки зрения, отечественной исторической аналогией им могут служить города-заводы (горные города) Урала и Сибири XVIII-первой половины XIX века.

13. В частности, Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД.

14. Шлиосберг И.А. Нужно ли об-во городов-садов? // Власть Советов. 1923, № 5. С.60.

15. Там же. С.61.

16. Расчетная численность говардовского города-сада 30 тыс. чел, советских поселков-садов начала-середины 20-х гг. - 2-4-10 тыс. чел.

17. Генплан, спроектированный архитекторами Б.М. Великовским и П.М. Нахманом, предусматривает разбивку 250 индивидуальных участков в среднем по 200 кв.саж. Здания спроектированы Н. Марковниковым.

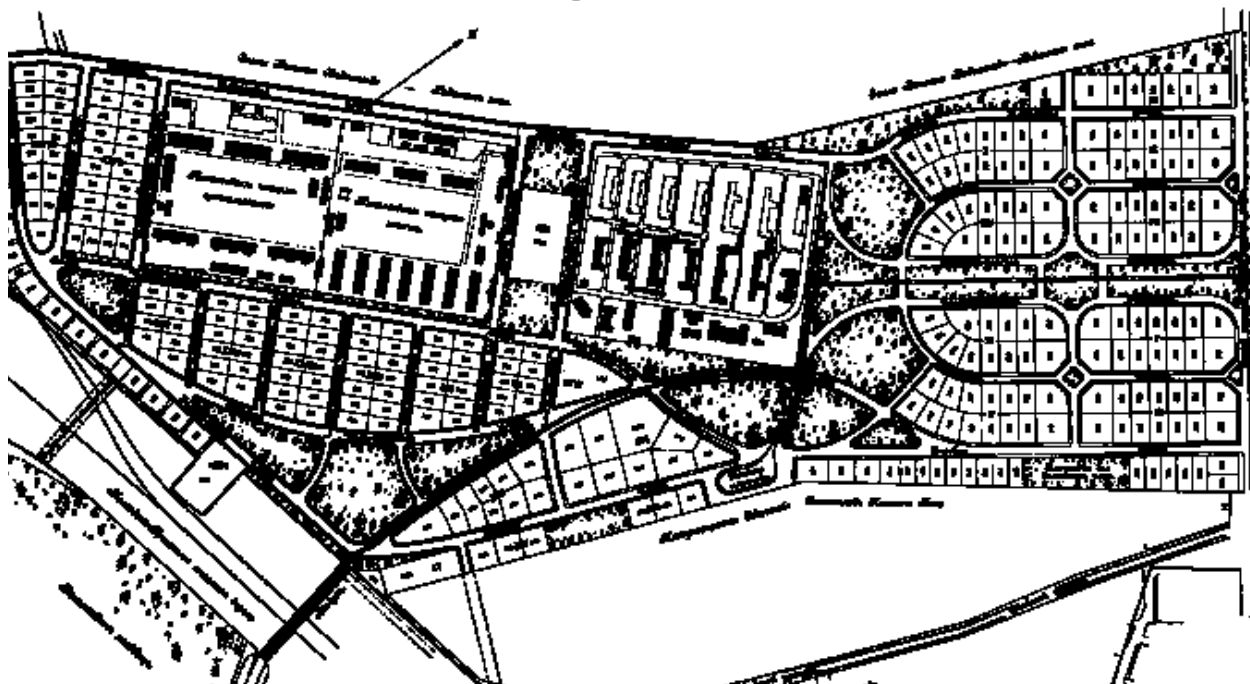
18. О планах строительства поселка см. статью «Жилищно-строительный кооператив при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ)» // Жилищная кооперация. 1924., № 1. С.44.

19. Деятельность Жилищно-строительных кооперативных товариществ // Жилищное товарищество. 1925., № 2-3. С.43.

20. Постройка города-сада вблизи Севастополя // Жилищное дело. 1925., № 5, С.20.

ПЛАН

поселок-сад на Ходынском поле

21. «Строительство стандартных небольших домиков диктуется у нас не столько принципиальными, сколько хозяйственно-материальными соображениями и соображениями жилищной нужды, так как скудость средств, находящихся в распоряжении руководителей жилищной политики, не позволяет говорить о возведении дорогостоящих многоэтажных зданий, строящихся, к тому же, очень долго» (От редакции // Жилищное товарищество. 1925., № 1. С.5).

22. Основанная на добровольном объединении жильцов и самостоятельно организуемому ими возведению индивидуального жилища.

23. Изначально принципиально отличающихся от планировочных, социальных, организационных, художественно-образных принципов планировки классических городов-садов.

24. Возводимые силами жилищной кооперации в середине 1920-х гг. пригородные поселки-сады являются результатом стремления к разукрупнению существующих городов, к выносу жилищ в природную среду; наличия в поселках градообразующих промышленных предприятий они не предполагают, за что и подвергаются резкой критике.

25. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР 1924-1937 гг.: социально-политический и социально-культурный аспекты: Монография. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. 274 с.; Меерович М.Г. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917-1941 гг.: Монография. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 146 с.

26. И хотя возведение рабочих поселков практически продолжает осуществляться, процессу проектирования ищется особое теоретическое обоснование, способное задать специфику собственно «социалистического» рабочего поселка.

27. Автономные формы семейного быта, воплотившиеся в индивидуальной застройке, предполагали добровольное общение людей и свободный выбор образа жизни.

28. Как принудительное объединение трудящихся в трудо-бытовые коллективы производственные единицы советского общества.

перацией, и тип жилья в них изначально оказываются тесно связанными. Инициативы советской жилищной кооперации обращены на возведение индивидуального жилища, потому что оно требует меньше средств, не слишком нуждается в квалифицированных строительных кадрах, позволяет экономить строительные материалы, сокращать сроки ввода объектов в эксплуатацию и т.д. В сложных экономических условиях, вызванных военным коммунизмом, советская жилищная кооперация вынужденно обращается к опыту строительства отдельностоящих малоэтажных, малокубатурных домов из дешевых строительных материалов и упрощенных конструкций²¹, а также к опыту возведения поселков-садов, способных планировочно объединить жилище этого типа в градостроительное целое.

Государственные органы осуществления градостроительной политики противодействуют инициативам жилищной кооперации по самостоятельному возведению поселков-садов. Причина состоит в частном характере заселения домов, построенных жилищной кооперацией, и в индивидуальном владении прилегающим к дому земельным участком. Личное владение и распоряжение жилищем, а также возможность самостоятельно обеспечить себя пропитанием за счет возделывания клочка земли (или разведения домашней скотины и птицы) делают людей в определенной степени независимыми от структур власти; лишая власть возможности использовать жилище в качестве средства управления – поощрять предоставлением жилья, наказывать принудительным выселением, осуществлять догляд и контроль благодаря «прозрачности» коммунального быта, вторгаться внешним нормирующим влиянием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни и т.д.

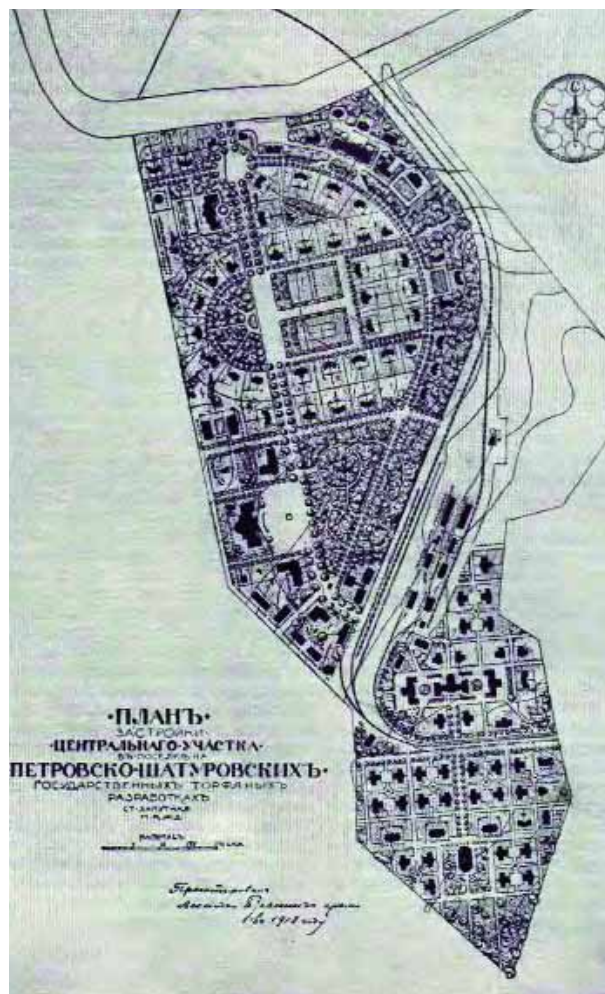
Причиной сворачивания властью первоначально подерживаемого ею широкого фронта осуществляемых кооперацией проектных и реализационных работ периода 1920-30-х гг. по созданию городов-садов и посел-

ков-садов является противоречие, в которое концепция городов-садов (поселков-садов)²² приходит с партийно-мобилизационной доктриной, основанной на формировании социально однородных, зависимых, контролируемых, управляемых, прикрепленных к месту труда и месту жительства производительных единиц нового общества трудо-бытовых коллективов, в которых за счет тесного переплетения трудовых и бытовых процессов должно обеспечиваться взаимовлияние и взаимокорректировка норм бытового поведения и характера отношения к труду. Пространственное оформление трудо-бытовых коллективов в рамках официальной жилищной политики власти осуществляется за счет создания коммунального жилища покомнатно-посемейного заселения. Индивидуальное жилище и персональный земельный участок разрушают основу этой доктрины.

Власть не может допустить в рамках единой планировочной структуры населенного места никакой социально-культурной и территориально-управленческой автономизации, присущей кооперативным поселкам-садам с индивидуальным жилищем.

Поселковое проектирование и строительство, осуществляемое государственными структурами, ориентировано на выработку принципов формирования населенных мест собственно «социалистического» типа²³, которое, в частности, предусматривает возведение селитбы не само по себе, а исключительно подле промышленных предприятий.

Власть не имеет ничего против поселка-сада, но лишь тогда, когда он от момента зарождения идеи до момента заселения целиком и полностью находится в ведении и распоряжении государственных органов или уполномоченных ими профсоюзных и общественных структур. Потому что тогда они имеют возможность любой вид домостроений заселять покомнатно-посемейно, превращая его в коммунальное жилище. А вот против поселка-сада, возведенного жилищной кооперацией и состоящего из индивидуальных домов, они борются от-

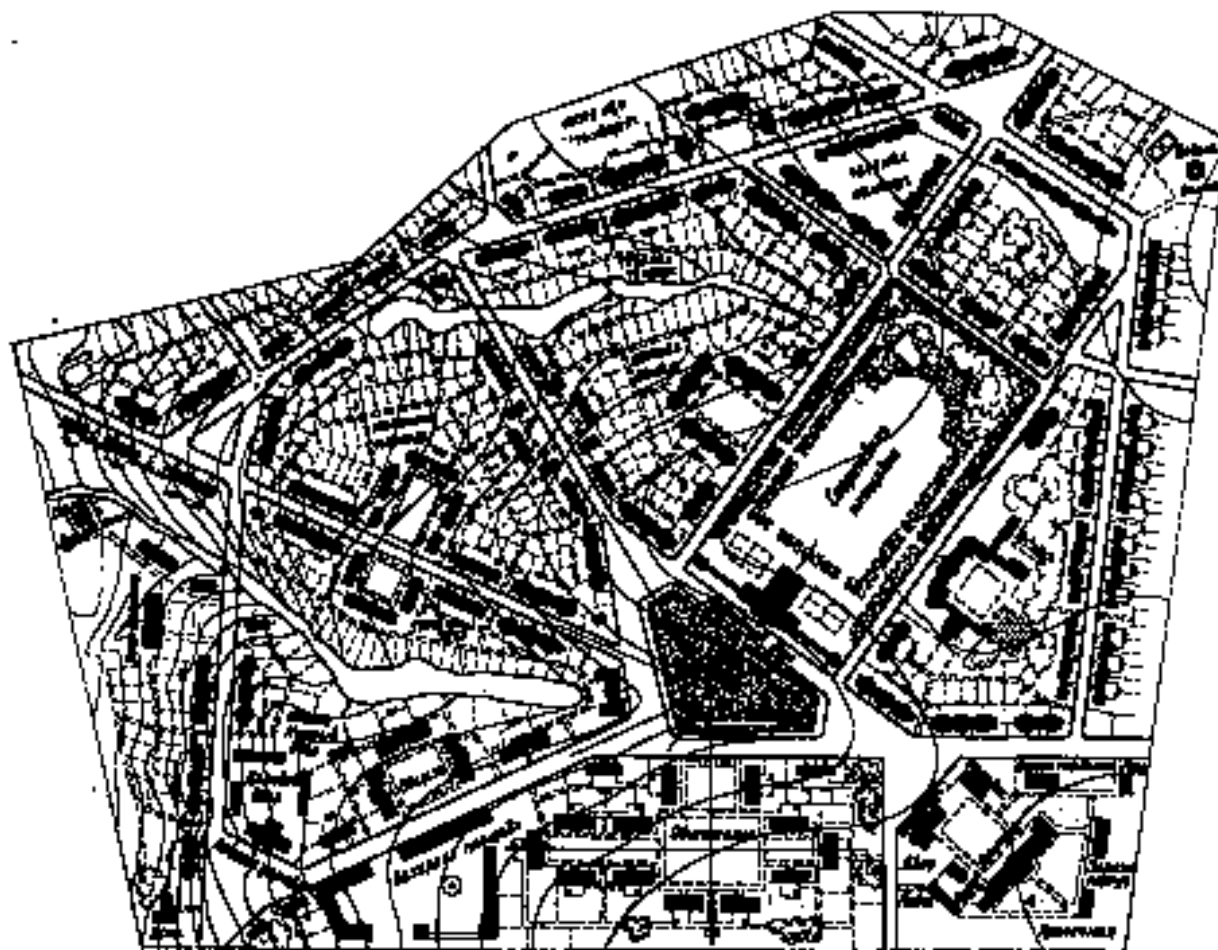

крыто и активно. Но это противодействие направлено не против собственно планировочных особенностей города-сада, а против «общественной» природы его возникновения. Это борьба за право распоряжения жилищем, за контроль над его заселением и за использование его как средства управления людьми.²⁵

В 1926-27 гг., оставшись без официальной поддержки власти, кооперативное поселковое строительство сходит на нет, конкурсы на проекты городов-садов и поселков-садов практически не проводятся, строительство индивидуального жилища фактически исчезает, целиком и полностью оказываясь под контролем и на финансовом обеспечении администрации предприятий; индивидуальное жилище используется властью как средство вознаграждения представителей рабочей олигархии и партийно-государственного чиновничества или превращается при заселении в коммунальное жилище. «Соседская общественная жизнь» (в говардовском понима-

нии²⁷) сменяется «общением на производстве» (в советском понимании²⁸), индивидуальное жилищное строительство вытесняется многоквартирным многоэтажным, в котором основным видом расселения выступает покомнатно-посемейное, а жилищная застройка коттеджного типа заменяется домами-коммунами и кварталами-коммунами вблизи заводов-комбинатов, фабрик-совхозов сельскохозяйственного профиля и электростанций, вокруг которых предписано жить людям, сначала возводившим их, а затем на них работающим.²⁹ На смену говардовскому городу-саду приходит советский рабочий поселок-сад.

Принципы советского рабочего поселка-сада как населенного места особого «социалистического» типа таковы: а) возведения селитбы не само по себе, а исключительно подле промышленных предприятий³⁰; б) размещение жилых домов среди зелени, с необходимым для хорошей инсоляции разрывом, устройством коллективных детских площадок

при группах жилых домов; в) создание специальной зоны, в которой на озелененных участках располагаются школы и детские учреждения; г) размещение обслуживающих учреждений вблизи жилых домов; д) устройство зеленой зоны для отдыха населения; е) создание сети малых спортивных сооружений (спортплощадки при домах, школах и клубах), возведение общественных зданий в центре жилой застройки; ж) организация общественного центра поселка или городского района, отвечающего новому укладу жизни; з) формирование жилища коммунального (покомнатно-посемейного) типа для заселения трудо-бытовыми коллективами рабочих градообразующего предприятия и обслуживающих учреждений; и) наличие исключительно государственного характера владения и распоряжения жилым фондом (через администрацию предприятий и учреждений); к) территориально-административная организация населения, обеспечивающая руководство населением поселения

как в трудовом, так и в бытовом отношении, иерархическое (двухуровневое) членение территории поселка (жилище покомнатно-посемейного заселения, квартал); л) строгое регулирование социального состава населения и его количества.

Сходство советского рабочего поселка-сада (начала-середины 1920-х гг.) и говардовского города-сада состояло лишь в том, что и говардовский город-сад, и советский рабочий поселок-сад являлись самостоятельными замкнутыми жилищными организациями, имеющими стабильные размеры и количество населения.³¹

Отличительных характеристик насчитывается значительно больше, и все они имеют принципиальное значение в контексте осуществляемой государственной градостроительной политики:

1. Город-сад и советский рабочий поселок-сад различаются тем, что говардовские города-сады преимущественно являются городами-спальнями; они не должны в обязательном порядке

иметь собственную градообразующую базу и, несмотря на наличие некоторого количества объектов местной обслуживающей промышленности, лишены промышленного ядра и, как следствие, места приложения труда для подавляющей массы населения (в связи с этим они превращаются в «город-спальню», «пригород-сад»). С местами приложения труда они связываются той или иной системой транспорта.

А вот советский рабочий поселок-сад обладает промышленным ядром в обязательном порядке, проектирование рабочих поселков, осуществляемое государственными структурами в начале и середине 1920-х гг.,³² при мануфактурах,³³ паровозно-ремонтных заводах,³⁴ электростанциях, возводившихся по плану ГОЭЛРО,³⁵ в обязательном порядке предусматривает наличие градообразующего промышленного объекта. Советский рабочий поселок – это всегда поселок при промышленном предприятии: производства (фабрика, завод, тепло-электростанция, депо и т.п.)

осознанно и целенаправленно выдвигаются в качестве смыслового и организующего центра, не только обеспечивающего работой население, но и являющегося источником развития всей общественной-культурной жизни поселения.³⁶

2. В советском рабочем поселке-саде в отличие от говардовского города-сада отдельно стоящий промышленный объект (градообразующее промышленное предприятие) – электростанция, паровозное депо, фабрика, ремонтные мастерские, завод и т.п. – не только определяет смысл существования поселения, но и зачастую его композицию, в частности, организацию общественного центра поселка.³⁷ Он же выступает смысловым центром пространственной-территориальной организации жилой зоны,³⁸ ориентируемой на него,³⁹ и фокусом трассировки дорожной сети и т.п.

А в тех случаях, когда в проектах советских рабочих поселков-садов подобное композиционное влияние отдельно стоящего производ-

29. Хазанова В.Э. Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917-1932 гг. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора искусствоведения. М., 1996. 80 с., С. 29.

30. Пригородные поселки-сады, возводимые силами жилищной кооперации в середине 1920-х гг., являются результатом стремления к разукрупнению существующих городов, к выносу жилищ в природную среду; при этом наличие в поселках градообразующих промышленных предприятий не предполагается, за что эти поселения и подвергаются резкой критике.

31. Количество населения говардовского города-сада определялось расчетной величиной 30 тыс. чел. В советском рабочем поселке-саде размеры и численность населения определялись количеством рабочих мест на фабрике (заводе), при котором он возводился.

32. Л. Веснин, Г. Гольц, В. Маят, А. Оль, В. Семенов и др.

33. Например, при Истомкинской мануфактуре, инж. К. Карасев, 1920 г.; «Первый рабочий поселок в Иваново-Вознесенске», арх. Л. Веснин, 1920-е гг.

34. Например, при Подольском паровозно-ремонтном заводе, арх. Л. Веснин, 1922 г.

35. Например, при электростанции «Красный Октябрь», арх. А. Оль, 1924 г; поселок при Кизеловской электростанции, при Каширской ГРЭС и др.

36. Хлебников И.Н. План ГОЭЛРО – первый государственный заказ советской архитектуры / Проблемы истории советской архитектуры (Исторические предпосылки и начальный этап развития). Сб. науч. трудов. М., С.52-61; Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. Указ. соч. С.54-57; Шорбан Е. От заводского барака к городу-саду: деревянное жилище в индустриальную эпоху // Проект Россия, 2004., № 3 (33). С.113-116.

37. Подобное не являлось жестким законодательным правилом, а поэтому в реальной практике проектирования и экспертизы архитекторы, в соответствии со своими представлениями, предлагали и иные варианты. Так, в отзыве на первый проект рабочего поселка «Звезда», размещавшегося в соответствии с санитарно-техническими требованиями в значительной отдаленности от заво-

да, В.Н. Семенов предлагает в центре поселка разместить детский сад (РГАЭ. Ф.2261., Оп.1. Д. 124. 67 л. Управление городского и сельского строительства (Угорсельстрой). Комитет государственных сооружений ВСНХ. Отдел градостроительства. Пояснительная записка к проекту поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда». Отзыв экспертной комиссии о проекте рабочего поселка при заводе «Звезда». Начало 1919 г., окончено 6/д. ЛЛ. 9-13. 38. В нормативных предписаниях начала 1920-х гг. удаленность промышленного предприятия от жилых зданий конкретно не задавалась. Указывалось лишь на то, что разрыв между ними должен быть таким, чтобы «оградить жилые дома от вредного влияния». В итоге архитекторы принимали самостоятельные решения о том, каким конкретно образом превращать производственный объект в центр композиции. 39. При рассмотрении на заседании Отделения поселкового строительства Архистрая проекта поселка Кожуховской электрической подстанции, где подобная ориентация отсутствовала, в замечаниях по проекту делался специальный акцент: «По отношению к зданию электрической станции расположение домов является случайным, не связанным с этим зданием» (РГАЭ. Ф. 2266., Оп.3. Д. 10. 113 л., Л.7-9., Л.8). 40. Так, например, здание электростанции «Красный Октябрь», располагавшееся в общественно-культурном центре поселка-сада в Петрограде, являлось композиционным ориентиром всей планировочной структуры поселения, на него была ориентирована фактически вся жилая застройка (Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. Указ. соч. С.55). 41. РГАЭ. Ф.2266., Оп.3. Д. 10. 113 л., Л.5. Подобное замещение промышленного объекта зданием-«представителем» наблюдается уже в начале 1920-х гг. в первых проектах рабочих поселков. В тех случаях, когда отдельно стоящий градообразующий промышленный объект оказывается за чертой поселения (в силу различного рода санитарно-технических, природных и иных причин), центр города (центральная площадь) формируется раз-

ственного объекта на структуру поселения отсутствовала, они именно за это подвергались серьезной критике. Так, например, проект поселка Каширской электростанции, не имевший центра, планировочно выделенного и зафиксированного промышленным объектом, был отклонен потому, что в отзыве отдела поселкового строительства и Бюро планировки и градостроения ВСНХ РСФСР (Архистрая) при рассмотрении его в январе 1922 г. отмечалось: «План поселка не имеет архитектурного центра, каким могло бы явиться либо здание электростанции, либо наиболее значительное здание общественного характера – народный дом».⁴¹

3. Города-сады, вырастая подле существующих городов и являясь по сути пригородами-садами, за счет приближения к природе, к земле, к атмосфере соседской общины являются средством улучшения жизни в существующих городах (оставшихся основным местом приложения труда, местом сосредоточения культурных и технических благ и т.д.).

Советские рабочие поселки предполагают уничтожение существующих (старых) городов, концептуально они выступают заменой существующим городам; вырастают на убежденности в том, что существующий город должен

умереть: «Не следует смешивать идею города-сада с пригородами-садами. Между ними коренное различие. Пригороды-сады, улучшая город, в то же время усиливают их, делают в них жизнь удобнее и приятнее и тем самым увеличивают их привлекательность».⁴² Советский рабочий поселок-сад – на оборот – это протест против города, это его непримиримый враг. Он отрицает существующие большие города, он борется с ними, он стремится их уничтожить.⁴³

4. Советский рабочий поселок-сад возникает в особых социально-политических условиях, исключающих капиталистическое предпринимательство и частную коммерческую инициативу. Поэтому в отличие от города-сада, где подобные задачи даже не возникают, советский поселок-сад в качестве неразрывной составляющей включает систему обобществления быта и коллективного обслуживания⁴⁴ (замена частных кухонь общественными кухнями-столовыми,⁴⁵ создание сооружений коллективного быта, помещений общего пользования – комнат для коллективных занятий, бесед, чтения).⁴⁶ Как следствие, в советских поселках-садах в сравнении с городом-садом функции жилых зон расширяются – включение в них объектов общественного об-

служивания вызывает появление общественных внутриквартальных пространств.

5. Говардовский город-сад основывается на специфической социально-организационной программе, заключавшейся в следующем:

а) земля для города-сада берется в долгосрочную аренду создаваемым для этих целей кооперативным товариществом; б) все желающие проживать в данном поселке вступают в члены данного товарищества (внося вступительный и паевой взносы); в) по мере застройки и последующей эксплуатации поселка товарищество, ведя хозяйство на территории и аккумулируя средства, выкупает землю у государства, а члены кооператива (при желании) выкупают землю и недвижимость у товарищества, превращаясь из арендаторов в собственников земли и жилья. Город-сад является не столько архитектурно-планировочной инновацией, сколько нововведением организационно-финансового порядка, создающим экономические основы обретения персонального жилища; общественно-управления населенными местами и совместного пользования природными ресурсами.

Советский рабочий поселок-сад, возникающий совершенно в иных социально-экономических условиях, отбрасывает это социально-организационно-экономическое содержание. Он реализует принцип организации населения, основанной на исключительно государственной (ведомственной) форме собственности на землю и жилище, жестко связан с производством, которое призван обеспечивать рабочими руками. Советский рабочий поселок является теоретическим концептом, предваряющим появление концепции социалистического города.

мещением на ней театра, народного дома, рабочего клуба и т.п. Так, например, в проекте заложеного в июле 1919 г. рабочего поселка при Истомкинской мануфактуре, как и в начатом в феврале 1921 г. проекте рабочего поселка при Кизеловской электростанции, на центральной площади располагается народный дом, а в проекте рабочего поселка-сада при оружейном заводе в Подлипках центральная площадь формируется зданиями библиотеки, гостиницы и зала для общественных собраний. (Астафьева М.И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы.

42. Диканский М. Постройка городов, их план и красота. Пг., 1915. С.275.

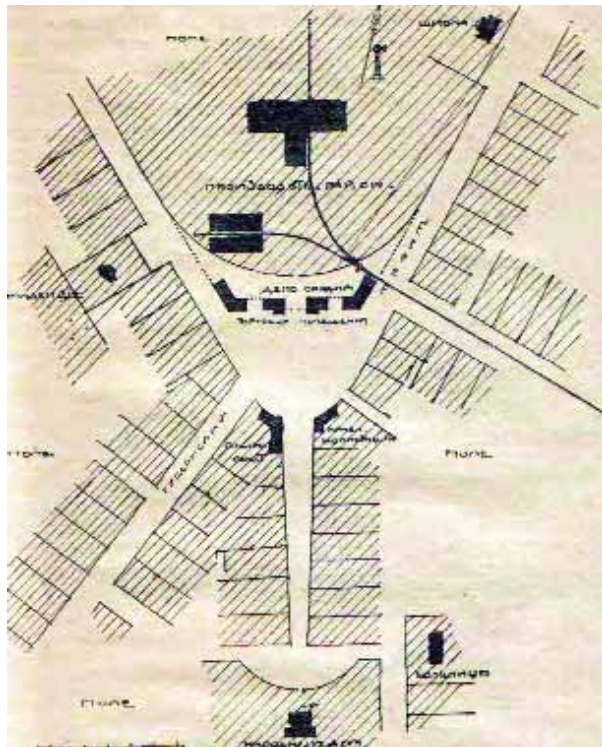
43. Там же. С.275.

44. Нескольких уровней по пространственно-территориальному признаку: а) учреждения для обслуживания нужд внутри небольшой группы первичного коллектива; б) по обслуживанию группы таких коллективов; в) для нужд всего поселка, очень схожий с позднее общепринятым в советском и мировом градостроительстве принципом трехступенчатого обслуживания.

45. Например, программой конкурса на проектирование поселка при автозаводе в Филях (1919 г.) было предписано проектировать жилище таким образом, чтобы с развитием общественного питания в столовых превратить кухни в жилые комнаты, а часть квартир предлагалось изначально проектировать без кухонь (предусмотрев общие кухни-столовые) (РГАЭ. Ф.2261., Оп.2. Д.13. – 13 л., Л.3-5, Л.3-об).

46. На практике этот принцип довольно сильно трансформировался и совершенно по-разному реализовался на разных этапах осуществления внутренней социальной и хозяйственной политики: в условиях распределительной системы и запрещения любых форм частного предпринимательства (1917-1921 гг.); в условиях НЭПа и новой экономической политики (1921-1925 гг.); в условиях сворачивания негосударственных форм хозяйственно-экономической самостоятельности (1925-1929 гг.) и в условиях индустриализации и официального перехода от идеи «обобществления быта» к формам «общественного обслуживания» (после 1930 г.).

Выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по проектам общенационального значения в области культуры и искусства в рамках научно-исследовательского проекта: «Государственная организация архитектурной деятельности в России (1917-1941 гг.)» № 12-05/4-3304.

Биографический словарь енисейских архитекторов – на добрую и плодотворную зависть байкальским коллегам

О таком светлом событии в архитектурно-книжном мире писать приятно. В 2004 году увидела свет добротная, полезная книга – «Архитекторы Приенисейской Сибири: Конец XIX-начало XXI века. Иллюстрированный биографический словарь: 540 имен», выпущенная издательством «Прогресс-Традиция» (Москва)¹. Издание научное, справочное, было рекомендовано к печати Научно-исследовательским институтом теории архитектуры и градостроительства (НИИТАГ) РААСН.

Автор – Александр Васильевич Слабуха, архитектор-исследователь, кандидат архитектуры, доцент, зав. кафедрой градостроительства Красноярской государственной архитектурно-строительной академии, член СА России. А.В. Слабуха является также автором многочисленных других книг и статей, посвященных вопросам истории архитектуры, архитектурно-градостроительной деятельности в Приенисейском крае.

Содержание:

1. Небольшие вводные статьи «От автора» и «Архитектурная жизнь Приенисейской Сибири...» (вместе 10 стр.).
2. Весь основной объем книги – 85% от 422 страниц – занимает непосредственно раздел биографического словаря от «А» до «Я».
3. В конце, в приложениях помещены поисковые указатели – именной, географический и предметно-географический, охватывающие пространство не только Сибири, но и всего государства Российского и некоторого зарубежья. Сам же Словарь

содержит строгие научные статьи об архитекторах и градостроителях лишь части обширного Восточно-Сибирского региона – Красноярского края и автономных республик Тывы и Хакасии.

В Словаре включены имена архитекторов как рожденных могучим Енисеем (кстати сказать, давнишнего жениха нашей стропитовой красавицы Ангары), так и «пришельцев», но практиковавших в этом крае, а также покинувших его берега, но возвращенных им. Автор не пошел по пути, казалось бы, логически понятного разделения на временные периоды – дореволюционный и советский. Справочник в едином алфавитном порядке рассказывает о творцах-инженерах и архитекторах старой, еще царской гвардии, архитектурных невольниках коммунистического режима и наших современниках, заложниках «новорусских» архитектурных стилей. Не забыты и архитекторы-исследователи, архитекторы-педагоги, архитекторы-художники (в смысле – живописцы, графики...), также как и архитекторы-писатели.

Статьи-справки иллюстрированы черно-белыми фото, графикой проектов или построек и большинство, что от радно, – портретами их авторов. (Здесь положено немного критики, ведь рецензия без критики все равно что бутерброд без масла.) Похоже, подвели издатели или полиграфисты – не такое уж частое явление сегодняшнего дня с современными-то полиграфическими возможностями – то ли бумага не та, то ли типографской краски пожалели, то ли печатные машины пора обновлять. Может, дело в издательской подготовке изображений, но по любому – многие из них получились непросто тусклыми, а просто-серыми (если у нас на руках, конечно, не бракованный экземпляр – тогда извините). На взгляд пользователя доброй литературы, нежное произведения искусства (архитектура ведь всегда яв-

лялась одной из сестер этого благородного семейства) и портреты мастеров, создателей этих произведений, подавать в бледном виде. В этом месте, надо признаться, обидно за коллег-земляков. И при этом ничего не поделаешь – что напечатано..., того не вырubiшь...

Побудило взяться за отклик на книгу-словарь «Архитекторы Приенисейской Сибири...», как минимум, две причины. Первая – искренняя радость за сам факт выхода такого солидного издания про наших соседей сибиряков – хвала и слава автору Словаря, положившего свою молодую творческо-исследовательскую жизнь на эту благородную тему. Вторая причина – добрая зависть: вот нам бы выпустить такой архитектурно-биографический талмуд про нас любимых, прибайкальцев. Но для того чтобы издать его, надо много лет собирать и систематизировать материал, готовить издание. (Здесь немного самобичевания.) Сегодня в Иркутских пределах своего энтузиаста, собирателя информации, хранителя и систематизатора сведений о братьях-архитекторах, похоже, нет. Такой большой «Иркутский цех». Столько «членов СА». Даже поговаривают об «Иркутской Архитектурной Школе». И при этом эта ИАШ своего историка, летописца не имеет. Не верится, стыдно признаться, но, увы! Остается только надеяться, что наш герой-исследователь все ж таки уже родился и подрастает.

В Словаре также встречаются имена архитекторов и гражданских инженеров, творивших на земле Иркутской, но их мало. Например, в самом Словаре: С.И. Белыйнецкий, П.И. Масленников, В.А. Рассушин и Н.А. Румянцев. И в разделе «Указатель имен»: М.Я. Ашихмина, В.В. Исаков, Б.М. Кербель, О.Е. Железняк, А.Ю. и Е.Р. Ладейчиковы, А.А. Оль и некоторые другие. Это говорит о том, что енисейские архитекторы вот уже на протяжении более ста лет живут обособленной архитектур-

но-градостроительной жизнью, впрочем, как и их соседи. Думается, вряд ли при составлении подобного Словаря, к примеру, Приангарья за тот же период в нем будет много имен енисейских коллег. А это уже можно рассматривать как положительную тенденцию, свидетельствующую о самостоятельности сибирских регионов в архитектурных кадрах, образовательных и практикующих архитектурных школах.

Чего не скажешь о давних временах, уже во многом позабытой эпохе «мирного завоевания» Сибирского царства русскими землепроходцами в XVII веке. Тогда в общем историческом процессе продвижения русских с запада на восток, в Прибайкалье и Забайкалье появлялись зимовья и остроги, первые поселения, строители и зодчие которых являлись казаки и военачальники, уже осевшие в Сибири и ставшие сибиряками, и в первую очередь – енисейские. Большинство из них были знатными мастерами дел одновременно и «топора, и сабли да пицали». И в более поздние времена – в XVIII и XIX столетиях, когда наши территории входили в одно Восточно-Сибирское административно-культурное пространство – имел место быть плодотворный «взаимообмен» инженерно-архитектурными кадрами. (Здесь уместен призыв-аккорд). Поэтому, должна быть, и лучше – не откладывающая в долгий ящик, следующая книга, получается, в исторических рамках – первая, с соответствующим названием: «Архитекторы Восточной Сибири XVII-XIX века. Биографический словарь». Можно, конечно, издать по отдельности Словари приенисейских, прибайкальских и забайкальских зодчих, архитекторов, но тогда, на наш взгляд, картина Архитектурного Мира Восточной Сибири не получится цельной и полной, а она была (должна была быть!) такой на тот период.

Алексей Чертилов

¹ Слабуха А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири: Конец XIX - начало XXI века. Иллюстрированный биографический словарь: 540 имен. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 422 с.: ил.

Первый архитектор Забайкалья

ТЕКСТ

Николай Крадин

подбор иллюстраций
Николай КрадинГенплан Нерчинского
Завода. 1837. Л. Иванов.
ГАЧО, ф. 31, оп. 5, д. 1869.

1. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т.1. Новосибирск: «Наука». 2000. С.154.

2. Нерчинский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Хабаровск. 1913. С.12.
3. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914. Ч.2. Биографическая. СПб., 1914. С.334. Известно, что с конца XVIII в. в ИАХ принимали десятилетних отроков. После окончания воспитательных классов учеников (возможно, не всех) оставляли при Академии «для усовершенствования», где они обучались до 21 года. Лишь с 1830-х годов, после новой реформы художественного образования, в ИАХ стали принимать одаренных в творческом отношении молодых людей юношеского возраста (См.: Крашенинников А.Ф. Зодчие Москвы времени барокко и классицизма. М.: Прогресс-Традиция. 2004. С.10,11).

4. Давидович И. Загубленный талант // Забайкальский рабочий. 1959. 16 апреля; Жеребцов Г. Первый архитектор Забайкалья // Забайкальский рабочий. 1977. 7 января.

5. ГАЧО, ф.31, оп.2, д.53, л.5.

6. Там же.

7. ЦГИА СПб., ф.468, оп.20, д.1613.

8. Для сравнения: К.И. Росси в Петербурге получал в 1822 г. шесть тысяч годовых, а в 1827 г. - 15 тысяч рублей в год.

Исследование творческой деятельности российских зодчих прошлых времен очень часто затрудняется отсутствием о них подробных сведений. Даже многолетние архивные исследования часто не позволяют отыскать о них хоть какие-то данные. В первую очередь это касается архитекторов, работавших на российских окраинах в XVIII-XIX в., хотя о многих архитекторах и начала XX в. тоже не всегда удается отыскать сколько-нибудь подробную информацию. Иногда проходят не просто годы, а десятилетия исследований и поисков, в результате чего вырисовывается творческая биография зодчего. Красноречивым примером таких поисков могут служить почти

35-летние исследования и поиски автора настоящей статьи об одном из первых профессиональных архитекторов Забайкалья. Имя этого зодчего, практически совершенно неизвестного современному архитектору, связано с выдающимися мастерами русской архитектуры первой трети XIX в., такими как К.И. Росси, В.П. Стасов, А.И. Мельников, А.А. Михайлов, О.Р. Монферран, которых он видел в Петербурге, а у некоторых из них и учился в Академии Художеств. Речь в статье пойдет о Лаврентии Иванове, которого по праву следует считать первым профессиональным забайкальским архитектором.

Открытие месторождений серебряноцинковых руд в Забайкалье и их разработка уже в середине XVIII в. потребовали специалистов не только горного дела, но также архитекторов и строителей. Появление на юго-востоке Забайкалья в 1760-1770-х гг. большого количества казенных серебряноплавильных заводов вызвало создание необходимой инфраструктуры и обустройства поселений при них. Учитывая важность продукции, добываемой на рудниках, в конце 1780-х гг. Нерчинские заводы перешли под опеку Царского дома¹, что обеспечивало контроль над добычей стратегически важных металлов, так необходимых России.

Нерчинский горный округ, включавший в себя огромную по площади территорию пяти уездов (Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Акиншинский, Читинский, Верхнеудинский), находился во владении Кабинета Его Императорского Величества вплоть до революции 1917 г. Уезды имели различную площадь и разное количество населения, общая численность которого (по всему округу) составляла около 425 тысяч человек. Распределение населения по уездам было обусловлено такими определяющими факторами, как географические условия, наличие рек и пахотных земель, наличие в уездах поселений, в том числе и горнодобывающих. Благодаря именно

этим факторам численность населения Читинского уезда составляла почти 184 тысячи человек, а Нерчинского – более 99 тысяч человек².

Еще и в начале XIX в. все строительство на рудниках осуществлялось местными силами, без специалистов, знающих архитектуру. По этой причине практически все необходимые здания возводились из дерева и представляли собой примитивные постройки. В первой трети XIX столетия руководство округа предпринимает попытки решить вопрос со специалистами, направляя в Петербург учеников из местных жителей. В числе заводских стипендиатов оказался в 1820 г. и маркшейдерский ученик Лаврентий Иванов, направленный для обучения архитектурному искусству в Петербургскую Академию Художеств. К сожалению, сколько-нибудь точных и подробных биографических сведений об этом первом забайкальском архитекторе до сих пор не выявлено, хотя исследования последних лет позволили обнаружить в государственном архиве Читинской области (ГАЧО) довольно значительный массив проектных материалов, выполненных, а также подписанных Ивановым.

В качестве первого источника, в котором имеется упоминание об Иванове, следует назвать биографический справочник о воспитанниках и выпускниках

Академии художеств. В нем отмечается, что родился Иванов в 1803 г. Как маркшейдерский ученик Нерчинских горных заводов, он в 1820 г. был «включен за счет кабинета Е.И.В. в число оставленных при Академии художеств для усовершенствования, так как имел 17 лет от роду»³. Более подробных сведений об архитекторе длительное время не имелось, поэтому имя его почти до середины XX в. оставалось в забвении. Забайкальские краеведы И.М. Давидович и Г.А. Жеребцов в 1950-70-е годы заново открыли имя Иванова – архитектора-академиста. Некоторые данные о нем, основанные на архивных изысканиях, были опубликованы в местной печати⁴. В частности, Г.А. Жеребцову удалось найти архивный документ и уточнить тем самым дату рождения Иванова. В метрической книге Петропавловского собора в Нерчинском Заводе среди записей о новорожденных оказалась и такая: «11 августа 1804 – незаконнорожденный родился сын Лаврентий. Восприемник священник Лихачев»⁵. Архивные документы помогли выявить не только дату рождения, но и социальное происхождение будущего зодчего – «из солдатских детей».

Социальное происхождение Иванова подтверждается и другим архивным документом, относящимся уже к моменту его возвращения в

Нерчинский Завод после обучения в столице и трехлетнего пребывания в Барнауле. В краткой характеристике о нем в этом историческом документе сказано следующее: «Лаврентий Иванов, 26 лет, из солдатских, в должности архитектора, холост (находится при постройке казенных зданий). Командирован в СПб. в январе 1920 для обучения архитектурному искусству. Произведен в шихмейстеры 13 класса и командирован в Колыванские заводы в 1827 г. В 1830 из Колыванских заводов определен в Нерчинские заводы. По приезду определен на должность по архитектурному искусству».

В течение семи лет обучения Л. Иванов находился в учебных классах, а последние два года – на строительных площадках. Занятия в Академии поглощали все время. Понимая важность миссии, возлагаемой на него начальством Нерчинского горного округа, Иванов старался постигать науки как следует и довольно преуспел в них. Окончив в 1825 г. курс в учебных классах, он изучал после этого «практическую архитектуру под смотрением г.г. (господ – Н.К.) архитекторов Росси и Михайлова»⁷. Любопытно, что за свои успехи в постижении наук Л. Иванов заслуживал получения аттестата или диплома, выдаваемых тем, кто проявил особые способности в учебе и отличное поведение. Такой документ давал право на получение особых привилегий. В первую очередь – это звание художника XIV класса, затем – особые права, преимущества и привилегии, которыми «ученики жалуются и утверждают с их детьми и потомками в вечные годы быть совершенно свободными и вольными». А самая главная привилегия заключалась в том, что обладателей подобного диплома никакие правительства не могли принуждать «ни в военную, ни в штатскую службу и без добровольного с ними договора ни к какой работе и не приневолить», а поступать с ними можно было исключительно только «как с вольными и свободными людьми»⁷.

С таким положением дел никак не мог согласиться Кабинет, поэтому его руководство обратилось в Акаде-

мию с просьбой о выдаче Л. Иванову одного только свидетельства «о поведении и успехах его в науках». Начальство, потратившее на обучение и содержание Л. Иванова 4593 руб. (за весь период его пребывания в Петербурге)⁸, даже и в мыслях не желало допустить, чтобы Иванов после получения диплома с привилегиями мог воспользоваться «своими правами, оным присвоенными». О деталях курьезного положения выпускника свидетельствует сам текст документа об образовании, выданного Иванову в Академии: «Свидетельство, данное из Императорской Академии художеств маркшейдерскому ученику Лаврентию Иванову в том, что он с 21 мая 1820 г. обучался в сей Академии в качестве пенсионера Кабинета Его Императорского Величества на счет оного архитектурному художеству, во все время нахождения его в Академии он был поведения примерно хорошего, в учении оказывал отличные успехи, так что за архитектурные композиции удостоен в получении двух серебряных медалей второго и первого достоинства, по сему самому заслуживает он награжденным быть при увольнении его из Императорской Академии аттестатом первой степени, с коим сопряжено звание художника 14 класса и некоторые особые права и преимущества, во Всемилостивейше дарованной Академии привилегии изъясненные, ныне же по требованию Кабинета ЕИВ от 18 мая 1827 г. под № 2448 он, Иванов, вовсе уволен из Академии, по уверению чего и дано ему согласно с помянутыми требованиями Кабинета ЕИВ из Императорской Академии художеств сие свидетельство о похвальном поведении и отличных успехах его по части архитектуры с приложением меньшей печати. СПб. 1827, июля 12 дня. Президент Императорской Академии художеств А.Н. Оленин»⁹.

Лишенный прав на самостоятельное решение своего трудоустройства в будущем, Л. Иванов оказался подневольным архитектором Нерчинской каторги. Правильно, видимо, один из забайкальских краеведов назвал его «загубленным талантом».

Можно предположить, каким было возвращение архитектора из столицы вначале на Алтай, а потом и в родное для него Забайкалье. В Петербурге он в течение семи лет наблюдал, какие там возводятся гигантские архитектурные ансамбли и сооружения. Контраст между тем, что происходило в столице, и тем, что наблюдалось на окраинах Российского государства, был разительным. Работая в течение двух лет в команде К.И. Росси, пусть даже стажером, Лаврентий и сам, пусть на непродолжительное время, стал участником гигантских преобразований Российской столицы. К сожалению, остается лишь догадываться, на каких именно постройках работал Иванов, чем занимался, делал ли исполнительные чертежи, и сохранились ли об этом хоть какие-то сведения в петербургских архивах.

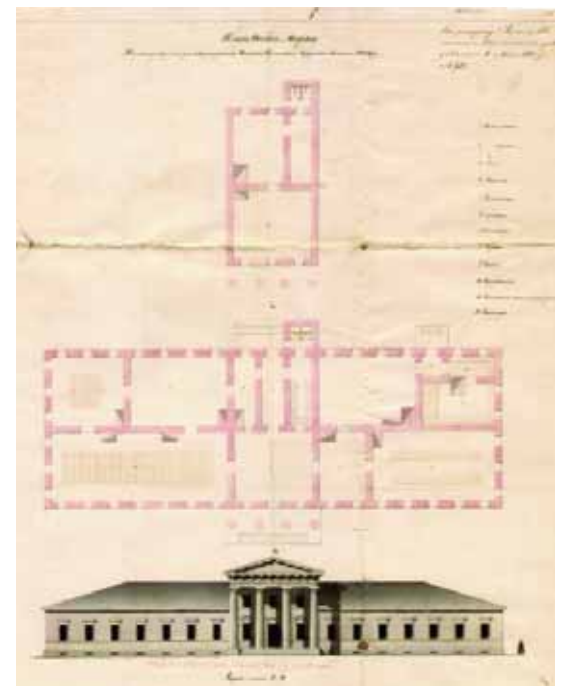
Спустя восемь лет после отправки Иванова в Петербург 3 марта 1828 г. начальник Нерчинских заводов фон Фриш запросил рапортом Кабинет ЕИВ о судьбе своего стипендиата: «...местному же здесь начальству не известно, выпущен ли и скоро ли возвратится отпущенный отсюда в Санкт-Петербург 1920 года, для изучения в Академии художеств архитектуры, маркшейдерский ученик Лаврентий Иванов, к содержанию коего и воспитанию на него здешним заводом употреблено поныне 4593 рубля». Начальник Нерчинских заводов сетовал на то, что при заводах «постройка казенных, токмо деревянных зданий производится без всякого правила, за неимением человека, знающего основательно архитектуру, от чего здания ни в основании, ни в составе, ни в стенах не имеют должной прочности, ни надлежащей проекции в разрезе, ни выгодного расположения, причем и расходы большею частью превосходят... сметы. ...А посему, за истинною необходимостью иметь при Заводе архитектора осмеливаюсь Кабинет ЕИВ просить, дабы со благоволено было помянутого Иванова, по выпуске из Академии в звании архитектора, отправить на здешние заводы или снабдить оные иным знающим твердо архи-

тектуру художником, и о том уведомить меня резолюцией». Ответ последовал два месяца спустя. Понимая обеспокоенность Фриша неблагоприятным положением дел на Нерчинских заводах, Кабинет ЕИВ сообщил, что «...Иванов в прошедшем году выпущен уже из Академии, и Кабинетом по произведению в шихмейстеры, по надобности в архитекторе Колывано-Воскресенским заводам, командирован в оные, и о том дано знать сей экспедиции; находящийся же здесь при г. архитекторе Росси для практического обучения архитектор штата тех заводов маркшейдерский ученик Попов по производстве его Кабинетом 19 марта сего года в шихмейстеры, по воле господина Министра управляющего Кабинетом оставлен при г. Росси еще на один год для усовершенствования; вследствие чего Кабинет на выше писанный рапорт исправляющего должность начальника Нерчинских заводов г. Фриша определил: Нерчинскую горную экспедицию уведомить, что шихмейстер Иванов, по миновании в нем надобности Колывано-Воскресенским заводом, по приехании туда шихмейстера Попова, обучающегося так же, как и он здесь архитектуре, будет отправлен в Нерчинские заводы. О чем оной экспедиции и дается знать»¹⁰.

Пытаясь, тем не менее,

9. ЦГИА СПб., ф.468, оп.20, д.1613; ГАЧО, ф.31, оп.1, д.1553.
10. ГАЧО, ф.31, оп.1, д.927, л.20,21.
11. Там же, л.32.
12. Там же, л.35.
13. Баландин С.Н. Архитектура Барнаула. Барнаул. 1974.
14. Степанская Т.М. Сибирское промышленное зодчество XVIII-XIX в Автореферат... кандидата искусствоведения. Л. 1979; Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул. 1982. С.22, 48, 55; Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII-начала XX в. Барнаул. 1995; Степанская Т.М. Промышленное зодчество Алтая XVIII-XIX в. как памятник архитектуры России // Промышленное зодчество Алтая: Материалы межрегиональной научной конференции. Барнаул. 1996. С.5-23.
15. Тарановская М.З. Карл Росси: архитектор, градостроитель, художник. М.: Стройиздат. ЛО. 1980. С.32,37.
16. ГАЧО, ф.31, оп.1, д.927, л.51.

Для учеников Нерчинского окружного училища. Л. Иванов. 1848. ГАЧО, ф. 31, оп. 5, д., 659 / л.3.

решить свою проблему, Фриш отправляет депешу в Барнаул – начальнику Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролову в надежде вернуть все-таки как можно скорее так нужного в Забайкалье специалиста. Однако ответом из Барнаула 17 июня 1829 г. надежды эти были развеяны: «...честь имею уведомить, что по надобности Колыванским заводам в архитекторе Кабинет ЕИВ командировал в оные шихмейстера 13 класса Иванова и 16 февраля 1828 г. бывшей канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства предписал определить его к должности, соответственной знанию и способности. А как по прибытии г. Иванова в заводы под руководством его начаты уже в Барнауле многие каменные устройства, то и не могу ныне отправить его в Нерчинск, тем более, что и Кабинет ЕИВ в означенном предписании ничего об от-правке его из Колыванских в Нерчинские заводы не упомянул»¹¹.

Пока шла многомесячная переписка, время пребывания Иванова на Алтае подходило к концу, и вскоре в экспедицию Нерчинских горных заводов из Петербурга пошло обнадеживающее известие, в котором Кабинетом ЕИВ сообщалось: «Находившийся здесь при г. архитекторе Росси для усовершенствования в теории и практике по части архитектуры штата Колывано-Воскресенских заводов шихмейстер Попов, по приобретенным по засидительствованию г. Росси познаниям в архитектуре, Кабинетом Его Величества, согласно разрешению г. Министра и управляющего оным, отправлен на службу в помянутые заводы; а потому начальнику оных

г. обер-бернгауптману Фролову предписано по приезде Попова в заводы определить его при оных в должности архитектора, а шихмейстера Иванова, занимающего означенную должность, отправить на узаконенном порядке по принадлежности в Нерчинские заводы на счет оных. О чем Кабинет Его Величества, уведомляя Вас, рекомендует по приезде шихмейстера Иванова в Нерчинские заводы определить его при оных к архитектурной должности с жалованием по чину»¹². В марте 1830 г., после десятилетнего отсутствия, Лаврентий Иванов вернулся в родное Забайкалье.

Прежде чем говорить о творческом пути Л. Иванова в Нерчинских заводах и созданных им там произведениях, интересно было бы познакомиться с его работами, выполненными в Колывано-Воскресенских заводах. Известно, что Л. Иванов, а после него и Я. Попов трудились над созданием ансамбля центра горного города-завода Барнаула. Кроме значительного вклада Лаврентия Иванова в формирование центральной площади Барнаула исследователями сибирской архитектуры выявлены и другие постройки этого архитектора¹³. На Алтае Иванов был востребован, и выполнял он в течение двух лет не только деревянные постройки. Кстати, начальник Колыванских заводов Фролов в своем ответе в Нерчинский Завод как раз и упоминал о том, что под руководством Иванова «начаты уже в Барнауле многие каменные устройства», а потому возвращение его в Нерчинские заводы на тот момент представлялось невозможным. В работах Т.М. Степанской имя Иванова и его работы на Колывано-Воскресенских заво-

дах не только упоминаются, но и кратко анализируются¹⁴. Таким образом, благодаря многолетним исследованиям Баландина С.Н. и Степанской Т.М. выявлены ценные архивные материалы, касающиеся архитектурной деятельности Л.И. Иванова, а также некоторые биографические данные этого архитектора и выполненные им проектные материалы.

Практически все названные выше исследователи в своих публикациях утверждали, что оба пенсионера горных заводов (Нерчинских – Л. Иванов и Колыванских – Я. Попов) учились в Академии художеств у знаменитого зодчего К.И. Росси. На самом деле, как известно, Росси в Академии не преподавал, он только опекал на своих стройках прикомандированных к нему воспитанников этого учебного заведения после завершения ими научного (теоретического) курса, направлявшихся к мастеру с целью приобретения ими практических навыков в строительном искусстве. Прохождение практики у великого зодчего в течение нескольких лет конечно же давало основательные практические навыки его учениками, однако говорить, что они учились у Росси в Академии художеств – неверно. К Академии художеств К.И. Росси имел отношение как избранный в 1822 г. ее почетным вольным общником. Тарановская М.З., автор монографического исследования о творческой деятельности К.И. Росси, упоминает о том, что этот «первый по вкусу и таланту» ведущий зодчий Петербурга неоднократно обучал на своих стройках прикомандированных к нему воспитанников Академии. Видимо, данное обстоятельство тоже послужило основанием для Тарановской, чтобы назвать Иванова и Попова учениками этого мастера. Как отмечено в ее монографическом исследовании о творчестве Росси, «Учениками Росси архитекторами Л. Ивановым и Я. Поповым был создан известный ансамбль центра горного города-завода Барнаула»¹⁵.

Практика у великого мастера, а затем и более чем двухлетнее пребывание в

Барнауле стали для Иванова серьезной практической школой. Найденные в архивах некоторые проектные чертежи, выполненные им на Алтае, свидетельствуют о солидной его подготовке и прекрасной практической школе, которую он прошел у Росси. Уже осенью 1827 г., сразу же по прибытии в Барнаул, Иванов осуществлял руководство строительством двух плавильных фабрик. Одновременно он принялся за разработку проектов здания горного училища, богадельни с церковью и заводской площади. Все эти объекты, по замыслу начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова, должны были стать частью городского общественного центра. Разрабатывая проект горного училища с горносиротским отделением, Л. Иванов придерживался стилистики позднего классицизма, придав зданию столичный размах. Главный фасад Г-образного в плане здания имеет четко выраженную трехосевую композицию – восьмиколонный дорический портик в центре и два фланговых слабо выраженных ризалита.

Еще до возвращения Л. Иванова в Нерчинский Завод для него были определены работы, которыми архитектору предстояло заняться в первую очередь. Среди них – постройка нового жилого дома для начальника Нерчинского горного округа. Деревянный дом для него стали строить еще несколько лет назад, и он стоял уже почти готовый, однако Кабинет ЕИВ принял решение – «по прибытии в заводы архитектора шихмейстера Иванова приказать ему заложенный в 1825 году дом для жительства начальника заводов строением окончить, расположив оной к удобному помещению присутственных мест и упрощив надлежащим образом; а предполагаемому к постройке вновь начальническому дому, сообразно с местными обстоятельствами, составить план и фасад, которые вместе со сметой прислать на утверждение в Кабинет»¹⁶.

(продолжение следует)

Проект стеклянной фабрики при Шилкинском Заводе. Арх. Л. Иванов. 1847. Фасад, разрез, план. ГАЧО, ф. 31, оп. 5, д. 648, л. 1, 2.

Историческая застройка Иркутска. Сурикова, 9

Особняк, расположенный в старой части города на пересечении улиц Гаврилова и Сурикова, памятник истории и культуры XIX в. Это главный дом в «Усадьбе Середкина», строительство которой датируется 1850–1890 гг. Усадьба была поставлена на государственную охрану еще в 1975 г.

Дом представляет интерес как типичный купеческий особняк, построенный с использованием традиционных планировочных и композиционных приемов. Особую ценность имеет декоративное убранство.

Большой деревянный одноэтажный особняк заметно превосходит размерами окружающую застройку, основной его объем – это большой пятистенный сруб, перекрытый вальмовой кровлей. Со двора к нему примыкают два прируба: один с сенями и парадным крыльцом под навесом, другой служебного назначения. Стены дома выполнены из толстых полубревен, углы рублены «в лапу» и зашиты пилястрами. Верх здания опоясан широким дочатым фризом и профилированным карнизом большого выноса. Большие окна венчают наличники с «ба-

рочными» сандриками, украшенными резьбой.

Построенный изначально как доходный дом, в советский период особняк сначала был детским садом, позже здесь размещалось одно из подразделений Детско-юношеской спортивной школы.

Голодные перестроенные годы сыграли роковую роль в судьбе дома – не стало денег даже на текущий ремонт здания, и оно быстро пришло в аварийное состояние. Детям запретили здесь находиться. Спустя несколько лет памятником заинтересовалось Байкальское противораковое общество, но реставрация оказалась не по карману и этой организации.

Судьба брошенного дома, как правило, это медленная (или быстрая в случае пожара) смерть. Так и случилось. Началось с того, что один за другим стали исчезать невероятной красоты и размеров наличники, другие декоративные элементы, потом дверные и оконные заполнения, позже на дрова были разобраны прируб и внутренние перегородки. В итоге деревянный особняк, блиставший некогда монументальностью форм и богат-

ством декора, полностью разграблен и захламлен. Весь внутренний объем завален горами мусора.

Несмотря ни на что дом и сегодня остается одним из тех иркутских памятников, которые восхищают и завораживают, заставляя останавливаться случайных прохожих. Но если не случится чуда, не найдется состоятельный пользователь, желающий вложить средства в реставра-

цию «Усадьбы Середкина», ее конец предрешен: рядом полным ходом идет новое строительство.

Ирина Горбунова

Фото

Евгений Барановский, 1977 г.

Путь к вершине

Оптимальные решения для современного фасада

Навесной фасад представляет собой конструкцию, состоящую из облицовки, металлической подконструкции, теплоизоляционного слоя и воздушной прослойки.

Технологию вентилируемых фасадов давно используют во всем мире. Она заслужила любовь и уважение и строителей, и заказчиков. Причин такой популярности несколько.

Во-первых, применение «вентфасадов» способствует приданию зданиям современного внешнего вида. Достаточно большое количество материалов (плитных, панельных, листовых) разнообразных цветов и фактур, из которых выполняется внешний отделочный слой, позволяет значительно повысить архитектурные достоинства любых зданий - от административных до коттеджа. Формы же и размеры панелей могут быть любыми

- они определяются только особенностями каждого конкретного объекта.

Во-вторых, нет никаких специальных требований к поверхности несущей стены, а монтаж всей системы очень прост в техническом отношении. Работы можно проводить в любое время, так как технология не требует жесткой привязки к атмосферным условиям, а в нашем климате это более чем актуально.

Кроме того, после установки вентилируемого фасада ограждающие конструкции здания оказываются практически в идеальных условиях - несущая стена находится в зоне действия положительных температур, на ней не скапливается влага, а вся сырость, которая накапливается в конструкции, вытягивается в атмосферу за счет возникающей диффузии водяных паров.

Часто между стеной и облицовкой делают еще один

слой - теплоизоляционный. Он предохраняет помещения от холода зимой и от жары летом. Кроме того, точка росы перемещается из внутреннего сечения стены в слой утеплителя, в результате в ограждающих конструкциях не образуется конденсат, который со временем разрушает стену. Немаловажно и то, что вся система вентфасада абсолютно не подвержена термическим деформациям - это обеспечивается специальной системой монтажа конструкции к стене.

Более того, навесной фасад позволяет скрыть трубы, провода и другие предметы, портящие внешний вид здания. Вся система выполняется из экологически чистых материалов, устойчива к коррозии, не разрушается под воздействием агрессивной атмосферы больших городов.

В итоге, после установки вентилируемого фасада срок безремонтной эксплуатации

г. Иркутск,
ул. Степана Разина, 27,
оф. 105
тел./факс:
(3952) 25-80-89,
20-07-94

г. Ангарск,
ул. Глинки, 16,
тел./факс:
(3951) 52-66-79,
52-99-56

Само слово «драйв» вошло в оборот не так давно, но за несколько лет успело прочно закрепиться в русском языке. Итак, «драйв» - это энергия, мощь, неудержимое движение вперед. И нет ничего удивительного в том, что компания, чей корабль уже давно и уверенно плывет по волнам бурной российской жизни, называется именно так: «Драйв».

Компания «Драйв» работает с 1997 года. Большинству иркутян она известна, прежде всего, благодаря своим прекрасным окнам. Однако не все знают, что компания является лидером на одном из серьезных направлений в современном строительстве - навесные вентилируемые фасады.

Вентилируемый фасад и радиальный витраж здания «Иркутскэнерго»

здания резко возрастает от 25 до 50 лет, в зависимости от применяемого материала.

Новую технологию – в жизнь!

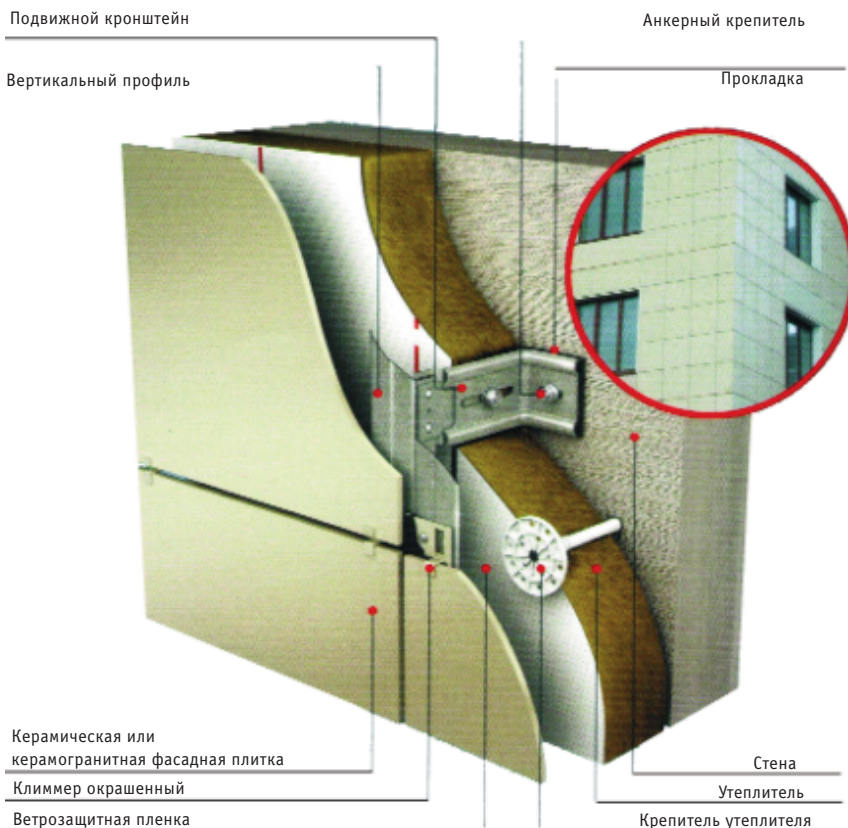
Компания «Драйв» предлагает разнообразие выбора среди систем подконструкций: ДИАТ, АЛКОН-РЕЙД (U-коп), МОСМЕК, КРАСПАН, ИНСИ; облицовочных материалов: листы и панели из композитных материалов, керамогранит с видимым или невидимым креплением, стальные панели или кассеты; минераловатных утеплителей специально для вентфасадов, отвечающих требованиям ГОСТа 9573-96 «Плиты из минеральной ваты на синтетическом связующем, теплоизоляционные. Технические условия». Все это изобилие позволяет выполнять разнообразные по дизайну и технической сложности заказы.

Первым объектом, на котором «Драйв» применил технологию вентфасадов, стало здание Торгового комплекса «Благовест» на улице Урицкого; оно стало привлекать внимание иркутян за-

долго до окончания монтажных работ. Затем производилось возведение вентилируемого фасада офиса «Импэксбанка», который располагается на пересечении улиц Пролетарской и Рабочей. Но самой эффектной работой компании по праву считается новый фасад здания Исполнительной дирекции ОАО «Иркутскэнерго» на сквере Кирова - настоящее украшение города.

За девять лет работы, компания вышла на тот уровень, который позволяет ей реализовывать проекты разной сложности на высочайшем техническом уровне.

Именно в украшении города, создании его нового современного облика видят специалисты компании «Драйв» свою задачу. А для ее решения как нельзя лучше подходят вентилируемые фасады, благодаря которым можно найти массу дизайнерских и технических решений для внешних стен любого строения.

Вентилируемый фасад и алюминиевый витраж здания ТК «Благовест»

VI Межрегиональный архитектурный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири-2006»

Комитет по культуре администрации Иркутской области, администрация города Иркутска, Иркутская организация Союза архитекторов России, Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук проводят фестиваль «Зодчество Восточной Сибири-2006». Национальный проект: доступное и коммерческое жилье. Фестиваль проводится с 5 по 10 июня 2006 года в г. Иркутске в порядке подготовки к Международному фестивалю «Зодчество-2006».

Место проведения:

г. Иркутск, Художественный музей (ул. Ленина, 5) и Дом архитектора (переулок Черемховский, 1а).

В программе фестиваля:

- смотр-конкурс лучших архитектурных произведений 2003-2006 годов (разделы: «Постройки», «Проекты», «Пропаганда архитектуры»);
 - смотр-конкурс творчества молодых архитекторов и студентов Восточной Сибири за 2003-2006 годы;
 - смотр-конкурс детского архитектурно-художественного творчества;
 - дискуссия по материалам смотров-конкурсов и проблемам архитектуры и градостроительства в Восточной Сибири.
- К участию в смотрах-конкурсах фестиваля приглашаются архитекторы, проектные организации, архитектурные фирмы, учебные архитектурные заведения, архитектурно-художественные школы Восточной Сибири.

Лауреаты смотров-конкурсов награждаются дипломами и ценными призами. Количество наград устанавливается жюри в пределах премиального фонда. Премияльный фонд формируется из взносов учредителей фестиваля и других взносов. Учредители и спонсоры фестиваля имеют право присуждения собственных наград.

По всем вопросам организации и проведения смотров-конкурсов обращаться по адресу:

664025, г. Иркутск, а/я 3324,
 переулок Черемховский, 1а
 Тел./факс: (3952) 33-28-40
 Тел.: (3952) 33-28-39
 E-mail: sar@irk.ru

График проведения фестиваля:

Заявки на участие во всех смотрах-конкурсах принимаются до 26 мая.
 Предоставление работ до 2 июня 2006 г.;
 со 2 по 4 июня 2006 г. – монтаж выставки.

Председатель Оргкомитета

Чумаков С.А., тел.: (3952) 33-39-66

1

2

3

4

1. А. Асадов, С. Брилка,
 Е. Григорьева,
 В. Якубовский

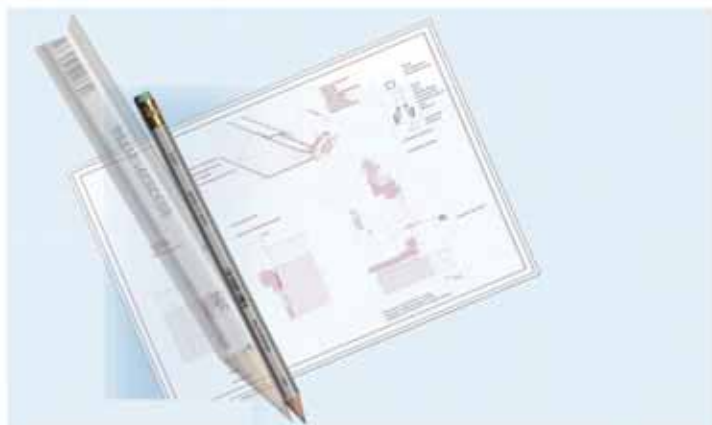
2. А. Скокан, А. Бавыкин

3. Б. Нелюбин,
 О. Успенская,
 Ю. Гнедовский,
 О. Дементьева

4. Е. Григорьева,
 А. Колесников, С. Киселев

ФАКРО - НЕБО В КАЖДЫЙ ПРОЕКТ!

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ АРХИТЕКТОРОВ

О программе

Хотите расширить архитектурные и дизайнерские возможности и при этом получить ценные призы и подарки? Используйте в Ваших проектах последние технические разработки FAKRO, участвуйте в специальной программе и воспользуйтесь накопительной системой баллов. Участие в акции для Вас абсолютно бесплатное.

Новые архитектурные решения и постоянно расширяющийся ассортимент продукции FAKRO позволят воплотить в жизнь Ваши идеи и мечты Вашего заказчика об идеальной мансарде. Давайте вместе подарим людям небо, которого нам так не хватает в повседневной жизни!

На сегодняшний день торговая промышленная группа компаний FAKRO - один из ведущих мировых производителей материалов для обустройства мансард, в том числе окон для крыши, чердачных лестниц, гидро- и пароизоляционных материалов. Торговые марки FAKRO известны в странах Европы, в США, Канаде, Бразилии, Чили, Китае.

Продукция FAKRO обладает всеми самыми престижными европейскими сертификатами, в том числе сертификатами Госстроя РФ.

Специалисты нашей ком-

пании осуществляют сопровождение проектов на всех этапах их реализации. Оказывают помощь по вопросам выбора, монтажа и эксплуатации окон для крыши, проводят бесплатное обучение монтажников на объекте. Благодаря широкой дилерской сети окна для крыши FAKRO можно купить фактически в любой точке России.

Правила и условия

Для участия в программе заполните **анкету**, используйте в Вашем проекте любую

продукцию FAKRO, пришлите копию проекта нам в офис по факсу, почтой или по электронной почте.

Проект должен быть рабочим, с указанием марки FAKRO в рабочей документации.

После того, как будут подготовлены документы, Вам будет предоставлена именная пластиковая карточка участника программы с индивидуальным кодом. При предъявлении копий проектов, за каждый использованный продукт FAKRO на Вашу карточку будет начисляться определенное количество баллов.

Призы

Согласно определенной сумме начисленных баллов, Вы можете получить фирменный подарок от FAKRO или подарочные сертификаты на покупку электронно-бытовой техники и парфюмерно-косметических средств по Вашему выбору.

Вы можете сразу воспользоваться сертификатами или накапливать баллы до определенной суммы, а потом совершить покупку в одном из предлагаемых магазинов.

Ваши желания и возможности не ограничены!

Техническая поддержка участникам

Всем участникам программы «**ФАКРО: небо в каждый проект!**» предоставляется техническая поддержка, консультации на всех стадиях объекта. По Вашему желанию, специалисты компании придут к Вам офис или отправят по почте подробные сопроводительные технические материалы, указанные Вами в анкете участника.

При предоставлении заявки участника программы компания FAKRO (Россия) бесплатно предоставит не имеющий аналогов полный технический каталог продукции или компьютерный диск «Метаморфозы» - мультимедийную программу, которая позволяет в трехмерном виде выбрать ту или иную группу окон и создать вместе с заказчиком уникальную по освещению и дизайну мансарду.

Все подробности на сайте www.fakro.ru (раздел "Специалистам"), по телефону (495) 995-80-02, эл. почте: proekt-nebo@fakro.ru

Склад и консультации в Иркутске ООО "Мегастрой": (3952) 206-935

Как строить на берегах Байкала? Так, как мы это делаем сейчас, лучше не строить вовсе. Или не подвергать Байкал воздействию человека вообще? Такая мысль приходит на ум все чаще, ибо становится очевидным, что присутствие людей на его берегах ничего хорошего Байкалу не дает. Опрометчив был царь, опоясав Байкал железной дорогой с южной стороны. Циничен был режим «плановой экономики», прижав его еще одной железной дланью по северной оконечности. Теперь и нефтепровод тяготеет к Байкалу под гарантии технической безупречности. Почему бы и нет? Акция в логике предыдущих. Потребительская цивилизация прибирает Байкал к своим цепким рукам: поселения, производства, коммуникации, теперь еще дачная напасть, туризм...

Байкал, продолжая оставаться одновременно природным и мифологическим уникалом, все больше подвергается антропогенному давлению, и, чтобы окончательно не потерять присущей только ему исключительности, без архитекторов как «синтетических» специалистов, скорее всего, не обойтись. Владимир Бух, главный редактор

How should we build on the coast of Lake Baikal? Better never to build than to build like we do it at present. Or it would be better if a human being does not interfere in the lake area at all? This thought occurs more often as it becomes evident that people's presence on the coast does not do any good to Lake Baikal. It was reckless of the tsar to encircle the lake with the railway on the southern side. It was cynical of the «central planning» regime to press it from the north with the second iron hand. Now the oil pipeline is coming closer to Lake Baikal while guaranteeing technical perfection. Why not? This action keeps to the logic of previous ones. Consumer civilization is skillfully seizing the lake: settlements, industry, communications, and today's passion for country houses, and tourism...

Remaining unique both naturally and mythologically, Lake Baikal is under growing anthropological pressure. To prevent it from losing its inherent uniqueness we probably cannot do without architects as «synthetical» specialists. Vladimir Bukh, editor-in-chief

<i>Владимир Бух</i>	От редактора	2
<i>Андрей Большаков</i>	Ландшафты Байкала: «охранять нельзя застраивать»	4
<i>Константин Лидин</i>	Архитекторы, бандиты и рыцари	10
<i>Дмитрий Бобрышев</i>	Эколого-градостроительные проблемы прибрежных территорий.....	14
<i>Татьяна Симонова</i>	Как построить город на Байкале	17
<i>Люциан Антипин</i>	Что оставим в наследство	20
<i>Марина Рихванова</i>	Каким должно быть строительство на Байкале	23
<i>Надя Скалон</i>	Дом для новой цивилизации (экодом)	24
<i>Марк Меерович</i>	Туризм в Иркутске и на Байкале	26
<i>Валерий Козлов</i>	Берлинские проекты, XXI век. Город на берегу.....	32
<i>Андрей Ляпин</i>	Речные парки: современная практика американских городов	38
<i>Евгения Сержант</i>	Искусственные земли Японии	42
<i>Александр Колесников</i>	Город и река	45
<i>Полина Колесникова</i>	Акватории и их роль в формировании городского пространства	48
	МОНИТОР	
<i>Антон Шаталов</i>	Боулинг-клуб в г. Красноярске.....	50
<i>Анна Григорьева</i>	Summary.....	52

побережье / coast

Ландшафты Байкала: «Охранять нельзя застраивать»

Градостроительные мотивации устойчивого развития региона

ТЕКСТ
Андрей Большаков

Застройка, планировка, инженерное оборудование населенных мест Байкала и организация мест отдыха приезжающих сюда туристов, а также организация особо охраняемых природных территорий должны быть такими, чтобы красота и чистота, природное разнообразие и уникальность дикой природы Байкала – то, что составляет его славу и так притягивает к себе и туристов, и постоянных жителей, оставались бы ненарушенными во веки веков. Возможно ли это? И как возможно совместить технические условия цивилизации, к которым мы так привыкли (энерго-снабжение, канализация, асфальтированные дороги, автомобильный транспорт, нефтепроводы, благоустроенные города и поселки), а также стремление тех многочисленных инвесторов, которые хотели бы организовать на Байкале доходный туристический бизнес, с задачей сохранения природы Байкала?

В связи с планетарной ценностью Байкала и окружающих его ландшафтов эта земля включена в Список Мирового природного наследия ЮНЕСКО. В нашей стране принят Закон «О Байкале». Байкальская природная территория (БПТ) включает ядро, или Центральную экологическую зону (ЦЭЗ), буферную территорию в границах водосборного бассейна озера и зону атмосферного влияния, которая располагается к западу от ЦЭЗ полосой 200 км. Законом на БПТ устанавливается особый режим природопользования, среди принципов которого – 1) «приоритет видов деятельности, не приводящих к нарушению уникальной экологической системы озера Байкал и природных ландшафтов его водоохранной зоны» и 3) «сбалансированность решения социально-экономических задач и задач охраны уникальной экологической системы озера Байкал» (статья 5).

Что это означает для градостроительной деятельности на Байкале? Как нужно использовать территорию вокруг Байкала, чтобы регион устойчиво развивался – и с точки зрения постоянного населения, и с точки зрения туристов, и с точки зрения мирового сообщества. Для населения планеты Байкал является мировым колодезем чистой воды, а его ландшафты – источником красоты, чистого воздуха и тех нравственных и физических сил и информации, которые нам дает ненарушенная природа. Ведь не секрет, что, будучи застроенным, Байкал неизбежно утратит ту ценность, которую имеет. Это будет, без преувеличения сказать, планетарной катастрофой. В то же время, население на берегах Байкала живет ниже черты бедности. Значит, должны развиваться и благоустраиваться существующие поселения, которых насчитывается более сотни. Бум туристического строительства на некоторых участках побережья показывает, что инвесторов интересует только прибыль. Строительство ведется без всякого учета ценности ландшафтов, не имеет целью их сохранение, да и интересы местного населения не учитываются.

Научной основой правильного использования ландшафтов Байкала должна стать доктрина устойчивого развития территории. Она резко отличается от сути современной градостроительной практики на Байкале. Доктрина состоит в том, что полагает целью не только создание сети благополучных населенных мест с развивающейся экономикой, но и сохранение уникальной экосистемы озера – путем совместного творчества человека и природы на

берегах озера во благо творения Божьего. Для того чтобы понять, какой должна быть градостроительная деятельность на Байкале, нужно, во-первых, представить свойства природных ландшафтов Ядра Байкальского региона. Во-вторых, выявить проблемы существующего градостроительного освоения территории. В-третьих, выработать главные направления преобразований освоенных территорий и создать проектный образ региона, который отвечал бы всем мотивациям использования и сохранения ландшафтов, – то есть найти правила для баланса экономических, экологических, социальных, эстетических и историко-культурных ценностей градостроительства на Байкале. Где поставить запятую в словосочетании «сохранять нельзя застраивать» по отношению к ландшафтам Байкала?

1. Типы ландшафтов Байкала

Ядро Байкальского региона – котловина озера Байкал и окружающие его горы – по геологическому строению представляет собой рифт. Рифтом называют такую форму земной коры, которая образуется в результате провала, или сброса, большого ее участка, заключенного между параллельными разломами, на значительную глубину при одновременном смятии прилегающих пластов земной коры в горные складки.

Байкальский рифт имеет протяженность более 1200 км, ширину – в среднем 80 км и включает помимо трех котловин, заполненных озером, еще несколько котловин к югу и к северу от него. Озеро обрамлено шестью среднегорными хребтами. В стене гор существуют прораны, через которые с озером связаны ландшафты его водосборного бассейна. Главные транзитные входы в Байкал – это реки Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара. Половину стока, поступающего в озеро, несет река Селенга.

В регионе существует четыре типа природной среды. Это горная тайга, горная степь, лугово-болотные низины и высокогорные гольцы и тундры. Более дробное подразделение этих категорий представляют 10 основных типов байкальских ландшафтов (рис. 1). Ландшафт складывается под влиянием форм рельефа: горной вершинной, долинной, котловинной, склоновой. Затем, в формировании ландшафта участвует тип растительности. Растительность представлена темнохвойной тайгой (кедр, ель, пихта), светлохвойной тайгой (сосна, лиственница), лугами и степью. В зависимости от климата, типа почв, грунтового увлажнения леса достигают оптимального, ограниченного или редуцированного развития. Наибольшую площадь в ЦЭЗ занимает темнохвойная тайга ограниченного развития – это среднегорные части хребтов Хамар-Дабан, Байкальского и Приморского. Второй по распространенности тип ландшафтов – гольцовый и подгольцовый – занимает обширные вымороженные пространства Баргузинского хребта и высокогорную поверхность Байкальского хребта. Сосновая горная тайга – вторичные леса – покрывает наиболее освоенную центральную и южную части горного обрамления Байкала. Царь-дерево – кедр достигает оптимального развития на вершинах Хамар-Дабана, где выпадает до 1200 мм осадков в год и формируются условия «северных субтропиков». Горная степь характерна для сухого Ольхонского района, в котором кроме небольшого ко-

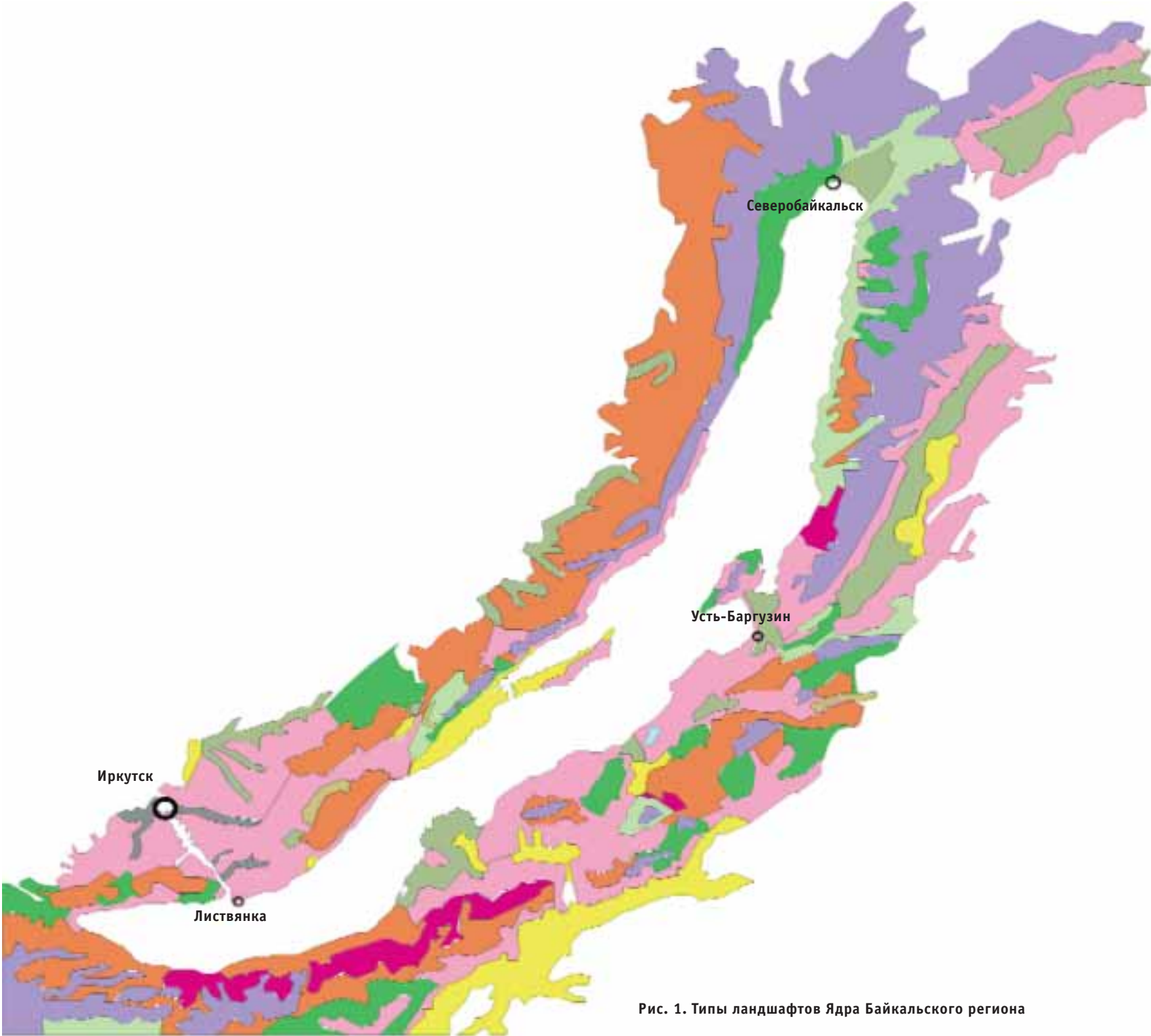

Рис. 1. Типы ландшафтов Ядра Байкальского региона

	Горнотаежные темнохвойные оптимального развития		Гольцовые, подгольцовые редколесные и субальпинотипные
	Горнотаежные темнохвойные ограниченного развития		Подгорные и межгорных понижений и долин лиственнично-таежные и заболоченных лугов
	Горнотаежные сосновые		Подгорные и межгорных понижений и долин травяных и травяно-моховых болот с елью, кедром и лиственницей
	Горнотаежные лиственничные оптимального развития		Долинные лугов со злаковым, иногда остепненным покровом
	Склоновые и межгорных понижений и долин лиственничные ограниченного развития		Пологосклоновые и долинные степные ландшафты даурского типа

личества осадков (до 200 мм в год) на развитие остепнения влияют карстующиеся горные породы, отнимающие влагу с поверхности. Район отличается наиболее расчлененным рельефом при небольшой высоте образующих его холмов. Луга и болота доминируют в устьях рек.

Ландшафты гор и долин рек, впадающих в озеро, образуют единую биogeосистему, от качества использования которой зависит здоровье Байкала. Под качеством использования мы понимаем вид градостроительного освоения территории, его интенсивность, характер взаимоотношений застроенных и природных ландшафтов. Важным принципом является то, что параметры градостроительной нагрузки должны отвечать свойствам ландшафтов: их значимости и устойчивости. При том, что ландшафты Байкала образуют единую экосистему, они резко неоднородны по этим показателям.

Наибольшей экологической значимостью для состояния озера обладают долины рек, впадающих в озеро, а также непосредственно берега озера, его водоохранная полоса, ширина которой определяется в 500 м. Это транзитные территории, с которых негативное влияние непосредственно и в кратчайший срок достигает озера. Гольцы питают реки при таянии своих снегов. Наиболее продуктивная темнохвойная тайга вносит максимальный вклад в восстановление атмосферы, а также служит важным звеном по формированию качества стока. Горнотаежные темнохвойные ландшафты обладают максимальной биопродуктивностью и разнообразием, они являются коренными, т.е. максимально приспособленными к данным геологии и климата. Все другие экосистемы в данных условиях уступают им по экологической эффективности. Так, сосновые леса являются промежуточным звеном в восстановительном ряду эволюции ландшафтов, нарушенных цивилизацией.

2. Проблемы хозяйственного и градостроительного освоения территории

Традиционное природопользование на Байкале представлено сельским хозяйством (преимущественно скотоводством), лесозаготовками и лесным хозяйством, рыболовецкой отраслью. Промышленность представлена лесохимией в г. Байкальске и г. Селенгинске, цементным и асбоцементным заводами в Тимлюе, горнодобывающими предприятиями в Слюдянском районе, рыбообработывающей промышленностью в Усть-Баргузине и Нижнеангарске. Железнодорожный транспорт развит на южном и северном берегах Байкала. Теперь на северном берегу вдоль БАМа добавится нефтепровод.

Население сосредоточено в 110-130 населенных пунктах, в том числе 4 города, 4 крупных поселка городского типа и 11 сел с численностью населения более 1000 жителей. Наиболее распространенная категория поселений – деревни с численностью жителей менее 100 человек. Именно эти деревни обладают максимальной емкостью и привлекательностью для экологического и познавательного туризма. Численность населения около 120 тыс. человек. На территории расположены 5 аэродромов, 320 км железных дорог (68 км – на севере и 252 – на юге), более 1000 км автомобильных дорог. По особенностям ландшафтов, по формам и интенсивности их градостроительного освоения территория подразделяется на 12 ландшафтно-планировочных районов (рис. 2).

В результате воздействия хозяйства на ландшафт сформировались 4 главных проблемных экологических ареала, 4 крупных язвенных пятна на живом теле региона.

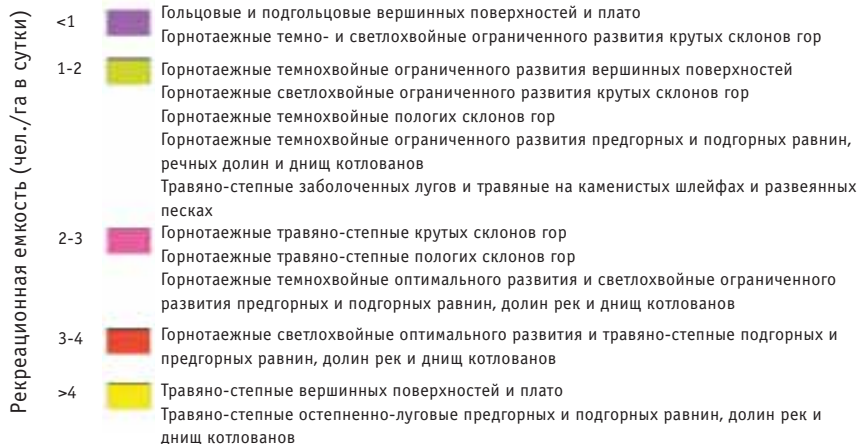
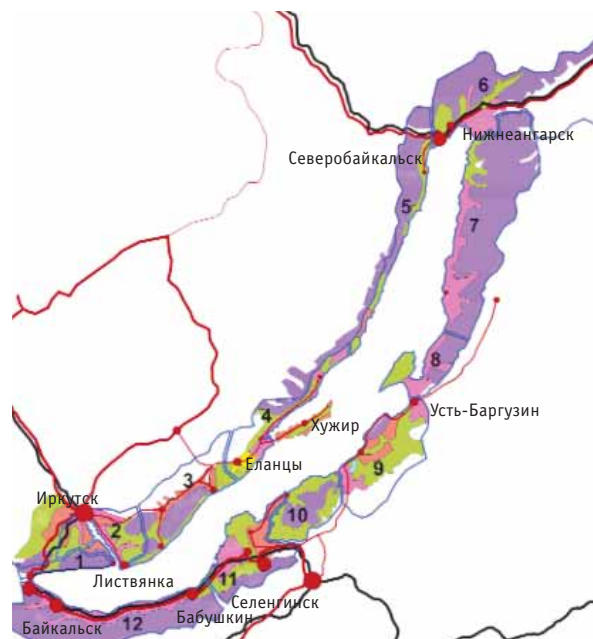
Южнобайкальский проблемный ареал расположен в основном в Слюдянском административном районе. Проблемным является расположение более 200 км транспортных и инженерных коммуникаций (включая Транссиб и Московский тракт) трубопроводного транспорта химически агрессивных продуктов на берегу Байкала непосредственно. Печально известен целлюлозно-бумажный комбинат, выпускающий 50 тыс. тонн загрязнений ежегодно в озеро и выбросы в воздух, от которых усыхают пихтовые леса на площади в сотни тысяч гектаров. В Слюдянке и в Ангарске горнодобывающие предприятия нарушают ландшафты прибрежной зоны.

Нижнеселенгинский проблемный ареал. Селенга несет более половины стока водосборного бассейна в Байкал. Ее воды загрязнены стоками города Улан-Удэ, деятельностью агропредприятий Селенгинской Даурии. Два проблемных объекта непосредственно на территории Кабанского района – в Селенгинске целлюлозно-картонный комбинат и Тимлюйские цементный и асбоцементные заводы и крупная тепловая электростанция. В районе густая сеть аграрных поселений.

Нижнебаргузинский ареал обусловлен загрязнениями реки Баргузин, которая утратила нерестовое значение, по ней текут смывы удобрения и ядохимикаты, почва, снесенная с эродированных полей (эрозии подвержены более половины распаханых здесь земель). Крупный поселок в устье реки добавляет к этим проблемам неочищенные стоки рыбообработывающих, транспортных, судоремонтных

Рис. 2. Ландшафтно-планировочное районирование Ядра Байкальского региона.

Районы:
1 – Олхинский, 2 – исток Ангары, 3 – Приморский, 4 – Приольхонье, 5 – Байкальский хребет, 6 – Северный берег Байкала, 7 – Подлеморье, 8 – Чивыркуйский, 9 – Шанталыкско-Котокельский, 10 – Морской хребет, 11 – Дельта Селенги, 12 – Южный берег Байкала

предприятий, которые без каких-либо защитных эколого-градостроительных и инженерных мероприятий оккупировали берег. Проблемной в санитарном отношении является организация работы порта.

Северобайкальский проблемный ареал обусловлен выходом БАМа на северный берег, размещением крупного путевого хозяйства и ТЭЦ непосредственно на берегу озера, а также одноименным городом в 30 тысяч жителей и крупным поселком Нижнеангарск, больше половины жителей которого проживают в домах без канализации. По самой привычной схеме, т.е с точностью до наоборот, по отношению к берегу расположены сначала путевое хозяйство и промышленно-коммунальные объекты, а уже потом, на удалении от берега – сами селитебные районы. Таким образом, горожане и Байкал разобщены, зато в необязательном и вредном контакте находятся промышленно-коммунальная зона и берег озера. Сооружения БАМа отличаются грубостью и примитивностью архитектуры и искажают визуальный облик прекрасного берега. При сравнении БАМовских туннелей со старыми Кругобайкальскими понимаешь, насколько деградировало строительное искусство за 70 лет. Так же, как и на Южном берегу, линейные коммуникации представляют угрозу экосистеме озера в случае аварий и катастроф на нефтепроводах.

3. Рекомендуемые градостроительные преобразования ландшафтов региона

Обобщая указанные проблемы, нужно сказать, что главной проблемой является вопиющее несоответствие форм градостроительного освоения уровню ценности и пространственной структуре ландшафтов Байкала. Поэтому для регулирования всех частных и общих вопросов землепользования и архитектуры на Байкале мы считаем целесообразным формирование единого Национального парка в границах Ядра региона, отраслевую структуру которого составят охрана природы, традиционное природопользование, туризм и рекреация. На территории Ядра мы выделяем 12 районов, отличающихся природными, хозяйственными особенностями, ресурсами рекреации и условиями охраны природы. Такие районы, как Байкальский хребет, Подлесье, Морской хребет, практически не освоены и должны оставаться в качестве заповедных территорий. Для наиболее освоенных районов рекомендуется следующее. Рис. 3, 4, 5.

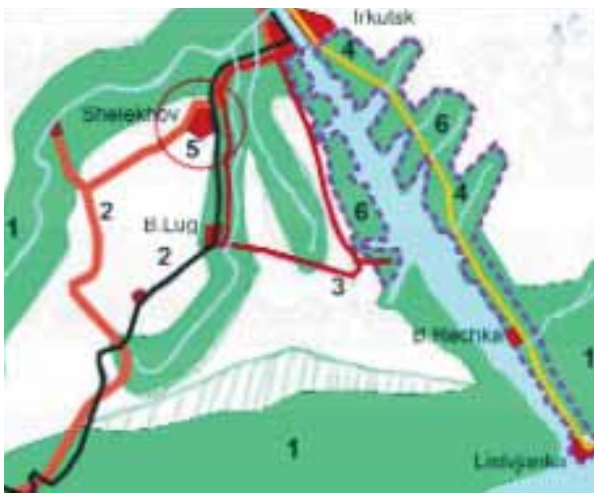

Рис. 3А. Исток Ангары.
1 – Прибрежные территории – важнейшие элементы природного каркаса. Предложения: 2 – оси преимущественного хозяйственного освоения; 3 – оси умеренного освоения; 4 – ось строго ограниченного освоения; 5 – экологическая реконструкция промышленного узла с негативным влиянием на окружающую среду; 6 – меры по рекультивации нарушенных ландшафтов в полосе интенсивной деградации в результате развития субурбии.

Рис. 3В; 3С. Схемы эколого-градостроительного развития районов: В – Приморского и С – Южного берегов Байкала.

1 – горная тайга – ландшафты природного каркаса; 2 – ось с ограничениями на урбанизацию; 4 – меры по перепрофилированию и экологической компенсации промышленных узлов и поселений с негативным влиянием на окружающую среду; 5 – предложение вынести железную и автомобильную дороги с прибрежной полосы в тыловые долины и туннели в теле прибрежных гор; 6 – рекультивация, лесомелиорация, восстановление нарушенных ландшафтов ценных долинных и прибрежных территорий, нарушенных рекреацией или хозяйственной деятельностью; 7 – приведение плана, продольного и поперечного профиля в соответствие с мозаичностью ландшафтов; 10 – элементы природного каркаса. Лесовосстановление в долинных лесах, нарушенных рубками, пожарами; 11 – водораздел; 12 – туристические маршруты задача.

Рис. 4. Схемы эколого-градостроительного развития районов: А. – Нижней Селенги, В. – Шанталыкско-Котокольского и С. – Ольхонского. 1 – горная тайга природного каркаса; 2 – степные и луговые ландшафты аграрного использования. Противозрозийная гидро-лесомелиорация в соответствии с мозаичностью ландшафта; 3 – поселения с памятниками археологии; 4 – поселения и промзлы с агрессивной технологией, нуждающиеся в перепрофилировании, комплексной реконструкции и рекултивации прибрежных территорий; 5 – предложение по переносу транзитного движения с прибрежной полосы в тыловую долину; 6 – территории с рекреационной перегрузкой. Геопластика нарушенных поверхностей, оборудование рекреационных ландшафтов; 7 – приведение планировки дорог в соответствие с мозаичностью ландшафта; 8 – предложение по учреждению заповедника Селенгинская дельта; 9 – лугово-болотные ландшафты устьев рек – входные узлы в экосистему Байкала. Специальный водоохраный режим; 10 – светлехвойные таежные с лугами и озерами ландшафты устьев рек. Специальный водоохраный режим; 11 – главные водоразделы хребтов; 12 – названия поселений и численность населения, человек.

1. Для Южного и Северного берегов необходимо устранить негативное влияние железной дороги, трубопроводного транспорта и городов Слюдянка, Байкальск и Северобайкальск с их промышленными объектами, в первую очередь – БЦБК, путем прокладки железной дороги в глубине от берега – в туннелях в горах (на отдельных отрезках). На первую очередь – рекултивация берега в условиях работающей дороги. Стратегической задачей является перепрофилирование городов на туристические, спортивные центры, производственные, способствующие лесному, водному, городскому хозяйству и развитию инфраструктуры районов (рис. 3С, рис. 5).

2. Для Ольхонского плато рекомендуется совместное решение задачи сохранения памятника федерального значения – Кругобайкальской железной дороги – с задачами организации туризма и охраны природы; организация туристических центров в районе Култук, Ангасолки, порта Байкал.

3. Для истока Ангары насущной мерой является регулирование субурбии и рекреации по вылетным магистралям, исходящим из г. Иркутска. Преимущественное развитие рекомендуется вдоль Московского тракта, ограничение развития вдоль Байкальского тракта, промежуточное по интенсивности развитие – для обеспечения дачных поселков – вдоль Новогрудининского тракта. Актуальной стала задача архитектурно-ландшафтной реконструкции прибрежных территорий в поселках Листвянка, Большая речка, Никола и др. с сохранением их историко-культурного облика в условиях бума туристического бизнеса.

4. В Приморском районе – бассейне Голоустной и Бугульдейки – приоритетными задачами являются восстано-

вление лесов на месте интенсивных рубок и гарей; активное развитие оси Иркутск – Малая Голоустная – Большая Голоустная; рекреационное освоение тыловой оси Большая Речка – Малая Голоустная – Куртун – Косая Степь. Непосредственно на берегу Байкала следует продолжить рекултивацию площадок бывших складов леспромхозов в селах Большая Голоустная и Бугульдейка с рекреационным освоением побережья. (См.: А.Г. Большаков «Геопластика в архитектуре и планировке ландшафта». – Иркутск: Издательство Института географии, 2000.) Актуальной является также архитектурно-ландшафтная реконструкция турбазы Бухта Песчаная (рис. 3В).

5. Для Ольхонского района приоритетными мерами являются рекултивация ландшафтов, нарушенных рекреационной дигрессией на Маломорском побережье, на о. Ольхон; обеспечение режима охраны многочисленных памятников природы и археологии; сохранение живописных карстовых ландшафтов горной степи и тайги в условиях интенсивного рекреационного освоения; отказ от обычных технических стереотипов дорог, приспособление их к разнообразному и мозаичному ландшафту (рис. 4С).

6. В Нижне-Селенгинском районе необходимым преобразованием является перепрофилирование предприятий и поселков городского типа (Селенгинск, Тимлюй, Каменск) либо совершенствование их технологий с целью устранения негативного влияния на ландшафт. Важно также развивать аграрный ландшафт путем лесогидромелиорации, создания полевых защитных и противозрозийных элементов ландшафта. В числе приоритетов должна быть охрана дельты Селенги, очистка речного стока биопозитивными берегозащитными конструкциями, развитие рекреации, ох-

Рис. 5. Схема эколого-градостроительного развития района Северного берега Байкала: 1 – горная тайга водосбора Байкала, склоны Байкальской экспозиции. Природный каркас. Средообразующее, климаторегулирующее, стокоформирующее значение; 2 – равнинные светлехвойные леса Верхнеангарской котловины. Рекреационное и средозащитное значение; 3 – заболоченные луга совместной поймы Верхней Ангары и Кичеры. Ландшафт стокорегулирующего значения; 4 – полоса нарушенных и деградированных ландшафтов в долине реки Туйя и на побережье Байкала в связи со строительством БАМа, путевого и коммунального хозяйства города Северобайкальска и других поселений. Режим архитектурно-ландшафтной реконструкции побережий, в том числе мысовых тоннелей и перепланировки путей; 5 – Верхнеангарская котловина – входной узел в экосистему Байкала. Строгая ландшафтная организация селитебной и рекреационной функций. Средозащитные ландшафты.

рана и экспозиция памятников археологии для организации познавательного туризма (рис. 4А).

7. В Шанталыкско-Котокельском районе предлагается перенос транзитного автомобильного движения с береговой линии на тыловую ось Котокель – долина р. Турки – Усть-Баргузин. В поселке Усть-Баргузин необходимы приведение морфотипов использования ландшафта в соответствие с ценностью ландшафта, рекультивация устья реки биопозитивными берегозащитными сооружениями. Важно осуществить архитектурно-ландшафтную организацию района интенсивной рекреации на озере Котокель и развивать курорт Горячинск (рис. 4В).

Общим принципом организации новых туристических центров должно стать их развитие на основе существующих поселений, обладающих ресурсами для познавательного и экологического туризма. Развитие крупных субрегиональных центров рекомендуется в существующих городах, а также строительство новых центров в глубине территории – без визуального и урбанистического контакта с берегом.

4. Заключение: Градостроительные мотивации устойчивого развития региона

Градостроительная организация ландшафтов Ядра Байкальского региона побуждается, как и любая деятельность, определенным множеством ценностей, или мотиваций. Среди них главными являются следующие.

А. Сохранение природного наследия, которое представляет собой Байкал и его ландшафты (экологическая мотивация).

Б. Повышение уровня материального благополучия местного населения и доходность туристического бизнеса для инвесторов, которые заинтересованы его здесь развивать (экономическая мотивация).

В. Повышение уровня социально-культурного обслуживания и сохранение этнокультурных традиций местного населения (социальная мотивация).

Г. В пространстве Байкала сохранить и приумножить красоту населенных мест и охраняемых природных территорий (эстетическая мотивация).

Эти мотивации и в теории, и на практике вступают между собой в острые противоречия. Однако эти конфликты и возможно, и необходимо разрешать. Ниже мы приводим краткие градостроительные характеристики территориальной структуры, которая позволяет найти компромисс, или оптимум в решении проблемы устойчивого развития Байкальского региона.

Экономическая мотивация градостроительной деятельности реализуется в том, что совершенствуются существующие поселения и инфраструктура – без освоения новых территорий. География инвестиций в байкальское пространство должна быть компактной. Сеть новых туристических объектов должна совпасть с сетью существующих поселений. Природные и историко-культурные ресурсы развития туризма уникальны. Рекреационная емкость только прибрежной территории в 500 м шириной позволяет рассчитывать на прием 120 тысяч посетителей в сутки (разумеется, при соответствующей организации этого потока), т.е. на 4 млн. посетителей в год при средней длительности пребывания туриста 10 дней.

Экологическая мотивация реализуется в двух принципах: поляризации и мозаичности ландшафта. Поляризация состоит в следующем: пространственно разделяются урбанизированные и природные ландшафты. Т.е. наиболее ценные (продуктивные и биогеосистемно-разнообразные) ландшафты охраняются; менее ценные, наиболее устойчивые и освоенные ландшафты оборудуются под интенсивную рекреацию, развитие поселений и инфраструктуры.

Ландшафты ценные, уникальные по экспозиционному качеству, отводятся под пассивную рекреацию для устройства туристических маршрутов, хижин и пикниковых стоянок. Мозаичность планировки ландшафта состоит в том, чтобы отдельные ячейки землепользования размещались в границах природных местоположений рельефа, а вид и интенсивность использования местоположений обеспечивали бы природное саморегулирование ландшафта в пределах каждой ячейки. Это обеспечит возможность совмещения природных и культурных ландшафтов и устойчивого развития территории.

Социальная мотивация состоит в том, чтобы создать иерархию социально-культурных и туристических центров, сочетающую объекты регионального, локального и индивидуального уровней. Региональные центры – Иркутск и Улан-Удэ – должны выполнять функции и услуги полного спектра и уникального статуса. Четыре города на Байкале – Байкальск, Северобайкальск, Слюдянка и, возможно, Селенгинск или Бабушкин – должны стать субрегиональными центрами туризма с комфортабельными отелями. Крупные поселки и села – такие как Култук, Усть-Баргузин, Еланцы, Хужир, Нижнеангарск, Кабанск и другие – с численностью населения более 1000 жителей должны стать распределительными центрами для дальнейших путешествий с классными гостиницами (в сочетании с семейным туризмом). Эти поселения должны стать центрами своих ландшафтно-планировочных районов, обслуживаемыми инфраструктурой и ландшафты туризма на обширных территориях. Мелкие поселения с традиционным природопользованием и с численностью населения менее ста человек могут стать центрами отдыха, приближенного к дикой природе и к народным традициям хозяйства и культуры. Эта категория поселений заслуживает первоочередного внимания, поскольку является наиболее емкой как с точки зрения пропускной способности туристического потока, так и с точки зрения объема и качества исконно байкальских ресурсов туризма. Последней категорией туристических объектов на Байкале являются хижины и пикниковые стоянки в дикой природе, ориентированные на экстремальный туризм.

Эстетическая мотивация градостроительной деятельности на Байкале состоит в том, чтобы максимально сохранить красоту и своеобразие байкальских пейзажей: берегов, гор, долин рек. Пространственные структуры: дороги, поселения, сооружения – должны вписываться в ландшафт, быть мозаичными по планировочным конфигурациям, опираться на традиционные образы народного зодчества и на лучшие образцы исторической архитектуры и инженерных сооружений региона. Разнообразие и упорядоченность пространственных образов среды байкальских поселений – один из важных ресурсов перспективной привлекательности региона для туризма.

Таким образом, решение о том, сохранять или застраивать ландшафты Байкала, и какие ландшафты урбанизировать, а какие сохранять и восстанавливать, и как оборудовать освоенные территории, и как ухаживать за охраняемыми природными ландшафтами, – комплексная национальная задача. Решается она, во-первых, на основе изучения и сохранения всего разнообразия ландшафтов региона и его значения как планетарного природного наследия. Во-вторых, развитие туризма и реконструкция существующих поселений должны стать единой задачей, а не двумя разделенными в пространстве задачами. И в-третьих, устойчивое развитие региона возможно только при правильном разрешении конфликтов мотиваций землепользования за счет построения рациональной сети байкальских ландшафтов – от заповедных до урбанизированных.

Литература:

1. Федеральный закон «Об охране озера Байкал», Гуманитарный фонд «Байкал, Третье Тысячелетие», e-mail: info@3mill.ru
2. ТерКСОП водосборного бассейна озера Байкал. // Байкал. Атлас. – Москва: Роскартография, 1993. – С.143.
3. Комплексная программа политики землепользования для Российской территории бассейна озера Байкал. – Иркутск – Улан-Удэ – Нью-Йорк: «Дэвис Ассошиэйтс», Международный центр социально-экологических проблем Байкальского региона, Российская академия наук, 1993. – 173 с.
4. Большаков А.Г. Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории. Автореф. дисс. доктора архитектуры. – Иркутск – Москва, 2003. – 48 с.
5. Михеев В.С., Ряшин В.А. Ландшафты юга Восточной Сибири. Карта. М 1:1500000. Ин-т географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР. – М.: ГУГК, 1977.
6. Михеев В.С., Ряшин В.А. Рекреационная емкость природных ландшафтов. Карта. М 1:2500000// Байкал. Атлас. – Москва: Роскартография, 1993. – С.125.

Архитекторы, бандиты и рыцари

текст
Константин Лидин

фото
**Люциан Антипин
Александр
Колесников**

1. Полубота А. Дача с видом на Байкал. Труд, № 076, 29.04.2005.
2. Волков О. Ломать – не строить. Время новостей, № 164, 07 сентября 2005.
3. Степаненко В. Удары по первозданности. <http://www.vsp.ru/index.php?vsp=24825&article=173-4-7&PHPSESSID=05>
4. Сухаревская Л. Во что обходятся ошибки архитектора. Интервью с председателем правления Иркутской организации Союза архитекторов России, лауреатом Государственной премии Еленой Григорьевой. Байкальские вести. http://www.poltirkutsk.ru/index.php?subaction=showfull&id=1119929225&archive=1120565223&start_from=&ucat=1&do=archives
5. Бережных В. Итоги стихийного инвестирования туризма. http://www.ratanews.ru/news/news_13082004_8.stm
6. Ксенофонтов Г. В. Элейада. М.: Наука, 1977. С. 101.
7. Богораз А. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Спб.: Академия, 1900.
8. Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1960. Т. 1. С. 32.

Архитектурно-дизайнерская стилистика сегодняшней застройки берегов Байкала вызывает разнообразные эмоции. Заказчики и застройщики нередко демонстрируют гордость и радость за свои произведения, туристы (особенно иностранные) – удивление и заинтересованность. Однако жители Иркутска и прочих прибайкальских поселений в основном ощущают тревогу и недоумение.

Несколько цитат.

«К загрязнению уникального озера добавилась новая беда – застройка берегов коттеджами».¹

«Главным врагом природы в России, похоже, окончательно признан дачник. Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать из вчерашнего выступления неутомимого борца с прибрежными коттеджами, заместителя главы «Росприроднадзора» Олега Митволя... «Ущерб, наносимый Байкалу хозяйственно-бытовыми отходами, уже давно превосходит ущерб, наносимый целлюлозно-бумажным комбинатом», – доказывал вчера Олег Митволь».²

«Уже почти не осталось места, где нет пластиковых бутылок и прочей одноразовой посуды. Со стеклянными бутылками Байкал справлялся, успешно перемалывая их прибоем в исходное состояние, но против пластика он бессилён. Массовая застройка берега, в первую очередь турбазами, приводит к еще более серьезным последствиям – изменяется в худшую сторону растительный мир. А у нас все на авось – сначала делаем, а потом посмотрим, что получится».³

«Беда в том, что воплощаются проекты, которых даже архитектурная общественность не видит. В том числе и на берегу Байкала. К одному из таких объектов, уже наполовину построенному зданию, мы возили Сергея Киселева, и он, как и другие московские коллеги, согласился – это натуральный кич. И вообще почти все, что построено за недавнее время в Листвянке, – это стихия и кич... То, что происходит здесь в сфере архитектуры и градостроительства, абсолютно недопустимо».⁴

«Капитальное строительство на Байкале в нынешнем его варианте визуально загрязняет побережье, внося в пейзаж и ландшафты чуждые элементы (например коттеджи в псевдорусском стиле, вагончики-бытовки). Этих турбаз и кемпингов становится все больше, местами они «срастаются», образуя зоны сплошной застройки (Посольский Сор), где не остается не только естественной природной среды, но и даже проходов между «турбазами».⁵

И – напоследок – еще одна весьма характерная цитата: «Продается участок на берегу Байкала под туристические цели. 130 км от Иркутска, Ольхонский р-н. Живописное курортное место, развитая дорожная инфраструктура. Аренда на 49 лет. 7 га – пляж + 1 га под застройку. Цена 280 000 евро, форма продажи любая. Алла, 8 901 712 2394. <http://industr4sale.narod.ru>».

Упомянутая в объявлении цена многое объясняет. Десять миллионов за один гектар под застройку (примерно тысяча рублей за квадратный метр) – всего в несколько раз меньше, чем цены на готовое жилье в большинстве прибайкальских городов.

Музыку заказывает тот, кто платит. Кто же способен платить такие суммы за кусочек байкальского берега?

Вряд ли можно сомневаться, что большие деньги в сегодняшней России так или иначе обязательно связаны с организованным криминалом – он же «силовой бизнес», он же «мафия». Примем за исходный тезис: в нынешнюю эпоху первичного накопления капитала застройка берегов Байкала ведется в основном по заказу структур силового бизнеса и отдельных мафиози.

Подобная ситуация для Иркутска и Сибири вообще – совсем не новость. История нашего края изобилует фигурами, которые сегодня мы без колебаний причислили бы к силовому бизнесу или – попросту – к бандитам. Обратимся к времени присоединения Сибири к Российской империи в XVI, XVII веках.

В фольклоре сибирских аборигенов русские, как правило, фигурируют в качестве исключительно опасных и жестоких пришельцев. В одном якутском предании из цикла об Элейе богатырь, смертельно раненный соплеменниками, говорит им: «Скоро вы очень пожалеете о моей смерти, когда придут люди с глубоко сидящими глазами и выдающимися носами».⁶ Жуткое впечатление, которое казаки производили на местных жителей, отразилось в их описаниях. Наиболее реалистичную картину рисуют чукотские предания, но и тут русские выглядят устрашающе: «...одежда вся железная, усы – как у моржей, глаза круглые, железные копыта длиной по локтю, и ведут себя драчливо – вызывают на бой».⁷

Поражает и устрашает необычайный вид пришельцев, их бешеная храбрость и непредсказуемость. Именно эта загадочность русских, неясность их целей и заставляли туземцев целыми родами в страхе бежать от чужаков. Однако наибольший ужас на местное население наводила немотивированная жестокость русских. В преданиях якутов встречается такой мотив, достойный американского Дикого Запада: придя в новую землю, русские разбрасывают бисер, железо, сладости. Когда туземцы подходят поближе к «дарам», по ним дают из засады залп, а оставшихся в живых забирают в плен.⁸

Видимо, основой для данного сюжета послужили факты первых контактов местного населения с русскими, когда в случае неудачной торговли служилые и промышленные люди частенько пускали в ход оружие.⁹

Заметим, впрочем, что сибирские аборигены и сами не отличались политкорректностью. Например, в фольклоре чукчей слово «человек» используется применительно только к чукче или к русскому. Ко всем прочим народам чукчи относились крайне высокомерно и презрительно и лишь русских признавали достойными соперниками и вообще людьми.¹⁰

Дикий XVI век со временем сменился просвещенным XIX, но бандитские манеры не исчезли. Разве что на смену казаку пришел купец. Положение Сибири, среднее между имперской окраиной и колонией, «разрыхляло» законы, делало их

как бы необязательными. И большинство сибирских купцов не чуждались связей с такими видами бизнеса, которые сегодня называются «теневыми».

Легенды приписывают криминальное происхождение капиталов томских купцов Кухтериных, Митрофановых, Стахеевых, каинских Шкроевых и других. «На Обрубке Тихонов жил, купец, имел конфетную фабрику. Старики говорили: он на тракт с кистенем выходил, грабил, вот и завел богатство».¹¹ Некоторые архивные дела также подтверждают противозаконный характер происхождения капиталов. Так, бывший московский мещанин И. Федулов стал барнаульским купцом, подделав завещание старой купчихи П. Щеголевой, у которой он служил управляющим. По явно поддельному завещанию все имущество было передано не родственникам, которых у купчихи было довольно много, а молодому управляющему и его подельнику, некоему Огурову.¹²

Сибирский купец бестрепетно обманывал, а иногда и прямо грабил местных жителей (инородцев). Исследователь Тобольского Севера Дунин-Горкавич сообщал: «Главная торговля между инородцами и русскими проводится ночью во дворах последних с наглухо закрытыми воротами, и при этом – торг, которому предшествует угощение; инородцев обвешивают и обсчитывают».¹³ Меха и ценные сорта рыбы выменивались на дешевые стекляшки, поделки из плохого железа и так далее – при диких и несправедливых «расценках». Впрочем, неэквивалентный обмен, например, хлеба на мануфактуру и прочие промышленные изделия был обычным делом и в торговле с русскими крестьянами.¹⁴

В алчности и свирепости с купцом успешно соперничал сибирский чиновник.

В 1806 году царь Николай I назначил генерал-губернатором Восточной Сибири И.Б. Пестеля. Новый правитель Восточной окраины побывал в Иркутске только один раз. Как пишет его современник Э.И. Стогов: «13 лет был генерал-губернатором Пестель, был ли он в Иркутске – не знаю. Рассказывали, по какому случаю был послан Сперанский. Государь обедал у известного тогда остряка Нарышкина; государь обратил к Нарышкину: «Граф (он всегда называл графом), временем я чувствую необходимость в очках, но не решаюсь». Нарышкин отвечал: «Я знаю удивительные очки!» – «У кого?» – Нарышкин встал и, указывая рукою через стол, сказал: «В-о-н у Пестеля: он 13 лет живет здесь и видит все в Сибири!».¹⁵ Фактически краем правил назначенец Пестеля, молодой чиновник (до того служивший по почтовому ведомству) – Николай Иванович Трескин.

Н.И. Трескин приобрел скандальную известность, например, тем, что для выпрямления иркутских улиц посылал команды солдат отпиливать торчащие углы деревянных зданий. Жаловаться на него было невозможно, так как письма перехватывались на почте. Что касается взяток, то, по свидетельству современников, «Трескин и все его любимцы брали отлично. Трескин сам не брал, у него все жена: сядет играть в бостон – ей и проигрывают, сколько нужно».¹⁶

Несмотря ни на что иркутяне видели в Трескине «редкого отличного администратора», который «действовал деятельно, энергично». «Правда, – как заметил Н.П. Булатов, – манеры у него были слишком некрасивы; но что делать? Деспотический образ действий был в тогдашних нравах».¹⁷

Времена менялись, а нравы оставались прежними. Одна из ярчайших фигур в истории региона – Н.Н. Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 годах. Как и Трескин, он был назначен на этот немалый пост в очень молодом возрасте (в 1847 году ему было 38 лет).

По словам писателя И.А. Гончарова, посетившего восточную окраину в «муравьевский» период, генерал-губернатор «не пренебрегал никакими путями для достижения своей цели и потому, естественно, старался сокрушить и уничтожить

все, что противилось или казалось ему, что противится достижению этой цели. Он был в одно время и либерал, и деспот, и добрейшее, и мстительнейшее в мире существо».

Гнев нового генерал-губернатора простирался не только на мелких чиновников, но и на «начальствующих лиц», на которых Муравьев кричал, не давая им «сказать ни слова в свое оправдание, и при всякой попытке к этому топал ногами и кричал: «Молчать, молчать»».¹⁸

Муравьев «в минуты гнева был страшен». В бешенстве он доходил иногда до таких распоряжений, которые, будь они исполнены, могли иметь для него очень неприятные последствия. В Иркутске рассказывали о таком случае. В одной из городских лавок совершили кражу со взломом, и виновными оказались солдаты местного батальона. Муравьев приказал привести к нему солдат и вызвать их ротного командира и его дядю, заслуженного полковника Генерального штаба. Когда солдаты признали перед генерал-губернатором свою вину, он приказал «вырыть могилы и закопать в них воров живыми, а ротного командира отправить на гауптвахту за дурной пример и сделал дяде выговор за то, что он не учит своего племянника, как следует держать солдат в порядке» <...>. Уже «через четверть часа Муравьев отменил приказ и благодарил батальонного командира за то, что он его не исполнил».¹⁹

Заметим, что чиновнические лихоимство и произвол процветали и при Муравьеве. Буйные выходки губернатора лишь держали чиновников в страхе и заставляли их быть осторожнее. Однако стяжательский их нрав даже губернатор не мог усмирить.

Никак не претендуя на полноту исторического обзора, сделаем, тем не менее, вывод. Свирепые нравы сибирского купечества и чиновничества, двух вечно соперничающих классов, всегда формировали особый – силовой, бандитский – элемент в региональной культуре. Гневливость и жесткость, доходящая до жестокости, традиционно присутствуют в характере «командующих парадом» в нашем регионе. И периоды наибольшего процветания в Сибири наступали, когда хищничество купеческого сословия умиралось и уравновешивалось не менее хищным чиновничеством. На протяжении всей истории региона сибирский архитектор встречал заказчика, не чуждого бандитской, мафиозной эстетике.

Российский мафиози в качестве заказчика архитектурно-дизайнерского проекта имеет целый ряд характерных особенностей. Во-первых, обычный средний бизнесмен по-детски убежден, что работа архитектора (дизайнера) – очень интересная и волнующая штука. Она, эта работа, доставляет массу удовольствия и состоит сплошь из творческих побед и озарений. Кстати, еще древние греки полагали творчество разновидностью эроса – так что мафиозный заказчик обязательно желает принять участие в таком приятном деле. Вместо того чтобы внятно выразить свои пожелания и предоставить их исполнение профессионалу, заказчик изо всех сил стремится быть соучастником и соавтором проекта. В лучшем случае он преследует архитектора советами и бесконечными «ценными указаниями». Наиболее тяжелый вариант заключается в том, что готовый, принятый и даже оплаченный проект кардинально переделывается заказчиком в процессе реализации, и автор даже не ставится об этом в известность. Заканчивается стройка, и архитектор, потеряв дар речи, видит монстра, который вырос из его проекта в результате «редактирования».

Во-вторых, для любого нормального мафиози очень важно непрерывно демонстрировать свою агрессивность, готовность к схватке, драке и даже смерти. Культ физической силы и зорения к опасности – один из фундаментальных принципов корпоративной культуры мафиозного типа.²⁰ Манера непрерывно задирается и объяснять, «кто тут главный», придает общению архитектора с заказчиком особый колорит.

9. Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 32-39.

10. Богораз В.Г. Чукчи. М.-Л.: Госиздат, 1934. Т.1. С. 160.

11. Мисюров А. Легенды Горной Колывани. Барнаул, 1989. С. 137 (Обруб – район г.Томска).

12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 299.

13. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. С. 266.

14. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Купечество Сибири второй половины XIX века. Сибирская заимка, 2004, № 1.

15. Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. С.128.

16. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т.1. Приложение; Рассказ почтенного гражданина г. Иркутска Герасимова П.М. С. 582.

17. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Изд-во «Оттиск». С. 202-208.

18. Гончаров И.А. По Восточной Сибири // Русское обозрение, 1891, № 1. С. 5-29.

19. Заборинский И.А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848-1856 гг. // Русская старина, 1883, № 6. С. 623-658.

20. Hess, Henner. Mafia and Mafiosi: The Structure of Power. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1973.

21. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
22. Волков В.В. Неформальная силовая структура. Европейский университет в Санкт-Петербурге. <http://ecsoc.msses.ru/pdf/Volkov11.doc>
23. Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. СПб., Евразия, 1999. – 459 с.
24. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей круглого стола. Пер. с фр. М.О.Гончар; Науч. ред., коммент. и послесл. Т.Д.Сергеевой. М.: Молодая гвардия, 2001. – 239 с.

В-третьих, важной особенностью традиционной мафиозной культуры является запрет на всякого рода производительный труд. Это отношение представляет собой вариацию известного этоса «праздного класса», блестяще описанного Торстейном Вебленом в его классической работе.²¹ Этика членов праздного класса, который Веблен также называет «воинственным», или «хищным» классом (predatory class), запрещает им работать или заниматься каким-либо производительным трудом, а позволяет лишь воевать, заниматься государственным управлением и спортом.²² С точки зрения предаторной культуры, люди бывают только двух типов. Одни – воины, бойцы, бандиты – вызывают «честные» эмоции гнева и ярости как соперники или соратники на поле битвы. Вторые – «лохи», быдло, рабочие скотинки – не достойны ничего, кроме презрения. Мнение большинства жителей города по поводу построенного здания не важно. Имеет значение только то, что скажут (или подумают) «уважаемые» люди – такие же мафиозные «реальные деловые».

Влияние хищной эстетики воинственного класса особенно заметно в тех архитектурных фрагментах, где косметический наружный слой здания разрушен. Свирепый климат быстро сдирает «кожу» фасада – в прибайкальском температурно-влажностном режиме никакая краска не держится дольше двух-трех лет. Трескается и шелушится штукатурка, микросейсмика разрушает лепнину, и так далее. Из-под слоя строительной косметики проступает собственно архитектурный образ – соотношение объемов и масс.

Традиционная застройка берегов Байкала содержит внятный образ крепости, суровый и воинственный имидж. Основной объем строения очень плотный, компактный, монолитный – он похож на сжатый кулак. Массивное и угловатое, с невысокой проемностью здание – окна, как бойницы, толстые стены, входные группы замкнуты и визуально перекрыты. Даже в тех случаях, когда фасад изукрашен колоннадой, лепниной, скульптурой – и тогда общее впечатление монолитной простоты основных объемов сохраняется неизменным. Базовые геометрические формы – призма, цилиндр, куб – формируют впечатление устойчивости и неподвижности. «Перстни, кольца и кружевные манжеты» не снимают впечатления крепкого мозолистого кулака.

Среди исторических аналогов стилистики хищного класса особенно близко располагается романская архитектура раннего Средневековья. Достаточно пройти по дворам центральной части Иркутска, где строительная косметика не маскирует стилистическое ядро образа, – и родовое сходство становится очевидным. Сравним, например, здание Дома детского творчества (Дом Трапезниковых на улице Желябова) и романский кафедральный собор в Чефалу (Сицилия). Собор в Чефалу был построен в 1131 году норманнским королем Роджером II. Иркутское здание возведено в начале XX века на-

следниками купца первой гильдии и городского головы К.П. Трапезникова. Эклектичная смесь византийских, исламских и норманнских мотивов XI–XII веков получила собственное название «сицилийского романского стиля». Дом Трапезниковых строился в подражание модному тогда «библинскому» стилю а-ля рюс. Однако при всех различиях из-под декоративных наслоений отчетливо проступают черты общего – острожного, крепостного, тяжеловесного и приземистого.

Еще большее сходство (за счет византийских мотивов декора) можно увидеть, сравнивая Дом Трапезниковых с романским собором Санта Мария ла Нуово XII века. Сходство не случайное. Рыцарь раннего Средневековья, вопреки романтизированным представлениям в духе Вальтера Скотта, представлял собой такого же хищника, как сибирский купец начала XIX века и как сегодняшний «конкретный деловой».

«Если рассматривать феодальный мир, исключив его верхушку, то привычки и нравы благородного сословия на протяжении XII века в целом оставались неизменными. Почти повсюду владелец замка был грубым и хищным солдафоном – он воюет, сражается на турнирах, проводит мирное время в охоте, разоряет себя мотовством, душит поборами крестьян, грабит соседние замки и разоряет церковные владения».²³

«Феодальный мир продолжал жить грабежом; он разбойничал, обирал купцов и путников, взимал с крестьян и горожан фьефа незаконные поборы и чрезвычайные пошлины – и подобные вещи происходили повсюду. К разбою вооруженному он добавил себичанье арендаторов и зависимых крестьян, воровство сеньориальных служащих».²⁴ Не правда ли, знакомая картина?

Столетия, прошедшие со времен царствования норманнских королей, облагородили их облик в глазах потомков. Прославленный и почти сказочный образ рыцаря усилиями многочисленных поэтов – от сочинителей XV века до Толкиена – очистился от мафиозных черт. Неуклюжие и тяжеловесные строения романского стиля воспринимаются сегодня как величественные памятники легендарной эпохи.

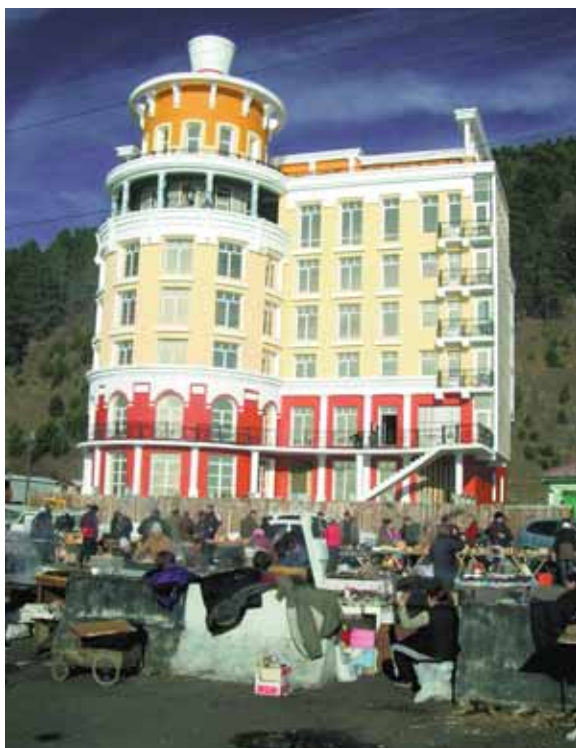
Тут возникает закономерный вопрос: а почему же сегодняшние строения в стиле «сжатого кулака» вызывают совсем другие эмоции? Откуда берется настолько внятное ощущение фальши, коробящей безвкусицы и наглого кича, которого и в помине нет у древних соборов-крепостей?

Мне кажется, дело в том, что норманнские замки не пытаются никого обмануть. Они – жилища свирепых, драчливых, малограмотных и простодушных людей – в полной мере соответствуют своим обитателям. Ясный силуэт и brutальные формы, толстые стены и узкие окна-бойницы и даже романская травя на квадратном основании – все это откровенно выражает несложные вкусы «хищного класса».

1. Дом Трапезниковых (главный вход с улицы Желябова)
2. Дом Трапезниковых (вид со двора)
3. Собор в Чефалу. Главный вход
4. Кафедральный собор в Чефалу (Сицилия). Апсида. Построен в 1131 году под патронатом норманнского короля Роджера II
5. Кафедральный собор Санта Мария ла Нуово, Сицилия. Строительство начато при норманнском короле Вильяме II в 1174 г.
6. Кафедральный собор в Пизе. Строительство начато в 1063 году
7. Башня св. Бенедикта – старейшее здание в Кембридже. Начало XI века
8. Церковь Сен-Мартен, Севовия, Испания. Начало XII века

Иллюстрации: фотографии иркутских зданий – Т. Пахомова
 Фотографии памятников архитектуры романского стиля – Mary Ann Sullivan (<http://www.bluffton.edu/~sullivanm/>)

Иное дело современная застройка берегов Байкала. Сегодняшний заказчик «архитектуры в стиле «Радио Шансон» изо всех сил отрешивается от своего воинственного класса. Он хочет выглядеть просвещенным и утонченным, ему необходимо изобразить изощренный вкус и глубокое понимание нюансов. Он пытается спрятать агрессивные рефлексии под сладкой корочкой строительной косметики. Первобытная простота базовых объемов здания обрастает колоннадами и

пилястрами, декоративной кладкой, зеркальным остеклением, ажурными металлоконструкциями. Наконец, здание раскрашивается в нежные тона заварного крема и подсвечивается неонами. В итоге получается настолько дикое сочетание, как будто профессиональный боксер – с раздавленным носом, с тяжелой челюстью – нарумянил себе щеки и приклеил ресницы от Л'Ореаль. И надел шелковый халатик с кружевами.

Тенденции к строительству нелепых и безобразных зданий на байкальских берегах вряд ли удастся легко и быстро прекратить. Они, эти тенденции, имеют глубокие корни. В извращенной и перекошенной форме – но они все же опираются на вековые традиции сибирской культуры. Поэтому нет смысла бороться, запрещать, выражать гнев и презрение к некультурному самодурствующему заказчику. Так же, как нет ничего хорошего в том, чтобы занимать позицию «чего изволите?» и послушно следовать всем капризам предаторного класса.

Конечно, в конце концов время все расставит по местам. Облетит розовая краска, потрескается лепнина и облетят декоративные рюшечки. Суровый образ бандита-рыцаря возьмет свое. Однако – чтобы не дожидаться, пока минут десятилетия и века, – можно было бы уже сейчас пойти навстречу этому образу. Спокойнее и осознаннее опираться на него в повседневной работе архитектора и дизайнера. Строить крепости, если они востребованы, не пытаться маскироваться розовыми кружевами. Принять и поверить, что норманнский и романский стиль в качестве стилистической базы ничем не хуже хай-тека и деконструктивизма.

И, может быть, тогда архитектура на байкальских берегах станет тем, что потомки сохранят и будут разглядывать с романтическим восторгом через девятьсот лет.

Эколого-градостроительные проблемы прибрежных территорий

текст
Дмитрий Бобрышев

Многие города мира сложились на реках, важной функцией которых с давних времен, наряду с водоснабжением, является очистка городских территорий. Но если раньше отходы хозяйственной деятельности человека состояли из природных компонентов, без следа распадающихся за несколько лет, то в настоящее время появилось множество веществ, которые не растворяются в окружающей среде, а количество отходов выросло настолько, что природа просто не в состоянии с ними справиться. Загрязнение природных составляющих приводит к частичному, а во многих случаях к полному нарушению экологии городских территорий. Частью решения проблемы экологической устойчивости города является наличие на его территории рек, и особо важным элементом для оздоровления окружающей среды является благоустройство побережий.

Анализ отечественной и зарубежной практики показывает, что многие проблемы речных побережий разрешимы с помощью градостроительных мероприятий. Так, во многих странах мира нарушение экологии и низкая эффективность использования городских прибрежных территорий портовыми и промышленными зонами стали основными причинами для выноса этих функций за черту города и организации на их месте парковых зон и объектов общественного назначения. Один из примеров – организация в центре Парижа многофункционального парка La Villette (рис. 1). Парк размещен на берегу канала на месте складов угля и включает в себя ряд общественных функций (музей, танцевальные, концертные залы и др.). В целом парк La Villette является классическим примером реорганизации городского прибрежного района, преобразившего берега брошенного канала. Другой пример – экологический парк Хосчимилсо в Мехико. В этом случае комбинация загрязняющих факторов и уплотнения городской среды привели к истощению подземного водоносного слоя и засорению водоема. Историческая и культурная ценность озера стали главной причиной для организации очистных мероприятий и рекультивации прибрежного ландшафта. В 1987 году озеро было объявлено ЮНЕСКО «мировым наследием», после чего был предложен проект его экологического спасения.

Рис. 1. Парк La Villette, Париж, Франция

Экологический парк Хосчимилсо общей площадью 3000 га включает туристический центр, спортивные площадки, питомники цветов и деревьев, торговые площади, восстановленные сельскохозяйственные ландшафты и многое другое. Реализация проекта с 1989 по 1993 гг. стала большим достижением с точки зрения экологии и эстетики города.

Интересным проектом преобразования прибрежной территории является организация общественного центра в г. Портленде, США. Самое необычное решение в проекте – строительство прибрежного парка на месте скоростной автомагистрали, ликвидация которой позволила объединить центр города с набережной реки. Результаты реорганизации набережной Портленда послужили началом для разработки новых предложений по развитию и реконструкции прибрежных территорий, в планах которых содержится строительство жилых, коммерческих и культурных сооружений на реке [3]. Более масштабные преобразования прибрежных территорий были выполнены в Беларуси. Организация водно-зеленого диаметра г. Минска, объединившего прибрежные территории небольших рек в единый рекреационно-парковый ансамбль, позволила значительно улучшить экологические и эстетические качества городской среды [2]. По сути, в Минске реализована идея экологического каркаса города, концепция которого развивается и по сей день.

В современном градостроительстве экологический каркас рассматривается как искусственное разделение биосферы и техносферы, где экологические свойства первой должны компенсировать недостаток основных природных компонентов второй, что дает возможность достижения полного экологического равновесия в региональном масштабе [1]. В городских условиях создание полного экологического равновесия на основе исключительно внутригородских ресурсов является задачей практически невыполнимой, поэтому для нормального функционирования городской каркас необходимо объединять с каркасом региона. С этой точки зрения оптимальным вариантом является организация экологического каркаса города на прибрежных территориях рек. В пользу именно такой организации говорят несколько факторов:

- у этих территорий есть планировочный стержень – река, единственное открытое пространство, беспрепятственно проходящее через территорию города, следовательно, речные побережья являются единственным городским элементом, обладающим возможностью объединения с региональным экологическим каркасом;

- экологические свойства прибрежных ландшафтов, выраженные в высокой биопродуктивности пойм, способных при определенных условиях эффективно воспроизводить и поддерживать существование биоценозов;

- данные территории наиболее востребованы населением для отдыха и занятий спортом.

Еще одним фактором является необходимость экологической защиты водоемов от загрязняющего воздействия городской среды, а также то, что озелененные территории побережья способны значительно улучшить эстетическое восприятие города.

Создание экологического каркаса не означает, что его территории не могут быть использованы для иных функций, кроме природоохранных или рекреационных. Задача

заключается в подборе видов использования и их взаиморазмещении.

Анализ геоморфологических закономерностей организации долины реки показывает наличие структурных единиц, вытянутых вдоль русла (полосы). Каждая полоса имеет свои границы, характеризующие качественный переход одного типа ландшафтов в другой. Эти же границы определяют характер водных отношений реки и окружающих ее территорий, что, в принципе, и является основополагающим фактором для организации водоохранных мероприятий.

Структурирование прибрежного ландшафта в целях градостроительного регулирования представляется следующим образом.

Первая полоса (пойменные территории), характер взаимодействия которой с водным потоком выражается в динамике береговых процессов и близким залеганием грунтовых вод. Внутри первой полосы выделены несколько типов поверхностей, оказывающих влияние на характер использования данных территорий. К первому типу отнесены прибрежные склоны, которые при должном архитектурном оформлении становятся одним из наилучших эстетических элементов города. Второй зоной являются низкие поймы – ландшафты, биологическая продуктивность которых создает богатое разнообразие растительности, являющихся экологической и эстетической ценностью. В третью зону вошли территории высоких пойменных террас, где также существует прямая связь с водоемом, выраженная поверхностным стоком и близким залеганием грунтовых вод. Пойменные территории довольно часто имеют ровную поверхность, они наиболее биопродуктивны, поэтому с древних времен осваиваются человеком более интенсивно. В связи с этим наибольшая деградация ландшафтов в городских условиях наблюдается именно на пойменных территориях.

Наиболее острые экологические конфликты в городе, связанные с функциональным использованием пойм, возникают при размещении транспортных коммуникаций, промышленных и складских зон, делающих данные территории экологически опасными для человека. Тем не менее существуют достаточно эффективные методы организации пойменных территорий, при которых возможно значительное уменьшение антропогенного воздействия на ландшафт и улучшение качества окружающей среды. Таким средством является мозаичный ландшафт, который наиболее устойчив к антропогенному воздействию. Чередование застроенных и открытых пространств с раскрытием к реке способствует проникновению зеленых массивов в глубь застройки и улучшению аэрации городской среды.

Второй полосой являются склоновые территории. В градостроительной деятельности склон представляет собой многофункциональную границу, наиболее важными функциями которой являются:

- экологическая граница, отделяющая пойму от вершинных поверхностей (обусловлена резким изменением микроклиматического влияния реки, изменением гидрологического режима, а также постепенным уменьшением биопродуктивности ландшафтов от пойм к вершинным поверхностям);

- планировочная граница (как правило, трудноосваиваемые территории с большими уклонами). Нередко склон отделяет тот или иной этап развития города, определяет характер застройки и планировочную структуру.

В функциональном отношении склон является границей экологического каркаса. Изменение характера экологических отношений между вершинными поверхностями и поймой делает необходимым определение склона как буферной зоны между природоохранными мероприятиями на

пойменных территориях и интенсивной урбанизацией вершин.

В пределах города Иркутска расположены две крупные реки с притоками, более 150 озер и прудов, более 30 ручьев и родников, общая площадь пойменных территорий которых составляет более 150 км². При таком огромном потенциале город страдает из-за нехватки внутригородских рекреационных территорий. Протяженность благоустроенной набережной составляет всего около 2 км, при этом в городе нет ни одного прибрежного парка и ни одного благоустроенного пляжа. Более того, многие прибрежные территории отводятся под застройку, единственным архитектурно-планировочным свойством которой является максимальная плотность освоения.

Изначально положительная тенденция последних лет – перепрофилирование промышленно-складских зон в торговлю за счет постоянного уплотнения застройки и полного сведения растительности приобрела отрицательный характер. В итоге мы получаем территории, на 50% состоящие из застройки и на 50% – из асфальта, что также становится неблагоприятным фактором в плане городской экологии. Одним из примеров является интенсивная урбанизация пойм р. Ангары и р. Ушаковки торговыми комплексами, где происходит полное замещение природных поверхностей асфальтом. Но самым странным является то, что река здесь не играет не то что бы главную планировочную и архитектурно-художественную роль – она становится задворками города. Из этого следует, что принципы формирования планировочной структуры города, сложившиеся в веках и тщательно прописанные во всех учебниках и пособиях, в Иркутске просто не действуют.

А ведь в нашем городе есть положительный опыт организации побережья: набережная бульвара Гагарина, остров «Юность» и сквер, размещенный на месте основания Иркутского острога ежегодно привлекают тысячи людей для отдыха у воды, при этом совмещая функции рекреации, спорта, истории и развлечений. Но для такого города, как Иркутск, этого слишком мало.

На протяжении многих лет в городе выполнялись и выполняются проекты различных рекреационных пространств, и одним из последних является предложение по организации Центральной рекреационной зоны (ЦРЗ) г. Иркутска, разработанное архитекторами А.Г. Большаковым (руководитель проекта) и Д.В. Бобрышевым (рис. 2). В основе проекта лежит идея экологического каркаса города, включающего в себя пойменные территории по берегам р. Ангары (от плотины ГЭС до Нового моста), представляющие собой единую сеть открытых пространств с целым рядом общественных функций. Для организации доступности территории предусмотрены пешеходные связи, уходящие в глубь застройки. Под них использованы территории, которые в данный момент считаются непригодными для освоения – такие как эрозионные долины временных водотоков, заболоченные поймы ручьев или территории, уже используемые в качестве пешеходных пространств, например бульвар Постышева. Концепция проекта включает также развитие общественно-рекреационных узлов на пересечениях бульваров с организацией торговых, культурных и развлекательных функций. Территории между узлами предназначены для тихого отдыха горожан и занятий спортом.

Одна из основных проблем развития правобережной части ЦРЗ – попытки организации в ее пределах городской магистрали, осуществление которых создаст условия, неприемлемые для рекреационных функций вследствие интенсивного загрязнения окружающей территории. К тому же транспортный поток магистрали современного

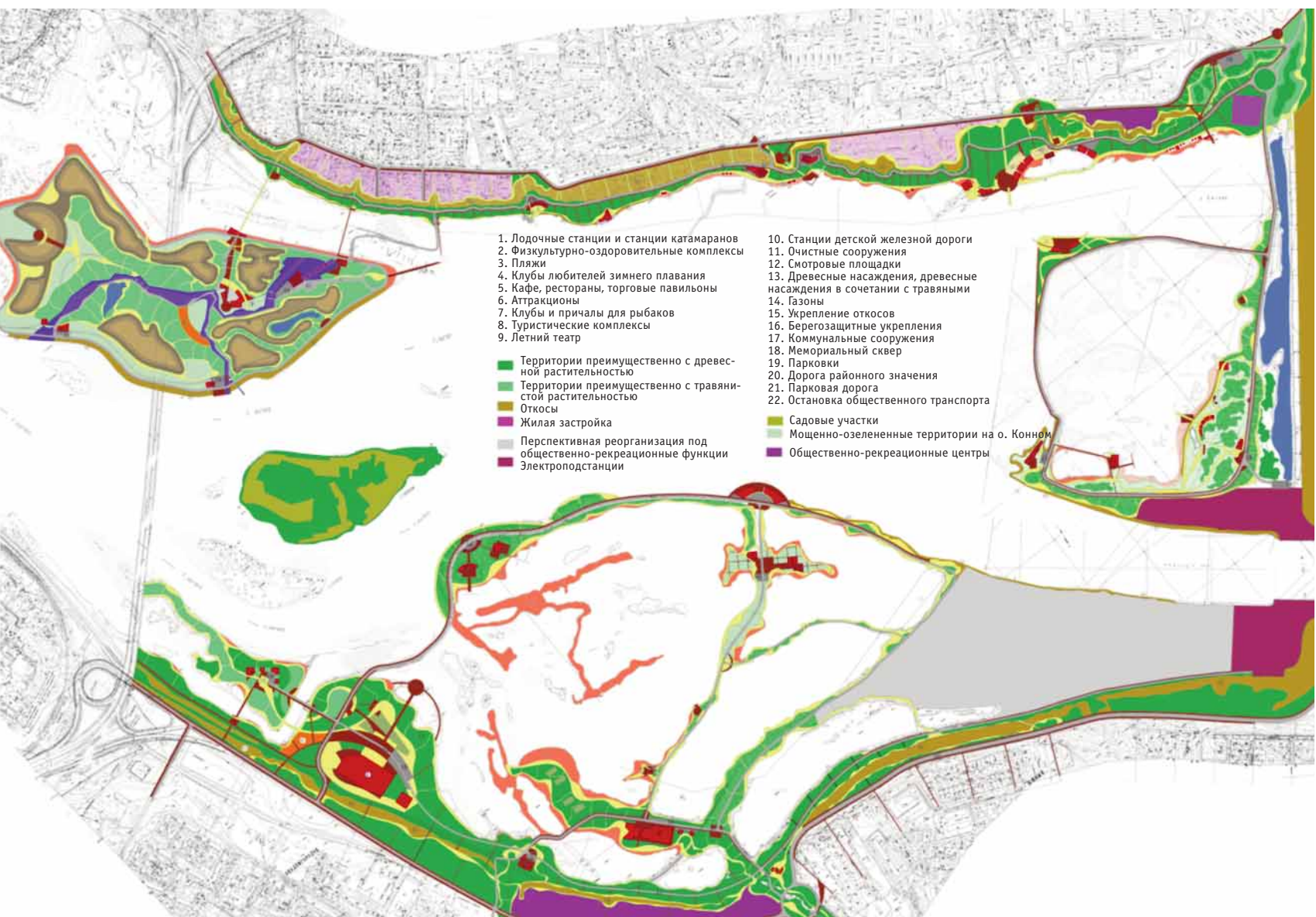

Рис. 2. Эскиз Генерального плана Центральной рекреационной зоны г. Иркутска

города создает практически не преодолимую границу для человека. Оптимальным вариантом является организация транспортно-пешеходной улицы по бровке уступа, отделяющего пойменные территории от вершинных. Такая трассировка позволит обеспечить хорошую транспортную доступность новых жилых кварталов и сохранить экологические свойства пойменных территорий. В итоге жители окрестных районов получат вместо шумной и загазованной магистрали территорию, пригодную для отдыха. Левобережная часть имеет также серьезную проблему, заключающуюся в недоступности или малодоступности побережий для отдыха. Границами служат объездная городская дорога (ул. Старокузьмихинская), а также промышленные и складские зоны. Тем не менее жители города используют данную территорию в рекреационных целях. Пример – территория Теплых озер, где в летнее время можно встретить людей, занимающихся рыбной ловлей, спортом или просто отдыхающих от шума городских улиц. В то же время, на территории присутствует большое количество свалок, постоянны случаи мойки автотранспорта рядом с местами отдыха, непосредственно у воды расположены промышленные и складские зоны. Вследствие такого использования данная территория стала экологически опасной для человека, и это подтверждается обследованиями санитарно-эпидемиологического надзора, выявившего высокий уровень загрязнения воды. В связи с этим на территории

появляются предупреждающие и запрещающие знаки, не имеющие практически никакого воздействия. Но надо полагать, что запретительные меры здесь не помогут еще и потому, что другого такого же сочетания свойств территории в Иркутске попросту нет. В случае Теплых озер прослеживается прямая аналогия с озером Xochimilco. Так же, как и Xochimilco, территория требует ландшафтной реконструкции, очистки и благоустройства: только в этом случае данная территория станет полноценной рекреационной зоной, безопасной для человека.

В целом современные тенденции использования ландшафтов долинного комплекса р. Ангары – пример негативного отношения к природе. Свидетельством тому является ухудшение состояния рек и их прибрежных территорий. Прокладка автомагистралей, отчуждение побережий для организации функций, несущих в себе экологическую опасность, приводят к дальнейшим нарушениям ландшафта, деградации растительности, нарушению экологических связей и, как конечный результат, неустойчивости территории города. Но, как уже было сказано выше, во многих странах мира общество давно пересмотрело свое отношение к природному окружению, сделав акцент на возвращении зелени в структуру города, на охране ценных ландшафтов пойм и водных ресурсов, то есть на создании экологически устойчивой среды обитания, пригодной для жизни нынешнего и будущих поколений.

1. Вергунов А.П. Архитектурно-ландшафтная организация крупного города. – Л.: Стройиздат, 1982. – С. 134.
 2. Залесская Л.С., Микулина Е.М. Ландшафтная архитектура. – М.: Стройиздат, 1979.
 3. Ann Breen and Dick Rigby. The New Waterfront. A Worldwide Urban Success Story. Singapore, 1996

Как построить город на Байкале: принципы градостроительной организации байкальских поселений

Поселения центральной экологической зоны Байкальского региона, в которую входят озеро Байкал с островами, прилегающая к озеру водоохранная зона и особо охраняемые природные территории, прилегающие к озеру, находятся в зоне непосредственного влияния на экосистемы Байкала, поэтому их организация требует более тщательного и индивидуального подхода. Эта территория объявлена зоной устойчивого развития, что предполагает соблюдение двух условий. Во-первых, приоритетным направлением здесь является охрана уникальных ландшафтов, сохранность которых гарантирует устойчивость экосистемы в целом. Во-вторых, необходимо обеспечить социальное воспроизводство на данной территории, т.е. создать все условия для жизни, труда и отдыха населения.

Что мы видим сегодня? Пожалуй, одним из ярких примеров развития поселений на Байкале является город Слюдянка. Поселение лежит в долинах двух рек – Похабихи и Слюдянки, на трех террасах. Реки являются неотъемлемой частью городских ландшафтов, расчленяя территорию поселения на три района. Кроме этого, город расчленяется террасами перпендикулярно рекам. Долины рек небольшие, но при впадении в озеро ими образуется озерно-болотный комплекс, представляющий большую экологическую ценность. Благодаря тому, что реки пересекают территорию города, природный каркас здесь непрерывен и образует систему открытых пространств. Река Слюдянка образует более высокий и мощный конус выноса, поэтому здесь сосредоточена основная часть города. Остальная часть города расположена на более низких отметках, что создает сложные инженерно-геологические условия освоения территории, а ландшафты отличаются большей живописностью и экологической ценностью. Вдоль берега Байкала по самой кромке пролегает железнодорожное полотно, здесь же расположилось и железнодорожное хозяйство в сочетании с коммунально-складскими зонами. Кроме этого ось антропогенного каркаса тянется вдоль реки Похабихи, образованная железнодорожными путями, складскими, автодорожными предприятиями и гаражами. В месте пересечения двух осей образовался узел антропогенного каркаса, где также происходит обслуживание железной дороги, располагаются строительные-монтажные предприятия, гаражи и коммунально-складские территории. Важно отметить, что мощный антропогенный каркас города располагается, как правило, на особо ценных ландшафтах, которые играют ключевую роль в воспроизводстве почв, воды и растительности (рис. 1).

Качество городской среды в первую очередь оценивается визуально: индикаторами социального и экологического благополучия выступают уровень благоустройства территории и состояние городских ландшафтов – как в поселении, так и за его пределами. В Слюдянке выделяются 7 типов ландшафтов: обширный озерно-болотный комплекс на северо-западе, территория железной дороги и предприятий железной дороги, участки усадебной застройки и секционной, территории предприятий, парки и прибрежные полосы вдоль озера и рек. Озерно-болотный комплекс, а также побережья озера и рек являются местами отдыха горожан, но эти территории не оборудованы для данной функции, мало того – они используются под транспортные

и складские зоны. В итоге здесь образуются мусорные свалки, происходит эрозия почв, вытаптывается растительный покров, т.е. деградации подвержены наиболее экологически ценные ландшафты. Городские парки заброшены, они более не выполняют развлекательных функций. Сектор усадебной застройки достаточно однообразен, хотя ландшафты, на которых происходит застройка, обладают различными условиями – это и ветровой режим, и уклоны поверхности рельефа, и ориентация по сторонам света, и гидрологические условия. Кроме того, инженерное благоустройство территории здесь сведено к минимуму, зачастую нет дорог с твердым покрытием, отсутствуют центральное холодное и горячее водоснабжение, канализация, улицы не освещены. Структурная организация города не соответствует природным членениям, что отражается на уровне обслуживания некоторых частей города. Так, река-ми территория города делится на четыре района, но на самом деле в городе сформировано 2 района (рис. 1).

текст
Татьяна Симонова

Таким образом, в настоящий момент организация поселения осуществляется по следующим принципам: природный и антропогенный каркасы поселения совмещаются, т.е. значимые в экологическом отношении территории, а это озерно-болотные комплексы, побережья рек и озера, используются под устройство промышленных, транспортных и коммунально-складских территорий; формирование антропогенного кольца, когда границами поселений выступают промышленные и коммунально-складские зоны, отсекающие экологически значимые ландшафты; пространственная организация поселений не соответствует рисунку рельефа территории и разнообразию ее ландшафтов; не сформирована система кадастровых единиц, в пределах которых осуществляется экологическое и социально-экономическое управление территорией.

Мы видим, что существующая модель организации территории не выполняет условий устойчивого развития. Поэтому предлагается новая модель мозаичной организации территории и разработанная на ее основе методика преемственного проектирования, где базой для формирования условий устойчивого развития выступают структура и

Рис. 1.
Генплан г. Слюдянки
(существующее положение)

разнообразие природных ландшафтов, а также сложившихся антропогенных или искусственно созданных ландшафтов.

Город является очень сложной и многослойной структурой, где переплетаются экологические, экономические, культурные и социальные интересы общества. Город многофункционален – соответственно, и устроен он таким образом, чтобы выполнять задачи производства, расселения и отдыха, поэтому образуются промышленные, транспортные, жилые, административные и рекреационные зоны. Кроме того, город является своеобразной летописью, когда определенные периоды – изменения политические, культурные или даже исторические – эпохи отражаются как в застройке, благоустройстве, озеленении территории, так и в планировке и функциональном зонировании города. Нельзя забывать и о ландшафте, который является не только территорией для размещения структур поселения, но оказывает самое непосредственное влияние на качество городской среды, определяя месторасположение, форму и взаимосвязи функциональных зон, рисунок плана, вид благоустройства и застройки и т.д. Все это многообразие формирует неоднородную городскую среду, где выделяются ячейки различной интенсивности освоения и типа использования территории – так называемые морфотипы территории, которые являются своеобразными «кусочками», или базовыми элементами, мозаики города. Определение границ ячеек, назначение их функционального использования и интенсивности освоения их территории подчиняется четырем основным принципам.

1. Членение территории на градостроительные элементы-ячейки происходит в соответствии с границами элементов рельефа – местоположениями. Например, в Слюдянке выделяются озерные террасы, конусы выноса рек, русла рек с островами и склоны окружающих холмов, которые являются основой для формирования рисунка плана поселения (рис. 2).

Рис. 2. Решетка местоположений

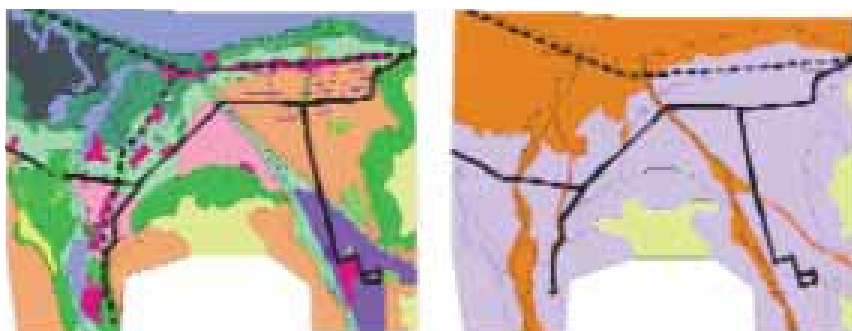

Рис. 3. Выделение границ планировочных ячеек

2. Присвоение вида и интенсивности освоения ячейки (морфотипа) обусловлено емкостью занимаемого ею местоположения, т.е. способностью данного ландшафта воспроизводить биогеоценозы при назначенных антропогенных нагрузках. Изменение типа и интенсивности использования происходит за счет изменения в соотношении частей элементов ячейки: застройки, мощения и озеленения.

3. Формирование разнообразия ячеек происходит в соответствии с природными, социальными и технико-экономическими факторами.

4. Целостность территории обеспечивается при использовании особенностей природных ландшафтов – их членении и емкости в качестве основы мозаики. Соотнесенность, т.е. соответствие интенсивности освоения ячейки емкости занимаемого ею местоположения, является основным условием устойчивого развития.

Другими словами, мозаичным поселением является не просто поселение с неоднородной городской средой, а то, в котором разнообразие городских ландшафтов формируется в соответствии с рисунком элементов рельефа или природными ландшафтами и их возможностью содержать тот или иной вид деятельности без ущерба для воспроизводства воздуха, почв, воды, растений и животных на своей территории.

Предлагаемая методика градостроительной организации территории решает задачи планировки, т.е. выделения границ планировочных ячеек, функционального зонирования или размещения, и задачи назначения интенсивности освоения ландшафтов. Существующая методика решает те же задачи, но подходы к проектированию в каждой из них различные и обусловлены они постановкой различных целей: в первом случае необходимо обеспечить как социальное, так и природное воспроизводство, во втором – повышение показателей производства и социального обслуживания в рамках соблюдения санитарных нормативов содержания компонентов окружающей среды. Существующий метод организации опирается в первую очередь на социально-экономический план развития территории, где природная составляющая оценивается с точки зрения достаточного наличия материальных ресурсов и строительной пригодности для того или иного вида деятельности. В предлагаемой методике, наоборот, природные ландшафты, а именно их разнообразие и экологическая емкость, определяют рисунок плана, вид и интенсивность использования территории, т.е. соблюдается принцип преемственности, когда сложившиеся градостроительные условия ложатся в основу программы пространственного развития территории.

Влияние ландшафтной ситуации на градостроительную организацию территории рассмотрим на примере города Слюдянки. На изучаемой территории выделено 16 типов местоположений: на северо-западе в долине реки Похабихи – озерно-болотный комплекс, на северо-востоке побережье представлено пониженной озерной террасой, долины рек Похабихи и Слюдянки представляют еще два типа местоположений, шесть типов ландшафтов на озерных террасах, а также четыре вида склоновых ландшафтов (рис. 3). Каждый элемент рельефа обладает своей емкостью, наиболее ценные ландшафты, т.е. имеющие самый низкий коэффициент емкости, выделяются в природный каркас города и выступают одновременно границами ячеек (рис. 2).

Таким образом, в городе формируются 5 районов, один из них расположен на территории природного каркаса, значительную часть которого занимает озерно-болотный комплекс. Но поскольку в поселении уже сложился антропо-

погенный каркас, то необходимо провести совмещение границ (рис. 3). При совмещении природной и антропогенной решеток получаем новый рисунок плана поселения, который соответствует рисунку местоположений и отвечает первому критерию мозаичности (рис. 4).

На основе данных о емкости местоположений ячейки классифицируются по степени освоения территории, что является базой для функционального назначения. На наиболее устойчивых местоположениях возможно расположение промышленных, складских и транспортных зон, которые требуют значительных застроенных и замощенных территорий, что определяет высокую интенсивность освоения местоположений. Наиболее ценные и неустойчивые территории являются охраняемыми и рекреационными ландшафтами, поэтому промышленные и коммунально-складские территории сдвигаются. Границы ячеек формируются осями природного каркаса города и озелененными пешеходными осями (рис. 5).

Предлагаемые мероприятия по реорганизации городской среды поселения позволят повысить разнообразие видов использования территории, упорядочить расположение функциональных зон в соответствии с возможностями ландшафтов и выявить индивидуальность природных условий организации, за счет чего повысятся эстетические и экологические качества городской среды. Использование емкости ландшафтов как основы для определения интенсивности освоения территории обуславливают формирование соотносительности природных и городских ландшафтов, а значит – целостность территории и возможность саморегуляции природных процессов. Сеть пешеходных осей, являющихся частью природного каркаса, создаст непрерывную структуру открытых озелененных пространств города, объединяющих экологически ценные ландшафты территории, и обеспечит реализацию принципа формирования зеленого кольца. Относительная самодостаточность ячейки в социальном отношении обусловит ее способность обеспечить труд, быт и отдых населения, что создаст условия социального воспроизводства (рис. 6).

Список используемой литературы:

1. Большаков А.Г. Геопластика в архитектуре и планировке ландшафта. / Учеб. пособие / . – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2000. 171 с., 69 ил.
2. Большаков А.Г. Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора архитектуры. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 46 с., ил.
3. Большаков А.Г. Основы теории градостроительства и районной планировки: Учеб. для вузов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – 216 с., ил. 56.
4. Вериунов А.П., Денисов М.Ф., Ожегов С.С. Ландшафтное проектирование: Учеб. пособие для вузов по спец. «Архитектура». – М.: Высш. шк., 1991. – 240 с.: ил.
5. Владимиров В.В. Расселение и окружающая среда. – М.: Стройиздат, 1982. – 228 с., ил.
6. Глазичев В.Л. и др. Городская среда. Технология развития: настольная книга / В.Л. Глазичев, М.М. Егоров, Т.В. Ильина и др. – М.: Издательство «Ладья», 1995. – 240 с.
7. Градостроительное зонирование территории г. Москвы. Генеральные схемы функционального, строительного и ландшафтного зонирования. – М.: Научно-проектное отделение перспективного градостроительного развития НИИПИ Генплана города Москвы, 1998.
8. Григорян А.Г. Ландшафт современного города. – М.: Стройиздат, 1986. – 136 с., ил.
9. Зейтун Ж. Организация внутренней структуры проектируемых архитектурных систем. / Пер. с франц. – М.: Стройиздат, 1984 – 160 с.
10. Крозиус В.Р. Город и рельеф. – М.: Стройиздат, 1979. – 124 с., ил.
11. Крушлинский В.И. Города Сибири: Архитектурно-планировочные аспекты. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. – 232 с.
12. Родман Б.Б. Поляризация ландшафтов как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов. // Ресурсы, среда, расселение. – М.: Наука, 1984. – 151-163 с.
13. Савенкова Т.П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2001. – 183 с.
14. СНиП 2.07.01 – 89* Планировка и застройка городских и сельских поселений.
15. Яргина З.Н. Градостроительный анализ. М.: Стройиздат, 1984. 245 с.

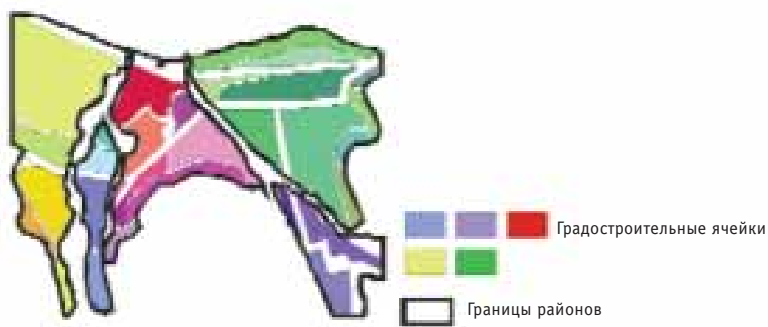

Рис. 4. Градостроительные членения территории – выделение ячеек

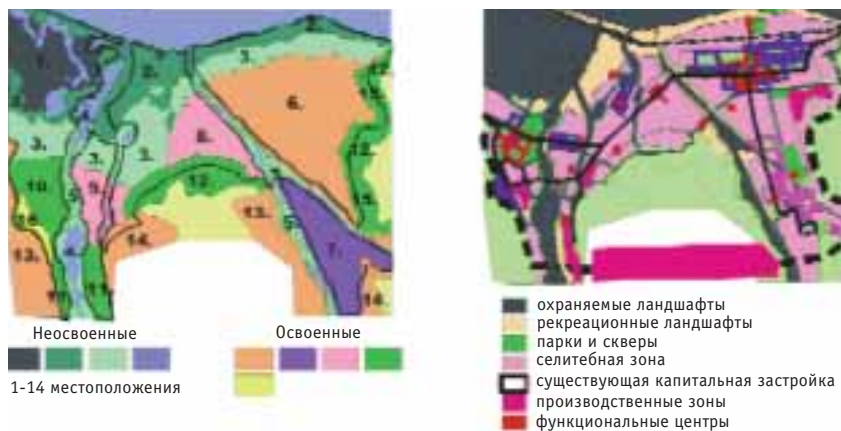

Рис. 5. Функциональное назначение использования территории

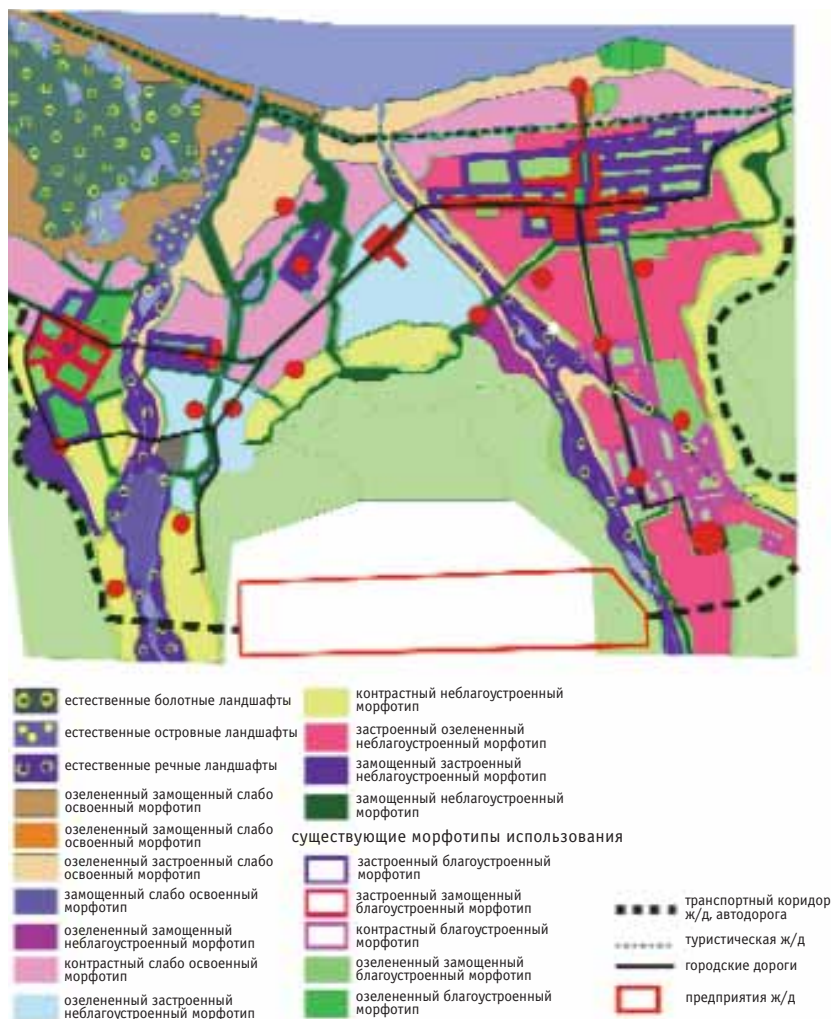

Рис. 6. Предложение по градостроительной организации города Слюдянки.

Что оставим в наследство

текст и фото
Люциан Антипин

Город Байкальск своим рождением обязан Байкальскому целлюлозно-бумажному комбинату (БЦБК), возникшему на берегу славного озера в конце 60-х годов прошлого столетия. Уже и в те времена общественность страны протестовала против такого сообщества, но власти вразумляли ее «железным» аргументом – стране нужна своя «супер-суперцеллюлоза», необходимая для оборонной (авиационной) промышленности. Эту «супер-суперцеллюлозу» приходилось покупать за рубежом за сумасшедшие деньги. И протесты поутихли.

А при комбинате должны быть жилье и соответствующая инфраструктура.

Но, как часто это у нас бывает, «супер-суперцеллюлоза» почему-то не получилась, ее по-прежнему приходилось покупать. Но комбинат построен, и город при нем – тоже. Одновременно нужно отметить, что место, выбранное для строительства комбината и города, обладает очень высокой сейсмической опасностью, как и все побережье Байкала, и подобрать площадки с сейсмичностью не более 9-ти баллов (предел для любого строительства) для размещения нового городского строительства было чрезвычайно сложно.

Первым проектировщиком города был Новосибирский проектный институт «Сибкадемпроект», который запроектировал временный поселок и так называемый «южный» жилой район города. Строительство осуществляло «Ангарское управление строительства» (АУС-16) – одно из мощнейших строительных подразделений на востоке страны.

В 1964 году в Иркутске был образован проектный институт «Иркутскгражданпроект», и все дальнейшее проектирование города перешло к нему.

Проектирование началось с поиска и изучения новых территорий, и техникоэкономическими обоснованиями для дальнейшего строительства была принята площадка между Байкалом и железной дорогой. Так появился северный жилой район города, на который был разработан проект детальной планировки.

Первые группы жилых домов формировались с немасштабно большими размерами жилых дворов с целью сохранения внутри существующих деревьев (по ангарскому принципу), но из этого ничего не получилось – деревья засыхали и падали, представляя серьезную опасность для людей и зданий. И тогда авторы (архитекторы Павлов В., Бух В., Антипин Л.) предложили прием формирования жилой среды улицами с очень плотной застройкой, проникающей в массивы существующего леса. На этих транспортно-пешеходных улицах со всеми необходимыми элементами первичного обслуживания и благоустройства должна была протекать повседневная жизнь, а примыкавшим к ним массивам зелени была отведена рекреационная роль.

Для подобной застройки были разработаны двухэтажные мансардные галерейные жилые дома и объекты первичного обслуживания.

Кроме жилого района был разработан проект общегородского спортивно-паркового центра на берегу озера Байкал, главным сооружением которого стал спортивный

1. Проект застройки жилого района. Фрагмент
2. Галерейно-мансардный жилой дом
3. Спорткомплекс. 1975 г.
4. Спорткомплекс. Фрагмент складки. 1975 г.

корпус с плавательным бассейном, большим и малым спортивными залами и вспомогательными помещениями (авторы – архитекторы Павлов В. при участии Сбродова В. и Антипина Л.). Самой привлекательной частью сооружения, с точки зрения архитектуры, была конструкция покрытия – большепролетная сборная железобетонная складка, разработанная в г. Ангарске (АУС-16). Добавьте к этому большие витражи, облицовку стен естественным камнем и талант архитектора Павлова В. – и получите прекрасное архитектурное произведение, которому может позавидовать и областной центр. Здание проектировалось и строилось очень быстро, и уже через год-другой оно вступило в эксплуатацию. Этому способствовало и руководство комбината, с энтузиазмом принявшее проектное предложение архитекторов, и, конечно, статус промплощадки.

Иркутск тоже попытался обзавестись плавательным бассейном с применением той же складки, но у него ничего из этого не вышло: статус не тот, да и опоздали – вышло известное постановление Правительства о запрете строительства административных, культурных, спортивных и других подобных сооружений.

Спорткомплекс заработал славу лучшей спортивной базы области, где проводятся и проводятся многие спортивные мероприятия – и не только областного масштаба.

Да недолги были радости. В первую же зиму эксплуатации стали лопаться витринные стекла. Из-за большой влажности помещений, особенно в плавательном бассейне, конденсат скапливался на нижней полке металлического витража, в сильные морозы замерзал, и этот ледяной нарост разрывал стекла. К весне витражи бассейна были залеплены фанерными щитами. Местные власти настаивали на переделке витражей на обычные окна, но В. Павлову удалось отговорить их и сохранить витражи. Очень оперативно в институте были разработаны мероприятия (конструктор Белых В.) по предотвращению разрушений стекла – и проблема отпала.

Через год-другой – новая напасть: потекла кровля. А причина – проще и смешнее не бывает. За зиму в складках кровли скапливался снег, снизу он превращался в корку льда толщиной 15-20 см. Естественно, на очистку кровли отправляли пару-тройку мужичков с ломом и лопатами, и они, как на обычном тротуаре, долбили этот лед, а вместе с ним и кровлю. На здании была применена обычная конструкция мягкой кровли (в целях экономии, да и не было тогда других конструкций). Все равно что-то надо было делать. И тогда руководство комбината, взяв грех на душу, вопреки строжайшим запретам где-то «урвало» металл на кровлю здания. Таким образом, и эта проблема на какое-то время отпала.

С тех времен прошло почти тридцать лет. Было много разговоров и даже постановлений различных уровней о судьбе Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Многократно менялось руководство БЦБК и спорткомплекса. Половину этого срока мы живем в другой стране. В институте «Иркутскгражданпроект» давно нет людей, которые были героями вышеописанных событий. И что сегодня мы имеем? От красивой градостроительной идеи не осталось ничего. Этот жилой район города представляет из себя аморфную массу безликой трехэтажной застройки без какой-либо планировочной структуры – иди или езжай куда хочешь, к любому дому, в любом направлении. Лес исчез на всей территории. Благоустройство отсутствует. Сокультбыт – отдельные павильончики в случайных местах. А первые экспериментальные галерейные дома (их местные жители называют «коттеджами») затерялись среди общей массы застройки и выглядят неухоженными и очень нездешними.

Еще печальнее выглядит здание спорткомплекса. Над конструкцией складки покрытия нагромождены чердачные объемы из дерева и шифера. По архитектурно-художественным достоинствам можно безошибочно определить, что их делали те же мужички, которые когда-то ломом и лопатами чистили лед на кровле спорткомплекса. Архитектор здесь не присутствовал ни на каком уровне. И это в сегодняшних условиях общедоступности новых строительных технологий и материалов!

Правовая безграмотность заказчика, отсутствие надлежащей законодательной базы об охране авторских прав отбросили на десятки лет назад новаторские разработки иркутских архитекторов – вернее сказать, подрубили их под корень.

Ремарка главного редактора

Архитектура только в проекте остается неизменной. Воплотившись в постройку, она стареет. И гибнет в конце концов. Старение и гибель происходят на наших глазах. Мы можем замедлить, ускорить или никак не реагировать на этот процесс. Строит архитектор, а надзирает здание в эксплуатации управдом или человек с заботами управдома. Государство только за памятниками признает необходимость комплексного квалифицированного домоведения. Хотя на самом деле и памятниками ведомств управдомы. Кроме архитекторов и части эстетствующих снобов никого, по сути, архитектура не беспокоит. Есть она, нет ее, гибнет или иным способом деградирует, людскому сознанию все едино. Остается рассчитывать на подсознательное ее воздействие. Как возбуждающее, так и угнетающее.

- 5. Галерейно-мансардный жилой дом. 2005 г.
- 6. Галерейно-мансардный жилой дом. 2005 г.
- 7. Спорткомплекс. 2005 г.
- 8. Спорткомплекс. Фрагмент. 2005 г.

ШИРОКИЙ АССОРТИМЕНТ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ С СЕРВИСОМ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

ДВП, МДФ ФАНЕРА

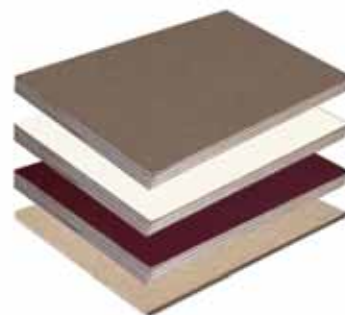
хвойная влагостойкая

березовая шлифованная,
нешлифованная,
ламинированная

ОПТОВЫЕ ПОСТАВКИ

КРАСКИ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ

для внутренней и внешней
отделки (США)

Сдаем в аренду складские помещения

ПАПНОРА

ИП Снимщикова Т.В.

Тел./факс: (3952) 23-24-92, 22-68-91, 20-11-21
e-mail: stvnord@irmail.ru, www.stvnord.ru

Каким должно быть строительство на Байкале?

Взгляд эколога

Ответ прост: уважительным по отношению к природе и истории, максимально эффективным по отношению к использованию природных ресурсов и энергии, комфортным для людей.

Все эти критерии соответствуют также потребности сохранить уникальную экосистему озера Байкал, сохранить и улучшить качество воды (особенно в прибрежной зоне, где уже на южном Байкале наблюдаются признаки «цветения» воды), требованиям экологического туризма, а также статусу озера Байкал как участку Всемирного природного наследия.

Попробую расшифровать, что означают эти критерии с точки зрения экологии, развития природосберегающей конкурентоспособной на мировом рынке экономики и развития местных сообществ.

Уважение по отношению к природе означает сохранение ее не в худшем виде, чем мы получили от своих предков, возможно даже улучшение. О чем конкретно идет речь? Например, в отношении качества воды определяющую роль играет сохранение водоохраных функций территории побережья самого озера и его притоков первого порядка и всех притоков на территории в пределах Байкальской котловины (от берега озера до ближайших водораздельных хребтов). Именно эта территория вместе с самим озером отнесена к участку Всемирного природного наследия и, по проекту, находящемуся на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации, – к центральной экологической зоне Байкальской природной территории.

В центральной экологической зоне часть территории занята природными экосистемами, пока еще не нарушенными. Эти территории, на мой взгляд, надо сохранить в природном состоянии. Уже нарушенные территории необходимо разделить на две группы: нуждающиеся в восстановлении до природного состояния и территории, которые не могут быть восстановлены и где может осуществляться деятельность человека (земли поселений, туристско-рекреационного назначения, для обеспечения жизнедеятельности населенных пунктов).

Водоохранные функции

Участок земли выполняет водоохраные функции тогда, когда он способен дренировать осадки и на нем нет источников загрязнения воды токсичными веществами и биогенами (это соединения, вызывающие эвтрофикацию воды, такие как нитраты, фосфаты; содержатся в моющих средствах, в выгребных ямах туалетов). Если, например, на берегу Байкала выбросили батарейки, на приусадебном участке использовали ядохимикаты, помыли автомобиль, это значит – водоохранная функция нарушена. Если укрепили берег реки посадкой ивы, посадили деревья, вместо сплошного асфальта положили покрытие, не препятствующее проникновению воды в почву, вывезли мусор – водоохранная функция восстановлена. Естественное болото, лес – такие сообщества идеально способствуют воспроизводству качества воды в водоемах.

По Водному кодексу, водоохранная зона не может составлять меньше 500 м. В водоохранной зоне не разрешается вырубка леса, строительство зданий, сооружений, дорог. Очевидно, что в случае Байкала эта зона должна быть больше, чем для проточной реки, например. Для Ладожского озера, из которого вытекает Нева, водоохранная зона составляет 2 км с учетом риска загрязнения реки, обеспечивающей питьевой водой город Санкт-Петербург. Бай-

кал же ценен как естественная фабрика по производству чистой воды для всего мира (по крайней мере, кроме населения городов и поселков по берегам Байкала и Ангары, в Байкальской воде уже нуждается ближайший к нам Китай, где проблемы с водой с каждым годом нарастают). Однако, к сожалению, до сих пор специальный проект водоохранной зоны для Байкала не принят, хотя все необходимые научные разработки для этого есть.

Выход, по-моему, состоит в том, чтобы в центральной экологической зоне разрешать новое строительство объектов туристско-рекреационного назначения только с нулевым воздействием на водоохраные функции или даже восстанавливающих эти функции. Я не поддерживаю идею сноса зданий, оказавшихся в водоохранной зоне, так как сам снос – это дополнительная нагрузка на окружающую среду. Несомненно, чиновники, разрешившие такое строительство, должны быть привлечены к ответственности. А хозяевам должно быть предъявлено требование довести эти объекты до нулевого воздействия на природу (не сбрасывать стоки и отходы в озеро Байкал и его притоки первого порядка) и компенсировать ухудшение водоохраных качеств занятой территории специальными мероприятиями на соседних территориях посадкой леса, заменой сплошного покрытия на не сплошное мощение, укреплением берегов рек, строительством площадок для раздельного сбора мусора и т.д. Объем таких компенсирующих мероприятий и место их проведения легко определить. На территории любого муниципалитета есть нарушенные участки, нуждающиеся в улучшении. Таким образом, муниципалитеты, которые придерживаются политики устойчивого развития, вполне могут стать нулевыми и восстанавливающими по отношению к водоохраным функциям центральной экологической зоны (или участку Всемирного природного наследия).

текст
Марина Рихванова

Таким требованиям «нулевого», или восстанавливающего природу, поселения может быть экопоселение. В Новосибирске есть последовательный сторонник идеи строительства экодомов, который перешел к практике, и сейчас недалеко от Новосибирска строится поселок экодомов. Здесь под присмотром специалистов Теплофизики отработаются технологии, которые можно будет рекомендовать для распространения.

Дом для новой цивилизации (экодом)

текст с сокращениями
Надя Скалон

*«Сначала мы делаем дом, а затем дом делает нас»
Уинстон Черчилль*

Идея строить автономные, вписанные в окружающую среду да еще и доступные по цене для среднего класса дома пришла физику Игорю Огородникову, сотруднику Института теплофизики СО РАН и группе его коллег из других институтов СО РАН в конце 1980-х. Принималась идея с восторгом: на встречах в Академгородке, где обсуждалась идея строительства экодомов, собирались до полутысячи человек, озабоченных решением жилищной проблемы. Однако дальше восторгов поначалу дело не шло: не было готовых проектов, способных воплотить идею в условиях Сибири. И все-таки несколько экспериментальных домов в 1990-х годах были построены. А в ближайшее время на территории, расположенной в нескольких километрах от Академгородка, будет завершено возведение двух новых экодомов, на которых отрабатываются технологии нового для России типа жилищного строительства, способные решить наиболее сложный квартирный вопрос.

Убедить построить первый экспериментальный экодом Игорю Огородникову удалось еще в 1993-м. Подобные дома возводились и позже, но, однако, в них частично воплощались идеи экологического домостроения, многие заказчики воспринимали некоторые – важные с точки зрения идеи – детали с трудом и просто отказывались от них (например не всем нравилась идея биотуалета). Игорь Огородников, однако, не унывал и старался продвинуть идею не только на местном, но и на общероссийском и даже международном уровнях, убеждая чиновников разного ранга, что и строить, и эксплуатировать экодом дешевле, что именно такие дома положат начало новой цивилизации, не разрушающей окружающую среду, и помогут решить жилищную проблему в России.

В 1995 году проект «Экодом» был рассмотрен на слушаниях в Верхней палате Федерального Собрания России и рекомендован Правительству Российской Федерации для включения его в программу сотрудничества Госстроя России и Центра ООН по населенным пунктам (Хабитат) и в Федеральную целевую программу «Свой дом» (1996 год). В результате был выполнен проект «Развитие энергоэффективного экологического домостроения в Сибири» (1997-1999 годы), в котором была разработана концепция экодома для сибирских условий, подобраны мини-технологии производства строительных материалов из местного сырья, сформулированы технические решения по инженерному оборудованию и конструкции экодомов. В 1999 году, по окончании работ, проект был представлен на симпозиуме «Жилье и окружающая среда», проведенном в Вене Центром Хабитат. В Заявлении симпозиума были включены рекомендации, связанные с развитием технологий и проведением стимулирующей политики правительствами стран бывшего СССР, Восточной и Центральной Европы в интересах развития экологического домостроения.

От программы «Свой дом» проект «Экодом» не имел финансирования, но участие в ней существенно продвинуло решение вопроса на местном уровне, и в 1999 году на сессии Совета депутатов Новосибирского Пригородного района была принята программа «Развитие экологического домостроения на территории района для его жителей на период 1999-2005 годы».

Еще один важный итог работы – принятие программы «Экодом» в Новосибирске. Программа вошла строчкой в городской бюджет. По словам Игоря Огородникова, в каж-

дой климатической зоне существует всего один оптимальный вариант экодома – с точки зрения его эксплуатационных и ценовых характеристик.

Что такое экодом?

Итак, экодом – это дружелюбный окружающей природной среде индивидуальный или сблокированный дом с приусадебным участком. Экодом оборудован собственной системой отопления, использующей, в дополнение к традиционным вариантам, солнечный обогрев дома и солнечный нагрев воды для бытовых нужд. По существу, это обычный дом, который утеплен настолько, что становится экономически оправданным дополнение обычной системы отопления системой солнечного обогрева. Это снижает потребление топлива более чем в 3 раза, что особенно важно в условиях Сибири.

Еще одна важная составляющая экодома – система переработки отходов. Она состоит из простого компостирующего биореактора, в котором все органические отходы перерабатываются в компост, и усовершенствованного септика для обработки стоков. Полученные удобрения используются на приусадебном участке (для утилизации органических отходов достаточно небольшого участка).

Благодаря заложенным свойствам экодома у семьи, живущей в нем, возникает независимость от надвигающегося энергетического кризиса, роста цен на жилье и коммунальные услуги.

За счет специально подобранных технологий при строительстве экодома возможный вред природной среде сведен к минимуму. А при его эксплуатации происходит даже улучшение природной среды – по крайней мере, повышены плодородия приусадебного участка.

Конечно, как и всякий другой дом, экодом может и должен быть эстетически привлекательным. Однако его архитектура в первую очередь обеспечивает оптимальную работу основных биоэнергетических систем. Поэтому при проектировании экодома учитываются следующие факторы:

- минимизация отапливаемой (зимней) части дома с возможным ее разделением на постоянно отапливаемую и периодически отапливаемую части (при меняющемся составе семьи);
- оптимизация взаимного расположения отапливаемой части дома и элементов подворья для уменьшения потерь тепла зимой в отапливаемой части и при переходах из одной части в другую и максимальными удобства летом при ведении подсобного хозяйства;
- обеспечение достаточного освещения основного (зимнего) помещения при условии большого количества буферных зон;
- обеспечение возможности поэтапного строительства и оснащения дома инженерным оборудованием, в том числе строительства первого отапливаемого блока за один строительный сезон, чтобы застройщик, начав строительство весной, осенью мог вселиться в дом;
- обеспечение возможности будущего расширения (блоkirования) дома без его существенной реконструкции (растуший дом);
- обеспечение установки инженерного оборудования экодома без дополнительной реконструкции и для удобной его эксплуатации;
- обеспечение естественной вентиляцией в связи с повышенной герметичностью дома;
- оптимальное расположение экодома на участке с уче-

том особенностей ландшафта и методов ведения работ на приусадебном участке.

Большое влияние на архитектуру и планировку экодому оказывают инженерные системы, выполняющие те же функции, что и в обычном доме. Они обеспечивают обогрев, снабжение холодной и горячей водой, электроэнергией для освещения и работы бытовой техники, вентиляцию дома и удаление всех отходов. В отличие от оборудования обычного дома, подключенного к централизованным коммуникациям, все это оборудование автономное.

В понятие «экодом» входит не только собственно дом, но и надворные постройки, приусадебный участок с биоботанической площадкой, садом-огородом, системой накопления воды, местом отдыха.

Как убежден Игорь Огородников, именно экодом может обеспечить такое качество жизни, при котором семья будет иметь возможность вырастить здоровое следующее поколение. При массовом строительстве экожилища можно надеяться на качественное воспроизводство человеческой популяции в целом и восстановление нарушенных экосистем в населенных пунктах.

Идеальное решение

В идеале экодом должен обеспечиваться теплом, горячей водой и электричеством только за счет солнечной энергии, невозобновимые источники энергии при этом не используются вообще. Получение тепловой энергии из солнечного излучения осуществляется в солнечных (воздушных или жидкостных) коллекторах, а электрической энергии – в солнечных батареях. Избыток тепловой энергии должен накапливаться и храниться в сезонных и суточных аккумуляторах тепла. Длительному сохранению тепла в доме способствуют также архитектурные и конструкторские решения, эффективные утеплители. При недостатке «солнечного» тепла и электроэнергии в экодоме

используются другие генераторы тепла на возобновимом топливе, а также, где это целесообразно, централизованная энергосистема для небольшой группы домов.

Для строительства экодому должны использоваться местные строительные материалы, малозатратные по способу добычи, переработке, перевозке, позволяющие применять технологии строительства дома без тяжелой техники. После окончания эксплуатационного цикла экодому материалы естественным образом утилизируются на месте. Применение таких материалов делает экодом доступным для малообеспеченных слоев населения.

Наконец, при эксплуатации экодому необходимо применять естественные биоинтенсивные технологии для переработки и утилизации органических отходов (твердых, жидких) и для повышения плодородия почвы, выращивания сельхозпродукции. Это можно обеспечить ведением так называемого органического земледелия и выращиванием компостных культур для удобрения сада-огорода без привоза удобрений извне.

Воплощение идеи

Демонстрационный поселок, расположенный в нескольких километрах от Академгородка, начали строить три года назад, но с начала нынешнего года эти работы стали вести планомерно. Пока там всего три дома, и в них уже можно жить, а окончательное завершение строительства Огородников наметил на ближайшие годы. «Мы хотим строить недорогие экодому, чтобы дом площадью 100 квадратных метров стоил не дороже трехкомнатной квартиры, – это наша главная цель», – говорит он. Хотя, конечно, общие расходы жителей этого мини-поселка не ограничиваются затратами на возведение жилья: за свой счет здесь была проложена гравийная дорога, также за свой счет пришлось подводить электричество.

Из ТЗ на строительство экодому:

Экодом – комплексная сбалансированная система с минимальным энергопотреблением в сибирских условиях и активным использованием солнечной энергии, максимальной утилизацией органических бытовых отходов, используемых для производства экологически чистых продуктов питания, максимально автономная система жизнеобеспечения с минимумом соединений с централизованными системами (канализация, водоснабжение, теплоснабжение, электроснабжение). Экодом состоит из корпуса (ограждающих конструкций), фундамента, подвальных помещений, гаража, веранды, теплицы, кровли, биореакторов и другого инженерного оборудования, систем жизнеобеспечения, ледника, погреба, сушильной камеры для фруктов, ягод и трав, системы управления и контроля, биоботанической площадки для утилизации органических отходов и стоков.

Туризм в Иркутске и на Байкале

(VI сессия Международного Байкальского Градостроительного Университета)

текст
Марк Меерович

1. Например, такими темами в разные годы были: «Реабилитация исторического центра г. Иркутска», «Город и вода», «Ворота на Байкал» и др.

2. Проходила с 30 июня по 24 июля 2004 г.

Международный Байкальский Градостроительный Университет организован в 1999 г. по инициативе архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета и администрации г. Иркутска по аналогии и при участии Европейского Градостроительного Университета (г. Сержи-Понтуа, Франция), где уже 20 лет проводятся Летние Мастерские, осуществляющие программу подготовки градостроительных кадров для Франции и для множества стран мира путем проведения проектно-исследовательских семинаров конкурсного типа.

Подобный Университет – уникальная для России экспериментальная площадка, где со всего мира собираются студенты и молодые специалисты разного профиля (архитекторы, градостроители, транспортники, экономисты, ландшафтники, экологи, социологи и т.д.), образующие международные проектные коллективы, которые на конкурсной основе прорабатывают определенную тему.¹ Всего за пять лет деятельности Университета в Иркутске побывали участники из 36 университетов 16 стран мира (Германия, Италии, Франции, Испании, Китая, США, Японии, Англии, Кореи, Норвегии, Канады, Ливана, Монголии, Турции, России и т.д.)

Главной целью МБГУ является формирование градостроительной культуры у студентов старших курсов, аспирантов и молодых специалистов из России и других стран мира, изучающих проблемы градостроительства. Сопутствующими целями являются: а) разработка проектных идей по градостроительному развитию территорий, выбранных в качестве площадок для конкурсного проектирования; б) привлечение профессиональной и широкой общественности к обсуждению актуальных градостроительных проблем. Суть деятельности МБГУ – реализация инновационных образовательных программ в сфере градостроительства, направленных на развитие современного градостроительного знания путем проведения интенсивных проектных семинаров с участием международных коллективов педагогов, студентов, аспирантов и молодых специалистов. Проводятся сессии МБГУ при активном участии проектных организаций города, Иркутской организации Союза архитекторов России, Восточно-Сибирского научно-технического центра РААСН и пр.

Смысл МБГУ заключается в том, что разработка градостроительной проблематики на семинаре осуществляется путем синтеза результатов местных особенностей развития территорий с достижениями, выработанными мировой градостроительной культурой, носителями которой являются участники сессий МБГУ, приезжающие в Иркутск из разных стран Европы и мира. Так, в работе МБГУ принимали участие эксперты из Франции, Германии, Испании, Швеции, Ливана и др. стран: Женеви́ева Дюбуа-Тэн, зам. министра строительства и городского обустройства Франции, Пьер Мейе, президент Европейского университета градостроительства, Мишель Гейярд, автор Парижского диснейлэнда, Жан-Кристоф Белль, один из авторов градостроительной программы Сена Рив Гаше в Париже, урбанист Жерар Абадья, автор генпланов г.г. Сержи, Алжира и др. Из Германии в работе МБГУ принимали участие профессор кафедры градостроительства Бранденбургского университета Мартин Вольф, профессор кафедры транспорта университета Штутгарта Вальтер Фогт, доцент кафедры градостроительства Дрезденского технического университета Барбара Энгель. Из Ливана – профессор высшей школы искусств

г. Бейрута Набил Эль Шейх Мэньян. Из Испании – Ориоль Монфорд, профессор Барселонского технического университета. Из Швеции: профессор Игорь Дергалин – бывший главный архитектор г. Стокгольма – и др.

Шестая сессия Международного Байкальского Градостроительного Университета² была посвящена теме «Туризм и отдых в Иркутске и на Байкале».

Как и предыдущие, данная сессия имела три составляющих – педагогическую, проектно-практическую (о них разговор отдельный) и научную (или, иными словами, концептуально-исследовательскую), на которой следует остановиться более подробно.

Перед участниками сессии ставилась задача – не предвзято проанализировать те проблемы и трудности, с которыми сталкивается туризм в нашем регионе. Необходимость подобного подхода к теме – «издалека» – определена тем, что от характера предварительного анализа и его выводов зависит очень многое в последующей работе. Так, если корни проблем видятся в одном – в соответствующем направлении и будут искаться решения, но стоит подметить и вычленив другие истоки проблем – решения будут предлагаться совсем иные. А особенность каждой сессии МБГУ состоит в том, что собравшиеся для участия в его работе специалисты, как сторонние наблюдатели, способны, во-первых, взглянуть на положение дел независимо от устоявшихся на местах суждений и существующего понимания первопричин трудностей, а, во-вторых, способны приложить к анализу реальной ситуации научные позиции, исследовательские методики своих профессиональных школ и практический опыт своих стран (Европы, Азии, Америки), что также обеспечивает непредвзятость и оригинальность анализа и получаемых выводов о подлинных причинах проблем.

Кроме погружения в глубь проблематики участники должны намечать принципиальные направления изменения сложившейся ситуации и делать конкретные проектные предложения.

Проблемы развития туризма в Иркутском регионе потребовали многопланового рассмотрения широкого круга вопросов, начиная от мотиваций и целей туристов и турменеджеров и заканчивая выявлением законодательно-нормативных и градостроительных вопросов реализации концепции развития туризма. В частности, было зафиксировано различие целей в отношении организации индустрии туризма. Например, если многими руководителями туристических агентств туристическая деятельность рассматривается как самоцель, как способ заработать, то с позиции администратора, ответственного за развитие туристической деятельности в регионе, она представляется как одно из средств повышения уровня жизни и культуры населения, т.е. как одно из средств развития территории – поселений, городов, региона в целом.

С этой точки зрения любые программы и концепции развития туризма призваны оцениваться как средства, позволяющие с большей или меньшей степенью эффективно-сти подобную цель реализовать.

Но при этом выясняется, что зарубежный опыт организации туристической деятельности в наших современных условиях не срабатывает, а попытки использования его для развития регионального туризма дают результат скорее отрицательный, нежели положительный. Западная классическая схема «услуга-деньги-налог-инвестиции-ин-

фраструктура-услуга», при которой туристические фирмы, предоставив туристические услуги, исправно платят налоги, которые собираются администрациями территорий и городов, аккумулируются и потом целенаправленно вкладываются обратно в конкретную отрасль того же туристического бизнеса, способствуя повышению ее эффективности, у нас, с точки зрения участников МБГУ, совершенно не применима. Не нужно описывать причины, по которым в нашей стране стремятся не платить налоги, всем это прекрасно известно, в результате очень логичная, ясная и такая очевидная общемировая схема развития туризма в наших условиях не работает. Это значит, что переносить западные, такие удобные и понятные организационно-управленческие схемы и соответствующие решения в наши условия оказывается бессмысленным! Тут нужно нечто принципиально иное, учитывающее наши особенности – начиная от специфического менталитета аборигенов (совершенно однозначно относящихся к иностранным туристам как денежным мешкам, способным лишь сорить деньгами, широко оплачивая самые незатейливые услуги и приобретая наскоро и грубо смастеренные сувениры) и заканчивая недоверием обывателей в разумное, бескорыстное и рачительное использование властью средств, собранных от туризма.

Значит, следует разрабатывать иные схемы и приемы, которые изначально будут способны учесть реальное положение дел и, в конечном счете, все-таки позволят использовать потенциал туристического бизнеса для развития территории – формирования транспортной инфраструктуры, благоустройства, возведения объектов обслуживания, повышения уровня жизни населения, роста его культуры и т.п. Не через налогооблагаемую базу и административно осуществляемое вложение собранных средств обратно, а иным способом.

Тема сессии заставила заново поставить и осмыслить ряд фундаментальных вопросов региональной туристической деятельности. Например, почему в Иркутск и на Байкал едут иностранные туристы, какова типология туристических целей, какие туристические потребности должны быть реализованы для обеспечения оптимума услуг, каковы перспективные направления развертывания спектра предоставляемых услуг и т.п. Выводы, сделанные участниками сессии, оказались весьма парадоксальными.

Согласно результатам предварительных обследований, осуществленных в ходе проведения МБГУ, установлено, что собственного потенциала историко-культурного наследия Иркутска не достаточно для привлечения значительного потока туристов. Основная масса туристов, путешествующих по Транссибу, попадает в Иркутск лишь благодаря тому, что железнодорожный транспорт оказывается оптимальным для туристических маршрутов из Европы в Монголию, Китай, на Дальний Восток и в противоположном направлении – для туристов из Японии, Кореи и все более увеличивающегося потока туристов из Китая. Именно расположение Иркутска на Транссибе благоприятствует кратковременной остановке здесь некоторого количества транзитных пассажиров.

Самое главное в целевом привлечении туристов в наш регион – это конечно же объект Всемирного наследия ЮНЕСКО озеро Байкал. Он является для подавляющего большинства туристов основной целью их посещения Сибири. Именно он привлекает основные потоки иностранных и отечественных туристов.

Подобное содержание мотиваций туристов предъявляет специфические требования к формированию структуры туристических маршрутов и спектру предлагаемых форм ту-

ристического сервиса. Разработка туристических программ должна учитывать эти факторы и обоснованно рекомендовать инвесторам «темы» и «объекты» вложения средств. Сегодня же частные инвестиции в сферу туризма носят в основном случайный, сиюминутный характер: они направляются на развитие крупных загородных гостиниц, кемпингов, на приобретение транспортных средств (кораблей, яхт, катеров, снегоходов, малой авиации) и крайне редко – на восстановление и поддержание памятников архитектуры. Практически отсутствуют инвестиции на строительство дорог, транспортных терминалов, сетей коммунального обслуживания, организацию специфической системы отдыха и развлечений собственно для туристов. Практически отсутствуют инвестиции на реконструкцию деревянных зданий центра города под малые гостиницы домашнего типа (с кухней для самостоятельного приготовления пищи), кафе, трактиры, антикварные и сувенирные лавочки, мастерские народных промыслов и др. объекты туристической инфраструктуры.

Такое направление реконструкции центра города даже не рассматривается в качестве долгосрочных стратегических планов по решению проблем сохранения исторической городской среды. А ведь именно старая среда деревянной малоэтажной застройки и является для туристов главной ценностью и мощным стимулом их остановки в Иркутске. Прежде всего потому, что в других крупных городах регионального масштаба, расположенных на Транссибе, она не сохранилась.

Безусловно, город обладает многими достопримечательностями, среди которых и редкие объекты археологии, например Глазковский некрополь, и культовые сооружения – в Иркутске 20 храмов, среди которых такие уникальные объекты, как Крестовоздвиженская церковь и Собор Богоявления. Эти объекты в обязательном порядке должны стать ядром туристических программ, но они не могут явиться причиной того, что из Америки, Европы, Японии, Австралии, Эмиратов и др. стран туристы в массовом порядке потянутся для целевого посещения Иркутска. Прежде всего потому, что подобные объекты существуют и в других городах России, более разрекламированных и территориально близких к Европе и Азии.

А вот кварталы деревянной застройки и сохранившаяся в Иркутске с конца XVIII в. историческая планировочная структура – сомасштабная человеку среда центра города – такими «объектами» могут стать. Иркутск в этом отношении практически единственный крупный город Сибири, где деревянная историческая рядовая застройка сохранилась в значительном количестве именно как среда, а не как от-

дельные музейфицированные сооружения. По опросам туристов (и из Европы, и из Азии) и экспертным оценкам специалистов, именно целостность этой среды (исчезнувшей в как в странах Европы, Америки, так и в российских столицах, в Хабаровске, Владивостоке, Новосибирске, Красноярске, Екатеринбурге и всех остальных крупных городах на Транссибе) является для многих туристов целью посещения и главной достопримечательностью, «визитной карточкой» Иркутска.

Подобная оценка есть не только мнение участников сессии МБГУ, но и результат научных заключений, сделанных международными экспертами – еще в 1997 году центральная историческая часть города Иркутска была включена в Предварительный список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это единственное еще до конца не оцененное и не используемое достояние прошлого, способное экономически обеспечить развитие будущего. Этот ценнейший историко-архитектурный потенциал Иркутска, на сегодняшний день практически не востребованный индустрией туризма.

Понимание этого факта, воплощенное в административно-управленческих решениях, способно кардинально изменить подход городской и областной администраций к решению проблем центра города. И самое главное – отказаться от рассмотрения центра города как резервной территории для нового комплексного многоэтажного строительства. Нужно не сносить целые кварталы деревянной застройки и возводить на ее месте современные жилые массивы, а решать задачи инженерного обустройства существующей среды, механизмы расселения, реновации, научного и проектного обеспечения сохранения исторической среды деревянного Иркутска. Необходимо выделять в центральной части города крупные участки среды, являющиеся (или способные стать) центрами устойчивого притяжения туристов, формировать тематические туристические маршруты по деревянной застройке, например: а) Иркутск купеческий, б) деревянное зодчество, в) магиико-символическое значение декора в древнерусской деревянной архитектуре и др. – и в соответствии с этим намечать те фрагменты исторической среды, которые в первую очередь нуждаются в реконструкции и благоустройстве; формировать принципы взаимоувязки «узлов» тематических маршрутов с фокусами транспортной, информационной и художественно-архитектурной инфраструктуры; разработа-

вывать варианты функционального наполнения перспективных зон притяжения туристов (с решением вопросов самофинансирования их реконструкции и последующей устойчивой коммерческой эксплуатации).

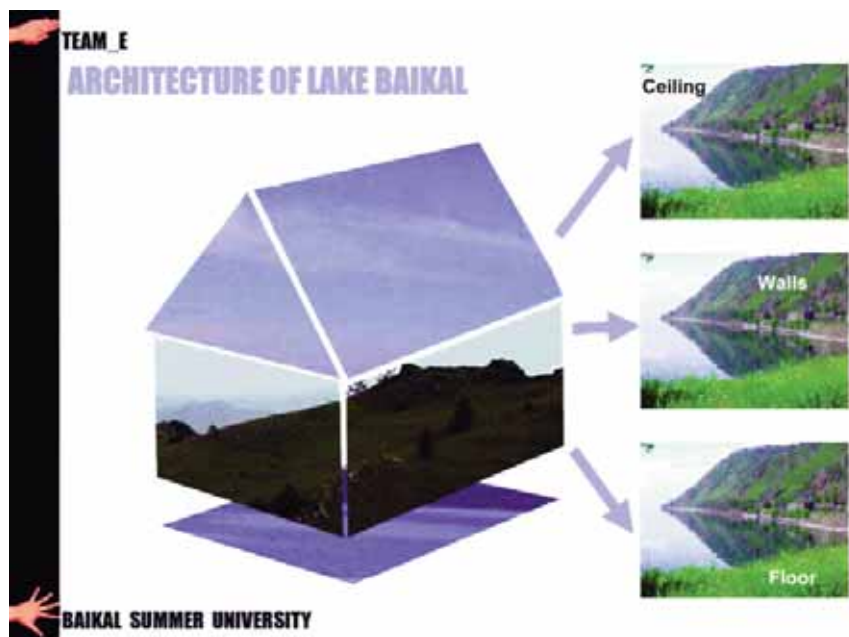
Здесь представляется целесообразным изучение и обобщение практического опыта стран Европы, где домовладельцы, осуществляющие туристическую деятельность, организованы в ассоциации, регулирующие тарифы, отслеживающие уровень и качество предоставляемых услуг, обеспечивающие санитарные нормы, аккумулирующие финансы и осуществляющие инвестиции и т.п. В наших условиях дома могут быть реставрированы за счет подобных ассоциаций или муниципалитета, либо за счет государственных органов охраны памятников, которые смогут возратить затраченные средства в виде налоговой составляющей от развития туризма.

Разработка программы комплексного развития центра Иркутска способна дать администрации города и региона не только обоснованные рекомендации по планированию деятельности коммерческих и государственных структур в отношении туризма, но и глобальную программу практических действий по функциональному использованию территории исторического центра и планомерной реализации стратегий инвестиционного вложения средств как частными предпринимателями, так и коммунальными службами.

Участники МБГУ дали довольно оригинальный и, кажется, весьма точный ответ на вопрос, почему в Иркутск и на Байкал едут иностранные туристы. Они едут в Иркутск вовсе не для того, чтобы «иметь обслуживание», так как уровень обслуживания в западных отелях и кемпингах, по ценам совсем не намного отличаясь от местных, в отношении качества услуг и комфорта находится на значительно более высоком уровне. И не для того, чтобы «созерцать чудесные виды природы» – в мире есть «картины природы» и «рукотворные пейзажи» не хуже, а то и много лучше – хотя бы потому, что не замусорены в той степени, как у нас, а, кроме того, умело обустроены, снабжены необходимой инфраструктурой, искусственно превращены в места комфортабельного отдыха и развлечений, и иностранные туристы имеют возможность любоваться чудесными видами в гораздо более благоприятных условиях и даже за гораздо меньшие деньги.

Но если турист едет к нам не за прекрасными видами (в других местах есть много лучше) и не за уникальным обслуживанием (оно попросту отсутствует) – тогда за чем? Участники Международного Университета, составив довольно сложную типологию целей и мотиваций для разных социальных групп, сформировали перечень возможных потребностей и, в конечном счете, сделали общий вывод: «Едут смотреть на другую жизнь».

Казалось бы, банальность. Но если этот вывод положить в основание построения специфических программ туристической деятельности, то все может кардинально измениться. Если принять идею, что туристы едут сюда вовсе не для того, чтобы останавливаться в отелях и кемпингах «повышенной звездности», вынужденно обитая в искусственном гостиничном мире и воспринимая реалии окружающей страны только в виде посещения специально организуемых экскурсий (кстати, именно таким образом это и происходит во множестве отелей мира), а для того чтобы «непосредственно столкнуться с иной жизнью», то получается, что концепцию регионального туризма следует выстраивать совершенно иначе, чем она построена сейчас. Например, следует давать туристам возможность увидеть в России иную жизнь, нежели та, что привычна для них; практически воплотить их мечту пообщаться и пожить вместе с представителями их профессии – рыбаками, охотни-

ками, крестьянами, лесорубами, учителями, милиционерами, животноводами, чиновниками, профессорами; предоставить им возможность пожить вместе с людьми их возраста. Если туристам интересно то, как здесь в Иркутске и здесь на Байкале живут люди их уровня образования, как они выстраивают свой досуг, как воспитывают детей, как и что готовят на обед, как распоряжаются своим свободным временем, как расплескивают свои эмоции, как решают бытовые конфликты и как разговаривают с собственными людьми – то именно это и следует делать содержанием туристических программ, а не развлечения вроде катания по ледяной байкальской воде на надувной камере от грузового автомобиля, привязанной к моторной лодке.

И между прочим следует заметить, что подобный «адресный» туризм вполне способен осуществляться (и, кстати, давно успешно осуществляется), минуя налоговую составляющую схемы: «куслуга-деньги-налог-инвестиции-инфраструктура-услуга» – схемы, которая, как мы говорили, в нынешних условиях не работает. И замечу, такой туризм вполне реально (и скоротечно) способен приводить к фактическому повышению уровня жизни наших людей (через заимствование и обмен культурных норм, образцов бытового поведения, стереотипов самовыражения и проч.). Но если это так, и в результате практически реализуется основная цель – развитие уровня жизни и культуры населения региона, то тогда именно этот вид туризма и следует целенаправленно организовывать, обеспечивать инвестициями, снабжать инфраструктурой, поддерживать грамотным менеджментом. И хотя стихийно он прорастает буйным цветом, концептуального осмысления этого факта не происходит и полноценно его никто не организует. Следует констатировать, что подобные организационно-управленческие проработки и стратегические программы отсутствуют и на уровне города, и на уровне области, и на уровне страны в целом. Отсутствуют прежде всего потому, что этот вид туризма входит в противоречие с существующими процессами сбора и распределением средств, с существующей системой управления, даже с существующим законодательством в отношении форм осуществления туристической деятельности. Но тогда именно это противоречие и следует разрешать за счет осуществления региональной законодательной и организационно-управленческой деятельности. И как следствие, в итоге должны появиться такие специальные разделы регионального законодательства, такие способы управления людьми, такая концепция туризма, такая формальная организация туристической деятельности и такие механизмы попечения о территории, которые способны будут обеспечить реализацию «адресного» туризма.

Типология туристических целей конечно же не исчерпывается знакомством с иной жизнью. Едут и за спортивным туризмом – хотят плавать на байдарках по Байкалу, поехать на велосипеде по Ольхону, проехать на ручной дрезине по Кругобайкальской железной дороге, пролететь на воздушном шаре вдоль береговой линии, пройти на лыжах по льду озера, проехать на коньках или собачьих упряжках, спуститься на дно Байкала и т.д., и т.п. Это супер-направление развития туризма! А что тут имеется? Отдельные предложения, а фактически – непочатая целина.

Другие мотивации – «экзотический туризм»: люди желают помыть золото на старом брошенном прииске, как когда-то это делали сибирские первопроходцы, или своими руками связать бревна и спуститься на плоту впасть по реке, как это делали в свое время настоящие плотогоны, а кто-то желает немного пожить в камерах царской тюрьмы.

Еще одна цель посещения Сибири – гастрономический туризм. Люди едут специально, чтобы попробовать настоящей, вкусной, натуральной сибирской еды. А что имеют

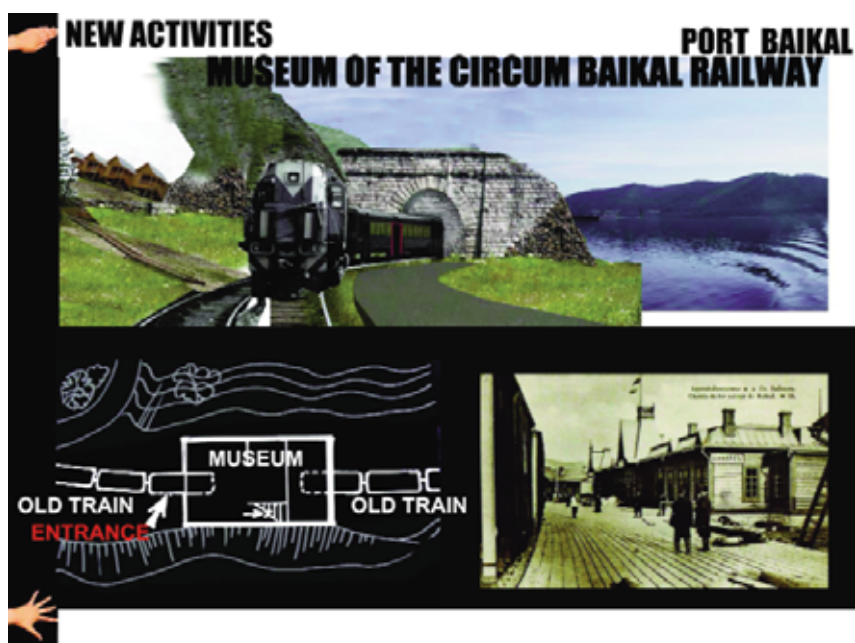
вместо этого? Бесконечные пиццерии, в которых кормят пиццей, весьма далекой от оригинала, или европейские кабачки с псевдо-чешским и совсем не немецкого вкуса «немецким» пивом; японские суши-бары с далеко не японской кухней; корейские рестораны, в которых приезжие корейские туристы с удивлением дегустируют «традиционную корейскую пищу», китайские рестораны с пищей, очень сильно отличающейся от той, которую можно отведать в самом Китае. Гастрономического туризма, который ожидает встретить в Сибири иностранный, да, кстати, и отечественный турист, у нас нет! Если и встречается отдельные попытки заполнить этот вакуум, то это лишь случайные явления, а не осмысленная планомерная работа по организации питания – отдельной самостоятельной составляющей туризма.

А где специфические сибирские сувениры, приобретение которых также является одной из целей туризма? Вместо них хохлома и гжель да такие же берестяные изделия, как в европейской части страны, только на наших выдавленно: «Иркутск».

Важный вопрос, поставленный в ходе сессии – вопрос о характере отечественного сервиса и обслуживания.

Постсоветские люди не привыкли обслуживать, не умеют и не хотят этого делать! Сотрудники «сферы обслуживания» по большей части не желают «прислуживать», считают это зазорным. Персонал, как правило, любит, чтобы все вертелось вокруг него и делалось для него (создается такое ощущение, что эти люди искренне считают, что туристы приезжают исключительно для того, чтобы они могли получать зарплату). Постсоветский человек по-прежнему убежден в том, что «Человек – это звучит гордо!», и как-то неудобно ему «пресмыкаться» пред себе подобными. Современная молодежь, выросшая в послеперестроечный период, также считает «обслуживание» унижающим занятием или, в лучшем случае, исполняет его как служебную обязанность, не вкладывая ни души, ни иного личного интереса, кроме заработка. Ни в одном из множества возникших сегодня специализированных учебных заведений по туризму, сервису и обслуживанию не учат тому, как «облизывать» клиента, не теряя при этом собственного достоинства. Это очень сложная социально-психологическая проблема, потому что наша бытовая культура и наш менталитет не обеспечивают формирования «поведения сервисного типа».

Еще один аспект, необычное раскрытие которого про-

демонстрировали участники Университета, – наличие «туристической легенды».

В современном информационном обществе уже практически вызрела и активно реализуется одна из характерных черт «общества мечты»*, которая выражается в том, что стоимость товара или услуги определяется не столько его качеством, а «мифом» о нем. На Западе и потребитель, и продавец, и менеджер давно знают, что человек готов платить на четверть, а то и наполовину больше за товар, сопровождаемый «историей его качества». На этом сегодня строится любой бизнес. Например, европейский потребитель все больше ориентирован на натуральную пищу, и для него более привлекательна не индустриально выращенная бройлерная курочка (потому что промышленное производство животного мяса приводит к исчезновению живого природного духа), а курочка, гуляющая по зеленому деревенскому двору, склевывающая зернышки, несущая в естественных условиях пусть маленькие по размеру, но «животворные» яйца. К примеру, потребителю нужно предлагать не просто мыло, а сексуально ориентированную легенду об этом мыле, убедительно повествующую о том, что после мытья этим мылом клиент будет сексуально гораздо более привлекателен и неотразим. И эти яйца, и это мыло обязательно купят. И с удовольствием переплатят. За легенду!

Может быть, кто-то из сегодняшних девелоперов туризма это и понимает, но ведь в этом отношении у нас в регионе ничего не делается! Проанализируем рекламную продукцию, посвященную Байкальскому региону, городу Иркутску, «Священному морю». Чаще всего в ней обнаруживается не живой язык и не живые рассказы, а сплошная скукотница – горделивое безличностное повествование о неистощимых запасах недр, скучная информация о производстве – никому не интересные показатели произведенных тонн и изготовленных километров продукции, непременное указание на неисчислимые просторы тайги, непонятное перечисление названий исторических объектов, которое никого никуда не способно увлечь. А к тому же все это еще и оформлено в дизайне-стиле двадцатилетней давности. В итоге иностранец вполне вправе думать (и реально думает, как показывают исследования, специально проведенные некоторыми иркутскими учеными), что и «товар» ему предлагают тоже двадцатилетней давности.

Почти каждый человек в глубине души мечтает ну если не раскрыть тайну, то хотя бы прикоснуться к таинственному. Это во всех нас неизменно. Мы мечтаем посидеть на камне, на котором восседал Александр Македонский, хотица заглянуть в бочку Диогена, потрогать настоящее платье царицы Савской, взгромоздиться на трон Рамзеса, отломать кусочек корабля космических пришельцев. Для любого европейца или американца, австралийца или африканца путешествие в Сибирь – на край земли – будет более осмысленно и желанно, если он будет твердо знать, что, например, выпив воды из источника Шамар-Хи, обретет небывалую мужскую силу; а встретив восход солнца с вершины горы Уку-Така, вернет страсть охладевшей к нему любимой; и дочка его окажется оберегаемой богами, если он купит ей именно эти бусы – выточенные из куска дерева, пролежавшего на дне Байкала 1,5 тысячи лет и извлеченного со дна в первую ночь полнолуния...

А что в этом плане реально происходит у нас на берегах Байкала? Почти ничего! Отсутствует краеведческая работа по «раскапыванию» подлинных мифов и удивительных историй, которая осмысленно и целенаправленно кладется затем в основу организационных мероприятий туризма. Отсутствует работа по искусственному созданию мифов, а ведь Священное море дает массу поводов для сознательно-

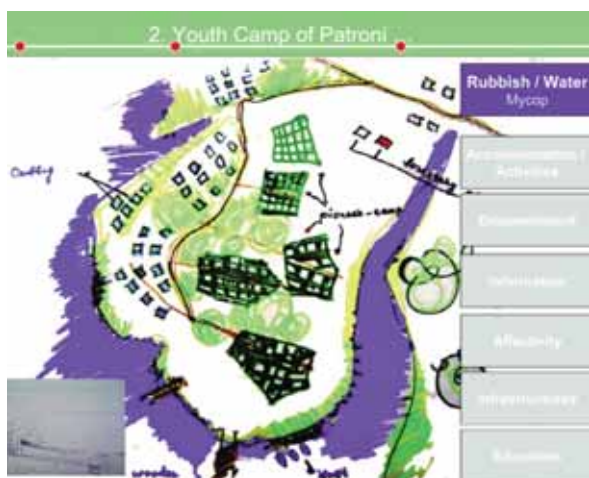
го, целенаправленного мифотворчества – и вода у нас не такая, как везде («в такой по-горному холодной и чистой, но по-равнинному волнистой Вы еще нигде не купались»), и гольцы такие со снежниками только здесь («Вы нигде ничего подобного больше не увидите»), и рыбу такую нигде не попробуете («байкальский омуль – эндемик!»). Вот за этим поедут!

Нужна не случайная покупка туристами искусственных шаманских атрибутов, а специально отработанная система подлинной обрядовости, при которой человек осмысленно едет в Сибирь, чтобы присутствовать при шаманском магическом священнодействии, едет осознанно попросить богов о чем-то личном, едет, чтобы опережить акт общения с духами. И уже «поверх» этого реального процесса – покупать амулеты и сувениры, делать фотографии и проч.

В русле этой темы участники Университета высказали одну совершенно замечательную идею. Можно наметить, к примеру, двадцать пять (или пятьдесят, или сто двадцать пять, совершенно неважно сколько – сколько хотите) самых примечательных мест на Байкале. И по каждому из них извлечь из реальной истории края или искусственно придумать свою, особую легенду. Здесь источник, который дает женскую плодородную силу; а здесь обитает дух, пробуждающий добрые чувства; здесь камень есть необыкновенный – погладишь его, и хворь уходит... Побывал человек в каждом из таких мест – ему вручили маленький ключик – «ключ от места». Ключик, предположим, вырезан из кости, или изготовлен из металла, или выточен из полудрагоценного байкальского камня, или выструган из кедра. Побывал он в пятнадцати таких точках, расположенных, например на Берегу Бурых Медведей, собрал пятнадцать ключей – получил один большой ключ: от Берега Бурых Медведей в целом. Он теперь имеет право носить «звание» «Хранителя ключа Берега Бурых Медведей». Посетил все знаковые места в Тунке – получил ключ от Тунки (он теперь «Хозяин Тунки»). А объедет человек все знаково-символические места на Байкале – получает, кроме мелких и «хозяйских» ключей, еще и «Великий ключ» к сердцу всего Байкала... В итоге подобной мотивации возникает «идея-фикс», которая способна двигать людьми. Появляется туристическая «сверхцель», которая способна зажигать, будить чувство соревновательности, возбуждать желание открытия. Человек снова и снова будет возвращаться к Байкалу.

Каждая из предложенных в ходе сессии идей может лечь в основу организации рекламных кампаний, конкретных маршрутов, системы услуг, глобальных концепций разветвления туризма в регионе. Туристическим агентствам вовсе не обязательно самостоятельно заниматься подобным «туристическим мифотворчеством» – оно может стать итогом общей организационной работы на уровне Совета по туризму или специальной программы областной администрации, объединяющих креативный и научный потенциал региона с финансовым долевым участием туристических фирм. Подобное содержание туристических программ в конечном счете способно дать ответ на вопрос о наиболее благоприятных местах расположения турбаз, кемпингов, гостиниц, туристических приютов и проч., позволит составить комплексные региональные схемы размещения туристических объектов. В ходе сессии специально поднимался вопрос о «масштабе» объектов туризма – какую емкость, какой размер должны иметь гостиничные комплексы, чтобы быть оптимальными для существующих и будущих турпотоков и характера потребления туруслуг? Как решать противоречие, возникающее между естественным стремлением туристов (и, как следствие, владельцев и застройщиков гостиниц и кемпингов) быть максимально при-

* – Ролф Йенсен, «Общество мечты», Стокгольмская школа экономики в С.-Петербурге, 2004 г., С. 270.

ближенным к воде и требованием полукилометрового отрыва от береговой линии при размещении туробъектов?

И еще один аспект, который лежит несколько за рамками тематики и работы МБГУ, но напрямую относится к описанному выше мифотворчеству и к особенностям восприятия мира человеком постиндустриального информационного общества. Это вопрос имиджа. Имиджа Байкала. Имиджа Иркутска. Имиджа Иркутской области (региона).

Иркутск, Иркутский регион, Байкал сейчас часто презентуются в России и за границей – на разных встречах, праздниках, выставках, форумах. Специально для этих целей готовится рекламная кампания, рекламная продукция, привлекаются талантливые дизайнеры (не талантливые, естественно, не привлекаются). Все искренне и честно стараются, делают как умеют и даже лучше. Но эффект от такого рода мероприятий, к сожалению, очень не велик. Нередко материал и форма подачи презентации воспринимаются странным образом и часто совершенно не адекватно. В чем же дело? Группа иркутских специалистов – социологов, психологов, культурологов – вот уже несколько лет работает над прелюбопытнейшей темой: «Имидж Сибири, Байкала, Иркутска глазами иностранцев». Материалом служит отечественная реклама, а также статьи, опубликованные в разных странах, посвященные Сибири и сибирякам. И первый вывод: имидж сибиряка (в глазах иностранцев) кардинально отличается от имиджа человека европейской части России (к примеру питерца или москвича). И иностранцы, живущие на разных континентах и в разных странах, очень по-разному воспринимают Сибирь и сибиряков и по отношению к ним имеют совершенно разные ожидания.

Эти особенности восприятия сибиряков следует обязательно учитывать, если организаторы туристического бизнеса хотят удовлетворять ожидания иностранцев от встречи с Сибирью. Без учета этого момента получается, что, при всех стараниях наших имиджмейкеров, имидж и Иркутска, и Байкала для западного туриста по-настоящему так и не представлен. Не сформирован и не развернут так, чтобы у интуристов возникло неистребимое желание непременно сюда приехать – отдохнуть или начать бизнес, обзавестись семьей и поселиться.

Еще один любопытный аспект. Участники Университета, которые, кстати, совершили довольно широкий круиз по основным туристическим маршрутам и побывали и на Ольхоне, и на Малом Море, и на Кругобайкалке, и в Листвянке, и в Иркутске, и в Слюдянке, и в других местах, отметили всеобщее пристрастие российских ученых и проектировщиков к употреблению термина «экологический туризм». Только совсем не образованный человек не употребляет сегодня этот очень модный термин. И многие делают это с

большим воодушевлением и часто – повторяя его по поводу и без повода.

Какой «экологический туризм», откуда? Для того чтобы он возник, необходимо, во-первых, природное окружение, которое находится в девственном состоянии, во-вторых, такое сознание человека, которое не позволяет ему мусорить (вообще нигде и ни при каких обстоятельствах), в-третьих, инфраструктура, сводящая «на нет» антропогенный фактор воздействия на природу и обеспечивающая ее максимальную защиту. А кроме всего прочего должна быть развернутая структура утилизации отходов. Реальность иная: туристы готовы не сорить, они собирают за собой мусор в мешки – но куда эти мешки относить? Складывают на обочинах, а их никто не вывозит; чайки разрывают пакеты, уносят гнилые продукты, поедают пахнущие пищей полиэтиленовые мешки (и, кстати, от этого периодически гибнут); мусор скатывается с насыпи, разносится ветром, втаптывается проезжающими автомобилями в грязь и т.д.

А то ведь не только иностранцы, у которых «экологическое сознание» более изнеженное и ранимое, но и привычные ко всему потомственные сибиряки не могут такого беспорядка спокойно переносить. В результате туристы возвращаются после отдыха домой с мигренью, со слезами, рассказывают про подобные безобразия своим знакомым. И тут исправить негативное впечатление не способны никакие замечательные буклеты и альбомы, распространяемые на презентациях и выставках. На фоне реально происходящего они способны только еще больше отвратить, ибо приобретают вид «глянцевой лжи». А в итоге и имидж наш безнадежно страдает, и природа гибнет, и приток туристов сокращается.

Вопрос «экологического туризма» – это не терминологический вопрос, а административный. Это вопрос финансового контроля над деятельностью органов, отвечающих за порядок на территориях, вопрос трудовой дисциплины рядовых исполнителей, вопрос контроля и обеспечения неуклонного осуществления природоохранных мероприятий, вопрос морально-этический.

Туристический потенциал Байкала и Иркутска огромен, здесь могут развиваться все формы туристического бизнеса – от экстремальных видов спорта до научного и культурно-познавательного туризма, осуществляться комплексные программы развития туристической деятельности, которая способна уже в ближайшее время достичь эффективности, сравнимой по значимости с наиболее развитыми отраслями экономики региона.

Берлинские проекты, XXI век. Город на берегу

«Берлин обречен на то, чтобы постоянно становиться и никогда не стать».

Карл Шеффлер, архитектурный критик (1910)

В Европе нет ни одного другого города, который подобно Берлину столь часто за последние столетия становился бы экспериментальной площадкой для реализации неизменно политизированных градостроительных идей и вследствие этого подвергался бы столь сильным изменениям. В исторической веренице проектов, возможно, была неосуществимая мечта об идеальном городе. Во всяком случае, это всегда были величественные проекты, которые охватывали огромные территории города, полностью меняя его облик. В основе каждого из них была заложена идея создания метрополии мирового масштаба. Берлин, принимая во внимание общемировой кризис городов, вызванный их обветшанием и транспортной переполненностью, определяет масштабы для будущего. Для города, в котором жители все больше предпочитают жить в самом городе, а не в пригороде.

Критик Карл Шеффлер однажды заметил, что жизненная основа города состоит из повседневного прилежания и деловой рассудительности. Именно эти свойства характерны для большинства реализованных на сегодняшний день проектов нового Берлина. Прежде всего – для каменных офисных зданий, определяющих по преимуществу, например, облик Фридрихштадта. Возможно, оглядываясь на то, что было построено после 1990 года, можно будет сделать следующий вывод: эта архитектура основывалась на самом простейшем формальном лексиконе. Непреходящую ценность имеет то, что в Берлине речь идет не о саморепрезентации отдельных архитекторов, а об общем облике – облике города. О реализации очередного большого проекта, основанного на традиции плотного застроенного и функционально смешанного европейского города. Сила реализованного перевела дебаты о вкусах именно на это существенное и создала ощущение, что критическая реконструкция целого осуществима только через критическую реконструкцию в частностях. «Архитектура столицы объединенной Германии, возможно, не экстравагантна. Однако она всегда поражает, при этом – не выходя за рамки, волнует – не вводя в заблуждение, ей присуща гармония – без впадения в провинциальность или буржуазность».

Философия осторожного градостроительного обновления, принципы критической реконструкции и санации города в конце 1980-х-начале 90-х годов в Европе становились признаком целой генерации планировщиков.

Происходящее у воды строительство чаще всего (никак иначе) воспринимается курьезом. Последние идеальные градостроительные проекты XX столетия в Германии были утверждены до середины 1990-х годов. Ошибочный путь организации жилой застройки с изменением потребности в жилище после падения берлинской стены привел к кризису концепций, когда приемы «критической реконструкции» уже не спасали. Новый идеальный план развития жилой застройки был разработан без особых сложностей с инвесторами, пользователями, административными и политическими институтами. При этом дифференцируется не только градостроительная конфигурация, но также и тип городских районов.

Берлин последних двух десятилетий может служить примером перспективного градостроительного развития прибрежных районов. Основой являлись новые политичес-

кие и экономические условия Берлина после объединения Востока и Запада, которые содействовали быстрому росту населения города – свыше 4 млн. человек (от 3,4 млн. человек) в короткий отрезок времени. Участки под жилую застройку с престижными градостроительными условиями – такими как близость к центру города, удобные транспортные связи и ландшафтные качества, имели важное значение. Градостроительные исследования и проекты Большого Берлина выявили оптимальные сочетания условий для создания жилых районов в Берлине (район Каров-северный, Альтглинике, Рудов, Бисдорф-южный, город на воде Верхнего порта).

Вместе с тем, Берлин, как и многие города Европы, был построен на побережье реки, которую использовал как путь транспортировки леса, угля, камня и др. Отношение к реке было типичным для многих портовых городов. Река и свободные прибрежные территории служили ведущим фактором размещения промышленных предприятий вплоть до середины XX века. С таким отношением к реке город в XXI веке не имеет уже основания называть себя в полном смысле городом, построенном на воде. Берлин как город на воде имеет различную и повторяющуюся историю, в которой градостроительный потенциал воды, особенно реки Шпрее, использовался лишь частично и временно. С концом индустриальной фазы в развитии города возникает новый шанс отношений, и урбанизм выразился через концепции открытия заново воды как градоформирующего элемента.

В июне 1992 года в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по проблемам окружающей среды и развития приняли участие более 170 государств. Документ в политике окружающей среды «Агенда-21» означал: это то, что мы должны делать. Смысл содержал оценки перспектив дальнейшего глобального развития. Понятие последствий в градостроительной политике и практике становится имиджевым фактором для некоторых городов в Европе. Важнейшие уточняющие пункты в тематике последствий были предложены Всемирной выставкой «Экспо-2000» в Ганновере с темой «Человек – Природа – Техника».

В этот период своеобразным призывом к новой градостроительной политике, образцом прибрежного градостроительства стали проектные предложения в «Бухте Румельсбург», которые были представлены на этом международном форуме. Потенциал бухты с неповторимыми водными ландшафтами, спланированными для отдыха горожан, потребовал решения трех основных целей: улучшение качества воды и очистка промышленного мусора, развитие непрерывного озеленения с восстановлением природных компонентов и ренатурализации озеленения побережья, реконструкция застройки прибрежного района. Реализация градостроительной концепции с 1994 года имела амбициозные планы, используя реально градостроительную и ландшафтную привлекательность района, предлагая альтернативу жилищу в пригороде.

текст и фото
Валерий Козлов

Так называемый город у воды в Бухте на озере Руммельсбург расположен в 5 км от центра Берлина, имея хорошие связи с различными транспортными узлами города. Именно отсюда и начинается городской ландшафт реки Шпрее для всего Берлина. Жилище возвращается вновь в город, и город возвращается вновь к воде. Основная градостроительная концепция сформулирована созданием нового городского образа – развитие и реализация перспективных городских кварталов на полуострове Штралау и в Бухте Руммельсбург с благоприятными функциями. В начале 1993 года был разработан рамочный план и градостроительная программа, по которым состоялись городские дискуссии, обсуждения и утверждения в сенате. План предлагал вид использования территорий, участки под застройку, реконструируемые площадки, открытые общественные территории и создавал основу градостроительного освоения и развития.

Как и принято в проектной практике Германии, прошли этапы конкурсного проектирования. Для района Верхнего порта наиболее успешную градостроительную концепцию «городского ландшафта» предложили профессор К.Т. Бреннер и ландшафтный архитектор К. Туманек, которая в последующем легла в основу дальнейшего проектирования. Проектная концепция выстраивалась на сочетании открытого ландшафта и плотной городской застройки. Это выразилось в расчленении района на функциональные кварталы, которые, с одной стороны, посредством озелененных территорий и обслуживающей инфраструктуры разделялись, а с другой стороны, через систему обслуживания объединялась. Для западной части полуострова Штралау арх. Хертцбергером была выбрана строчная идея застройки, которая давала возможность просматривать бухту сквозь новую застройку и объединить берег Шпрее и бухты Руммельсбург. В Руммельсбурге доминирующим принципом стали открытые к воде т.н. «садовые двory». Крупные формы жилой застройки аналогичны барочным замковым и парковым сооружениям. Эта концепция реализовывала для проживающих в каждом дворе самое ценное качество – «вид для всех на воду», что делает эту концепцию особенно удачной как с эстетической точки зрения, так и с точки зрения риэлтора. Концепция «двора-сада» или «садового двора» образуется застройкой переменной этажности 3-6 этажей, создавая возможность развития силуэта застройки. Строчная протяженная застройка садовых дворов расчленена разноэтажной застройкой на части, создавая силуэтный ритм членений. Каждый двор получает тематически индивидуальный сад, образ и материалы дворовых фасадов включены в создание индивидуальности дворов и ландшафтных связей с озером. Не менее интересным является тот факт, что в течение десяти лет в средствах массовой информации берлинцы принимали участие в обсуждении реализации проектной концепции, выражая идеальные представления о городе и ландшафте как едином целом.

Почти целиком западная часть полуострова Штралау в Берлине, на котором сооружен городской район Штралау на 2 300 квартир, была прежде промышленным районом. Задача реновации района состояла в том, чтобы сохранить рядовую исторически ценную застройку каждого периода развития, придать ей новую функцию и интегрировать в запроектированные жилые микрорайоны. Своеобразие перепрофилирования сложившейся застройки района состояло еще и в том, что с ее участием внесена особая атмосфера жилой среды в новую застройку не только как некий признак, но и как реальные приятные воспоминания о прежней функции места. Градостроительная концепция городского района на полуострове исходит из строчной фор-

мы застройки, которая ориентирует жилую застройку перпендикулярно обоим берегам реки.

Спустя более ста лет после преимущественно промышленного использования территории прибрежного района городской бюджет затратил огромные средства, чтобы переработать в течение первых двух лет более 40 000 тонн загрязненной почвы, сделать санацию дна бухты, взять многочисленные пробы почвы и подземных вод. Совокупность проведенных и планируемых мероприятий дала основание Управлению по охране окружающей среды утверждать, что качество грунтовых вод примерно через 20-30 лет восстановится. Понятие городского ландшафт как перспектива градостроительного развития в районе бухты Руммельсбург формулировалось как вид утопии, представляющая примирение между архитектурой и природой. Эта утопия не являлась новой в истории, но предложена в обновленной форме и новой в своих целях изложения.

В работе по рекультивации земли была разработана концепция перемешивания почвы с дождевой водой, которая в этом случае являлась катализатором процесса рекультивации. На отведенной для этих целей территории (около 15 тыс. кв. м) производилось перемешивание почвы для последующего использования. Восстановление одного километра набережной в рамках концепции ренатурализации озеленения территории прибрежной зоны в XXI веке составило сопоставимые затраты со строительством одного километра центральной улицы.

Район занимает 131 гектар и подразделился на три части: полуостров Штралау со своими кварталами – Штралау-город и Штралау-деревня, в которых располагалось около 2 300 квартир, и прибрежные кварталы Руммельсбурга с 2 900 квартирами, памятниками архитектуры, ремесленным парком, а также третий район – Осткройц – с доминированием транспорта и обслуживания. В целом в 5 700 квартирах трех частей района запланировано более 11 000 жителей. Вместе с тем, район предоставлял около 10 000 рабочих мест. Это идеальное соотношение 1:1 в равенстве мест жилья и работы назвали «берлинским принципом смешения».

Число озелененных общественных территорий, включая 5,5 км пешеходной набережной полосы, спортивных площадок, составило 21 га – около 16% территории района. Транспортные территории и площадки заняли 23%. Транспортное обслуживание в специально разработанной концепции мобильности населения имеет ориентацию на общественный транспорт и предлагает развитие автобусных и трамвайных маршрутов, водных такси и аналогичных видов транспорта, улучшение подхода к пригородному транспорту. Изменение облика прибрежных районов станет прелюдией к радикальному переустройству города, который после падения стены и объединения Германии, после своей достаточно короткой столичной предыстории оказался

в состоянии предпринять очередную смену парадигмы, сопоставимую с переходом в 1871 году от прусской княжеской резиденции к столице первого немецкого государства. Через десять лет Берлин будет действительно выглядеть, как Нью-Йорк. Может быть, не только сверху, но и изнутри.

Предположить, что город строится на десятилетия или даже на века и уже не будет меняться, настолько же глупо, насколько убийственно само состояние полного покоя. Город – живой организм. Он растет, как растет дерево, как меняется природный ландшафт. Городской ландшафт – того же свойства. Он соответствует нервному устройству населяющих его людей – людей, которые его строят и формируют. И в этом случае каменная архитектура в своем упрощенном языке традиционных форм сообщает именно то, что человек в своем быстротечно меняющемся мире непременно хочет найти – устойчивость и стабильность. Именно в этом заключается эмоциональная ценность новой берлинской архитектуры. В то время как в жизни остается все меньше того, на что можно было бы положиться, город уподобляется мебелированной квартире, которая создает чувство дома и даже родины.

Речные парки: современная практика американских городов

текст и фото
Андрей Ляпин

Последнее двадцатилетие характеризуется большими изменениями в градостроительстве США. Во многих американских городах в это время были реализованы крупные проекты по реконструкции застройки в городских центрах. В первую очередь были затронуты территории тех промышленных предприятий, которые потеряли свое экономическое значение в ходе общих структурных изменений современной экономики и долгое время не выходили из депрессии. Сталелитейные и газовые заводы, товарные дворы железнодорожных компаний, складские территории промышленных и торговых зон – все те предприятия, которые остались в центрах современных городов без заказов, деловой активности и прибыли, превратились в зоны упадка и источник социальных проблем.

Начиная с середины 1980-х годов территории заброшенных предприятий стали объектом крупномасштабного градостроительного планирования. Во многих случаях, когда отслужившая промышленная застройка располагалась на берегу реки, городские власти создавали на ее месте озелененные зоны и крупные речные парки.

Тема «Речного фасада» или «Водного фасада» городов традиционно занимала важное место в американском городском планировании. С середины XIX века и до 1970-х годов это были набережные, береговые бульвары и небольшие парки у реки.

В новых условиях, когда произошло стремительное развитие сферы рекреации, развлечений и туризма, тема речных парков получила новый мощный экономический стимул к дальнейшему развитию. Произошло объединение прогулок со спортом. Потребовались многофункциональные крупные парки, куда можно было выезжать на машине всей семьей или компанией на целый день.

Бывший ранее центром металлургии, Питтсбург в Пенсильвании создает парки, набережные и деловые кварталы на берегу реки Аллегейни на месте цехов сталелитейных предприятий. Портленд в штате Орегон усилиями губернатора штата ликвидировал скоростное шоссе по берегу реки Уилламетт в центре города и создает на его месте речной парк протяженностью в полтора километра. Новую набережную формирует Лансинг в Мичигане. Все это города, по населению и значению в регионе сопоставимые с Иркутском. Крупнейшие города Нью-Йорк и Филадельфия также реализуют проекты по рекреационному использованию бывших промышленных территорий.

Один из самых успешных и одновременно уютных проектов по созданию речного парка был реализован в столице Калифорнии, городе Сакраменто.

В середине 1970-х годов исторический центр этого крупного административного, торгового и промышленного центра Калифорнии (700 тыс. жителей) был определен как особый исторический район – «Старый Сакраменто». Здесь сохранились здания второй половины XIX – начала XX века, сохранилось много памятников и исторических реликвий, передающих дух и атмосферу эпохи освоения Дальнего Запада. Около 30-ти кварталов деревянной и кирпичной застройки рубежа XIX-XX века вдоль реки Сакраменто были заботливо реставрированы, объявлены историческим районом и получили статус Исторического парка штата. Здесь же был устроен Железнодорожный музей штата Калифорния – самое большое собрание старой железнодорожной техники в США и в мире.

Проект речного парка стал частью большой комплексной программы по реконструкции исторического центра Сакраменто. В финансовом плане парк реализовывался

Раннее утро в Нашвилле, штат Теннесси. Каждый год в первые дни июня в этом городе проводится один из главных музыкальных фестивалей США. Организаторы фестиваля используют парк реки Камберленд в центре города как сценическую площадку. Вечером этого дня на огромной плавучей эстраде будут выступать «звезды» американской музыки, а на четко спланированном террасном газоне-амфитeatре соберутся тысячи зрителей. В дни Фестиваля вход на набережную парка становится платным, а масштабная прибыль от нескольких дней Фестиваля идет не только организаторам шоу-бизнеса, но и в бюджет города, в том числе и на содержание парка.

как самостоятельный проект, однако функционально был тесно увязан со всей реконструкцией центра города. «Бидвелл Сакраменто речной парк» – такое название получила эта зеленая полоса вдоль реки Сакраменто, она имеет протяженность 4 мили (около 6,5 км) и площадь более 70 га. Парк начинается в центре города, среди кварталов Старого Сакраменто, и продолжается на восток, следуя параллельно музейной туристической железной дороге по берегу реки. Положение парка в городе обеспечивает большое многообразие видов, картин и перспектив. Фронт застройки с северо-восточной стороны парка периодически прерывается, и в эти моменты раскрываются широкие виды главных улиц и магистралей города – центральная авеню с величественным Капитолием штата, небоскребы делового центра, переплетение многоуровневых транспортных развязок на магистрали, ведущей к побережью Тихого океана. Важнейшие композиционные оси городского плана вовлечены в пространственный ансамбль речного парка.

Стилистика ландшафтного оформления выдержана в духе классических английских пейзажных парков. Небольшие рожицы чередуются с обширными газонами и уютными лужайками, каждая особенность рельефа или своеобразное по красоте дерево умело подчеркиваются. В парке создана инфраструктура для отдыха и спортивного туризма. Организованы точки доступа к воде и ramпы для любителей рафтинга, путешествий на байдарках и каноэ. Существуют велосипедные дорожки и многочисленные пикниковые площадки.

Сам парк является государственной собственностью, однако некоторые услуги в парке сдаются в аренду частным предпринимателям. Например, большой популярностью у горожан и туристов пользуются экскурсии по реке на старых парходах, которые принадлежат частным владельцам. В общем стремлении улучшить качество жизни и архитектурной среды в своих городах муниципалитеты используют те специфические особенности, которые отличают именно их город или регион.

Группа туристов производит посадку на прогулочный пароход в Речном парке Сакраменто

На Американском Юго-Востоке в XIX веке большое пространство получило строительство судоходных каналов. Опираясь на реки как на дешевые и стабильные транспортные пути, промышленники создали сеть судоходных каналов, которая конкурировала с железными дорогами по рентабельности и эффективности почти до конца XIX века.

Город Колумбия, столица штата Южная Каролина, стоит на реке Салюда. Судоходные каналы здесь были созданы отдельными участками параллельно реке для преодоления порогов и спрямления русла. Салюда не очень большая, но своенравная и сильная река. Она и сегодня является важнейшим ландшафтным акцентом западной части города. Благодаря каналам оказалось возможным организовать судоходство от побережья Атлантического океана вглубь материка более чем на 300 километров.

Каналы в окрестностях Колумбии были заброшены уже в 1920-е годы. В 1980-е на их месте было решено создать Речной парк, предназначенный для активного отдыха и спорта. Сейчас парк протянулся более чем на 4 километра по берегу Салюды. Он включает в себя велосипедные дорожки, причалы и ramпы для байдарок и каноэ, благоустроенные и оборудованные площадки для пикников. Создана система утилизации отходов, равномерно размещены туалеты для посетителей парка. С юго-востока к Речному парку примыкает большой зоопарк, очень любимый жителями города. В числе обитателей зоопарка содержится уссурийский тигр под названием «Сибирский тигр». Речной парк Салюды – это природный парк, и ландшафтное оформление подчинено здесь экосистеме реки.

Тем не менее парк спроектирован изобретательно и с большим художественным вкусом. Там, где оказалось возможно, архитекторы ввели новые образы и формы. Здание небольшой электростанции, построенной в начале XX века, осталось заброшенным в полосе берега, отведенной для парка. Городские власти выкупили строение и приспособили его для Городского любительского театра. Яркое, праздничное решение реконструкции этого рядового промышленного здания формирует современный и запоминающийся образ. Идеально отреставрированные кирпичные фасады электростанции дополняются в меру гротескными деталями в стиле хай-тек и историческими аллюзиями на тему театра.

В городе Чаттануга, штат Теннесси, Речной парк Теннесси стал ядром возрождения делового центра города. В 1990-е годы программа по экономическому развитию и реконструкции исторического делового центра этого небольшого города стала одним из лучших образцов городского развития в США.

С середины XIX века Чаттануга была важнейшим узловым центром железнодорожного сообщения на Американском Юге. Основу экономики города составляли металлур-

Речной парк реки Салюда, город Колумбия. Вдоль берега реки идет прогулочная дорожка. В местах пересечения ручьев устраиваются деревянные настилы и мосты. Пример экологического стиля ландшафтного оформления.

Кулидж-Парк в Чаттануге спроектирован ландшафтными архитекторами фирмы «Хаджес, Гуд и О'Лири-Райан» из Атланты и открыт для публики в 1999 году. Образ парка исходит из особенностей реки Теннесси. Синяя бетонная дорожка, символизирующая реку, «бежит» по территории всего парка, соединяя разные функциональные зоны.

гические предприятия и оптовая торговля. К 1970-м годам сталелитейные заводы были уже закрыты, а поток оптовой торговли резко уменьшился в связи с изменением направлений грузопотоков. Город оказался в глубокой экономической и социальной депрессии.

Команда, которая взялась за возрождение города, сделала ставку на улучшение качества городской среды и туризм. Стержнем всей программы возрождения города стал новый Речной парк Теннесси – обширный многофункциональный парк на месте портовых и железнодорожных складов.

Мастер-план Речного парка завершен в 1985 году и после детального обсуждения общественностью города был принят к реализации. Как главный элемент парка и всей туристической экономики города был создан Аквариум Теннесси – самый большой пресноводный Аквариум в США. Этот крупный объект познавательного и семейного туризма сразу изменил образ и значение Чаттануги в регионе. Аквариум был открыт в 1992 году, и меньше чем за год его посетили более миллиона человек.

Следующим шагом стало развитие туризма, рекреации и сферы обслуживания в исторических кварталах, прилегающих к новому парку. Парк стал основой для возрождения деловой активности даунтауна – делового центра города.

В 1993 году открывается после реставрации старый мост через реку Теннесси, построенный в 1897 году. Металлические конструкции моста позапрошлого века оказались слабыми для современных тяжелых автомобилей. Теперь мост предназначен только для пешеходов, для проведения городских фестивалей и для любителей скалолазания.

На левом берегу реки, в обе стороны от Аквариума, в течение 1990-х годов продолжается создание Речного парка Теннесси: зеленые газоны, небольшие рощи среди отреставрированных зданий XIX века, велосипедные и беговые дорожки, уютные кварталы с художественными галереями и кафе. Парк вытягивается более чем на 2 километра по берегу Теннесси.

Вдоль созданного парка возникают стадион, гостиницы, деловые центры и рестораны. Число мест в гостиницах, пансионатах и мотелях небольшой Чаттануги с населением в 150 тыс. жителей достигает сегодня 13 тысяч. Это в 5 раз больше, чем в Иркутске, население которого составляет 583 тыс. человек.

В 1999 году наступает новый этап развития Речного парка – открывается Центр академической гребли и гребли на каноэ на левом берегу Теннесси, а на правом берегу создается парк для семейного и детского отдыха, Кулидж Парк, названный по имени одного из заслуженных уроженцев Чаттануги. Здесь разместился также Городской Академический театр и Региональный Центр поддержки малого бизнеса.

Более десяти лет прошло с момента начала возрождения исторического центра Чаттануги до открытия нового парка семейного отдыха. Деловые круги уже обрели доверие к программе Речного парка. Они уже знают о преимуществах территорий, прилегающих к новому парку. На следующий год после открытия Кулидж Парка стоимость недвижимости в кварталах, прилегающих к парку, выросла в 7 раз.

Двадцать лет продолжается программа «Речной парк Теннесси». Однако у городских властей и предпринимателей нет мыслей об окончании программы. В планах намечено дальнейшее развитие Речного парка, выход спортивных, рекреационных и заповедных природных территорий за пределы городских земель, создание бизнес-парков и техно-парков, размещение центров передовых технологий на землях, прилегающих к новым участкам Речного парка.

Парковое строительство в России сегодня продолжает оставаться в кризисе. Только несколько лет назад намечалось оживление в сфере создания парков вокруг Москвы и в Петербурге. О новых крупных городских или природных парках в городах российской провинции ничего не слышно.

Концепция современных многофункциональных речных парков – самая передовая проектная технология создания городских рекреационных территорий – в наших городах пока не обсуждается.

Города Восточной Сибири расположены на берегах красивых, быстрых и чистых рек. Ангара, Иркут и Ушаковка в Иркутске, Селенга и Уда в Улан-Удэ, Читинка и Ингода в Чите требуют благоустройства и могут предоставить превосходные возможности для речных парков нового типа.

Американская практика создания современных речных парков дает превосходные образцы, которые стоит изучить. Безусловно, что использование лучших достижений паркового строительства США в городах Сибири способно сделать наши города и удобнее, и красивее.

Искусственные земли Японии

ТЕКСТ
Евгения Сержант

Согласно исследованиям Географического Исследовательского Института в Цукубе (Япония), территория Японии увеличилась на 1085 квадратных километров с 1950 по 2004 год благодаря появлению искусственных прибрежных территорий – так называемому «освоению земли».

Столкнувшись с проблемой перенаселения городов, японцы были вынуждены искать резервы для дальнейшей экспансии. Более двух третей территории Японии – горы, начинающиеся сразу же из аллювиальных равнин. Для сооружения развитых железнодорожных и шоссейных систем, связывающих крупные города, требуется создание протяженных систем тоннелей и мостов. Предложенные крупномасштабные проекты освоения склонов оказались очень трудными и затратными. Более подходящим резервом для урбанистической экспансии оказалось море. Несмотря на высокую стоимость осуществления проектов, японцы наглядно продемонстрировали, что земля обладает достаточной ценностью, чтобы оправдать продвижение в сторону моря в беспрецедентном масштабе.

Первоначально целью освоения земель была поддержка тяжелой индустрии и торговли. Значительная часть послевоенного экономического успеха Японии приписывается умелой трансформации импортируемого сырья в ходовой экспортный товар. Сегодня Япония импортирует до 80 процентов природных ресурсов, и это объясняет присутствие практического смысла при расположении центров производства в тесном взаимодействии с портовыми системами распределения. Более того, в связи со значительными потребностями в свободном пространстве и планировочными требованиями фабрик и заводов, было также практично строить подобные сооружения в удалении от центра горо-

да и плотных жилых районов, но поблизости от контейнерных площадок и грузовых портов.

В последние десятилетия крупные производства выносятся за пределы страны в стремлении найти более дешевые источники рабочей силы. Изменения промышленной структуры Японии привели к физической трансформации в городах, особенно это проявилось в портовых зонах. Смешанный тип использования прибрежной полосы, характерный для западных приморских городов (таких как New York's Battery Park City или London's Docklands), раньше практически не существовал в Японии. Но сейчас ситуация меняется.

Во вновь проявившемся атавистическом порыве метаболизма градостроители, застройщики и архитекторы проектируют новые утопические прибрежные города со светящимися офисными башнями, отелями, выставочными залами, многоэтажным жильем, торговыми центрами, парками и развлекательными комплексами. Вышедшие из моды металлургические производства сносятся, чтобы освободить место для новых финансовых и сервисных предприятий, жилья и культурных заведений. Несмотря на опасность разжижения основания в случае землетрясения вдобавок к необходимости экологической очистки промышленных территорий искусственный остров – это весьма привлекательное место для нового урбанистического освоения такого рода. Удобное для строительства плоское, крупномасштабное пространство с хорошо организованной сетью дорог и близостью к воде – это то, что застройщик только может пожелать. Промышленность оставила на японском индустриальном архипелаге достаточно совершенно незастроенных земель, которые использовались для контей-

фото
Петер Фойстель
(Германия)

нерных складов и грузовых площадок. Они и вовсе представляют собой настоящую *tabula rasa* для новой застройки. В действительности, любой может легко ощутить острый контраст между беспорядочной скученностью большой земли и четкой структурой новой «освоенной территории».

Возможно, наиболее известная схема освоения земель – это Генеральный план Токио 1960 года, в котором Кензо Танге предложил линейный комплекс хайвеев, соединяющий концентрический центр Токио с пригородами вдоль залива.

План должен был улучшить инфраструктуру и поддерживать жилую застройку в рамках модели города для формирующегося информационного общества. Мегаструктурные офисные и жилые здания были спроектированы группой архитекторов, сформированной Кензо Танге. Новая версия плана Токио 1986 года предложила мультицентровую урбанизированную зону с двумя сопутствующими городами – одним вдоль берега и другим на заливе. Новая фаза включала продление проектируемой оси дальше до противоположного берега залива. Если посмотреть на Токио сегодня,

можно увидеть, какое сильное воздействие на развитие прибрежной полосы оказал Кензо Танге.

Широко известные современные примеры инновационного использования освоенных земель включают порт-овый остров Кобе, остров Рокко (1990), *Yokohama's Nexus World project* (1991), международный аэропорт Кансай в Осаке (1994), который был спроектирован архитектурным бюро Ренцо Пиано, также новый аэропорт, открытие которого было приурочено к старту Всемирной выставки «Экспо 2005» в префектуре Аичи.

Сейчас каждый прибрежный город в Японии имеет, как минимум, высокотехнологичный порт, построенный на отсыпанных землях, настоящее японское побережье увидеть почти невозможно, особенно с восточной стороны. В Токио, Иокогаме, Осаке и Нагойе «освоение земли» уже передвинуло естественную линию берега на многие километры от ее первоначального расположения. Сохранившиеся ворота и храмы, которые когда-то обозначали вход в город сотни лет назад, сейчас окружены плотной застройкой, отделенной от моря целыми городскими районами.

Город и река

Отвлеченные размышления путешественника

текст и фото
**Александр
Колесников**

< Бильбао.
Пешеходный мост архитектора С. Калатрава на фоне строящегося многофункционального комплекса архитектора А. Исодзаки

Перпиньян. Благоустройство берегов реки Тэт

Бильбао.
Пешеходный мост Педро Аррупэ. Архитектор Л.Ф. Ор-донец

Путешествуя, получаю ни с чем не сравнимое удовольствие не только от отдыха, не только от увиденного нового, но и от неожиданных мыслей, а зачастую и решений по давно тебя волнующим вопросам градостроительства.

Осенью прошлого года удалось побывать на юге Франции и северо-западе Испании почти одновременно – во французском Перпиньяне и испанском, а точнее, баскском Бильбао. Абсолютно разные города и по численности населения, и по своей истории, и по планировочной структуре, и по своему современному облику наконец. Объединяют их удивительные ландшафты предгорий Пиренеев, богатые активным рельефом, лесами, озерами и, конечно, реками, на берегах которых и расположились эти два города.

Река Тэт в Перпиньяне – небольшая, даже слишком для почти двухсоттысячного города, но важная планировочная составляющая, с которой связана вся история этого города – от момента возникновения в XII века до наших дней. И вот для повышения значимости, масштабности и важности этой природной составляющей города ей искусственно градостроительными, архитектурными и ландшафтными средствами придается совершенно новый, крупный, соразмерный городу масштаб.

Русло облагорожено и расширено за счет оформления береговой линии с обеих сторон газонами, цветниками и пейзажами, сформированными группами разнообразной зелени.

Газоны стрижены, кустарники и цветники рукотворны и по-городскому ухожены, но по планировочным отметкам находятся почти в одном уровне с водой. Подпорные стенки набережной, мосты, тротуары и проезжая часть го-

рода, его «суэта» расположены значительно выше. Это дает возможность созерцать и явственно ощущать важность и значимость этой красоты для городского ансамбля в целом и для каждого горожанина отдельно.

Благодаря простым решениям увеличился масштаб важнейшего планировочного элемента – русла реки, реально существующего экологического каркаса, объединившего весь город, а не затерявшегося в городской ткани, не заросшего бурьяном, не пропущенного в трубе под мостовыми.

Бильбао, столица свободолюбивой страны Басков, – город, не похожий на провинциальный Перпиньян. Столица одним словом. Население около пятисот тысяч человек. И река уже не такая, как Тэт во Франции. Рио-де-Бильбао не спеша устремляет свои воды в Бискайский залив, в Атлантику.

Река серьезная – более ста метров шириной. Но и здесь, так же как в Перпиньяне, не покидает ощущение реки как пространства, объединяющего город, не разделяющего его, а именно объединяющего, собирающего и организующего в единое целое все самое ценное, что есть в нем. Все главные городские комплексы Бильбао: площади, театры, вокзалы, церкви, музеи, университет, парки и скверы – расположены здесь, устремлены в своем развитии сюда, к основному протяженному городскому пространству – к реке, главной связи города и его частей с целым миром, с океаном. С самого начала XIV века, с момента возникновения поселения, город и река существуют вместе. Кажется, что люди, живущие в этом городе, планомерно и бережно развивают и совершенствуют это сосуществование.

> Бильбао. Пешеходный мост, арх. С. Калатрава

Бильбао. Вантовый мост Дэ Ла Сальве

Бильбао. Панорама набережных р. Рио-де-Бильбао и музей Гугенхайма

Бильбао. «Старый» город

Я думаю, что это один из важнейших факторов, способствующих процветанию Бильбао и в наши дни. И не случайно именно здесь Фрэнк О. Герн построил музей Гугенхайма и Сантьяго Калатрава – Зубизури, удивительный пешеходный мост, а рядом Арата Исозаки уже строит новый общественно-деловой центр, сэр Нормат Фостер – автор комплекса метрополитена, а Заха Хадит выиграла очередной международный конкурс опять же в Бильбао. И все это великолепия, начиная с церкви Святого Антона постройки 1433 года и кончая музеем Гугенхайма с не менее, чем он сам, авангардным пешеходным мостом через Рио-де-Бильбао, облицованным натуральным деревом, формирует неповторимый облик развивающегося современного крупного исторического города на реке. Воочию видишь достигнутое равновесие природного и рукотворного начал главной оси, русла города – комплекса реки с плывущими рыбами в ее водах, мостами, разнообразными по форме, материалам, времени постройки (их более десяти в Бильбао) и всеобъединяющего высокого качества благоустройства.

Здесь, как и в Перпиньяне, почти физически ощущаешь наслаждение от нахлынувшего вдруг на тебя понимания, а скорее подтверждения того, что в конечном счете полноценное городское пространство – это одновременно и результат и вечная мотивация, провокация, если хотите, высокой созидательной, преемственной творческой деятельности многих поколений горожан.

Почему-то ни разу не возник вопрос: а как же с загрязнением рек Тэт и Рио-де-Бильбао, с охраной природы в городе, с водоохранными зонами, экологией наконец? И вот тут оказывается, что мы все перепутали и запутали сами себя. Охрана природы и экология – абсолютно разные понятия. В центре понятия экологии находится человек, его сообщества, такие как городское сообщество, например, и их отношение с окружающей средой. Греческое слово «экос» переводится как дом, жилище, местопребывание человека, горожанина в нашем случае. И экологический каркас города, понятие, устоявшееся в теории и практике градостроительства, это не его природная составляющая, а квинтэссенция, формализованная сущность этих отношений в городском организме.

Некоторое время спустя с благодарностью вспоминаешь и Перпиньян с рекой Тэт, и Бильбао с Рио-де-Бильбао, позволившие приблизиться к пониманию, градостроительному осмыслению и значимости роли реки в развитии города.

Вернувшись, уже по-другому представляешь роль и упущенные возможности маленькой речки Сарафановки в формировании Ново-Ленино, Ушаковки – в предместье Рабочем, Олхи – в Ново-Мельниково, Иркутта – в Шелехове, Китоя – в Ангарске.

А Иркутск?

Как город, возникший на крупной реке, сформировавший величественный соборный комплекс на ее берегу, обращенный в сторону Москвы, метрополии, сооружение, к масштабу которого даже близко не приближается ни одно современное здание, за неполных сто лет развернулся на сто восемьдесят градусов задней частью и к руслу реки, и к метрополии.

Сегодня Иркутск, в отличие от Перпиньяна и Бильбао, соприкасается с берегами рек Ангары, Иркутта, Ушаковки на протяжении более пятидесяти километров, и только не полных четыре из них, а это – бульвар Гагарина и часть ЦЭСовской набережной, благоустроены.

Но это, пожалуй, тема других размышлений на извечную тему жизни города на реке.

CON LA FINANCIACIÓN DE
SIVA

Акватории и их роль в формировании городского пространства

текст, фото и графика
Полина Колесникова

Тенденция подчинения планировки города ландшафтным особенностям территории прослеживается на протяжении всей истории градостроительства.

Это в полной мере относится и к застройке прибрежных территорий, которые со временем подверглись радикальным преобразованиям, результатом которых зачастую становится разрыв связей между водным пространством и пространством города в целом.

На современном этапе город пытается переосмыслить природную составляющую, которой он обязан началом своего развития. Возникает потребность возвращения к воде как к составляющей активной городской жизни, в том числе и рекреационной, туристической, коммерческой.

От Санкт-Петербурга до Токио, от Сиднея до Роттердама предлагаются новые идеи застройки прибрежных территорий, расположенных в высоко урбанизированной среде и имеющих большую историческую и ландшафтную ценность.

Осенью 2003 г. в столице Камбоджи – г. Пном-Пене по приглашению правительства страны состоялась международная сессия Градостроительного университета Сержи-Понтуз (Франция), в которой приняли участие студенты и молодые специалисты в области архитектуры, градостроительства, экономики и ландшафтного дизайна из разных стран, в том числе и из России.

Задачей сессии было найти эффективное градостроительное предложение по дальнейшему использованию прибрежной территории озера Боен Как, расположенного в северной части города. Сам факт того, что озеро столь крупных размеров (1 км в ширину, 1,5 км в длину) находится в центре городской застройки, можно назвать уникальным явлением в истории градостроительства.

С учетом тенденции роста города в северном направлении озеро приобретает значение важнейшего центрального элемента общегородского центра Пном-Пеня.

Сегодня же берега Боен Как – территория лагун в городе (от 3200 до 4000 семей в зависимости от сезона). По окончании военных действий в середине 1970-х годов начался стихийный процесс возвращения беженцев в город. Многие из них остались без жилья, и достаточно свободная от застройки территория озера была плотно оккупирована нелегальными жилыми строениями. Из-за отсутствия элементарных удобств и инженерной инфраструктуры произошло быстрое загрязнение озера, что может привести к экологической катастрофе в городе.

Для большинства живущего здесь населения основным транспортом является железнодорожный, который в настоящее время функционирует не должным образом, а железнодорожное полотно частично повреждено, частично приведено в негодность.

В то же время для столицы государства вопрос благоустройства территории подобного рода, особенно в центральной части города, необычайно актуален.

Район озера Боен Как – очевидный потенциал будущей рекреационной зоны общегородского значения, где необходимо восстановление и развитие рекреационной функции, какой озеро обладало в прежние времена, когда здесь располагались муниципальные сады и проводились важные общественные мероприятия, например известный «Водный фестиваль».

Для того чтобы разработать оригинальный проект благоустройства и преобразования района озера Боен Как в рекреационную зону общегородского значения, необходимо было предложить оптимальное градостроительное решение, которое позволило бы улучшить и развить центральную часть столицы и в то же время сохранить благоприятное для города влияние водоема.

Одновременно необходимо было найти решения по осушению территории северных районов столицы – направле-

ния дальнейшего развития и благоустройства города, подвергающихся подтоплению и даже частичному затоплению в период дождей.

С учетом этого итоговое градостроительное предложение предусматривало создание нового административно-общественного центра с организацией рекреационного пространства прибрежной части озера.

Оно включает в себя формирование нового городского линейного центра для разгрузки исторической части города, в которой на данный момент сконцентрированы практически все необходимые функции по обслуживанию населения. Это, в свою очередь, стимулирует интенсивное освоение северных районов города вдоль основного исторического направления, центральной композиционной оси Пном-Пень – бульвара Монивонг.

Использование рекреационного потенциала озера Боен Как включило в себя: организацию благоустроенной набережной и общественных пространств, размещение объектов, исключающих загрязнение окружающей среды (спортивно-оздоровительного комплекса, концертного зала, открытых площадей), восстановление культурно значимой функции озера как места проведения традиционных общегородских празднеств и фестивалей.

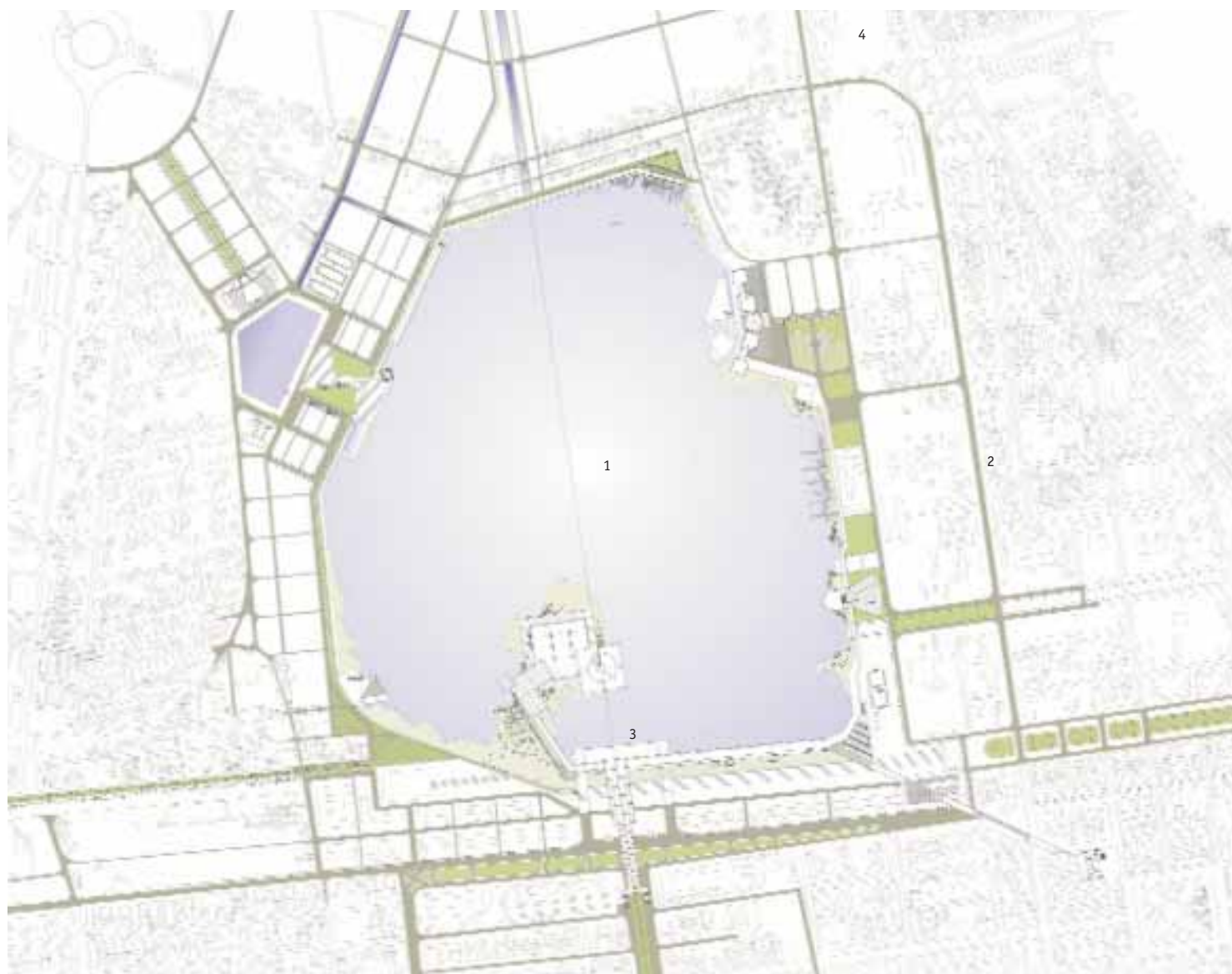
При этом система каналов, пронизывающих северную часть города, способствует поддержанию нормального уровня воды в естественных водоемах, соединяя озеро Боен Как и крупный по своим масштабам затопляемый уча-

сток в северо-восточной части города. Это позволяет практически исключить затопление всей рассматриваемой территории. Кроме этого сохраняются растения, максимально способствующие естественному очищению воды в озерах и каналах.

Проект реабилитации и развития комплекса рекреационных пространств Пном-Пень в единой системе общегородского центра получил высокую оценку как профессиональных экспертов, так и муниципальных служб возрождающейся столицы Камбоджи.

Организация рекреационного пространства города Пном-Пень:
 1 - озеро Боен Как
 2 - бульвар Монивонг
 3 - ж/д вокзал
 4 - спортивный центр

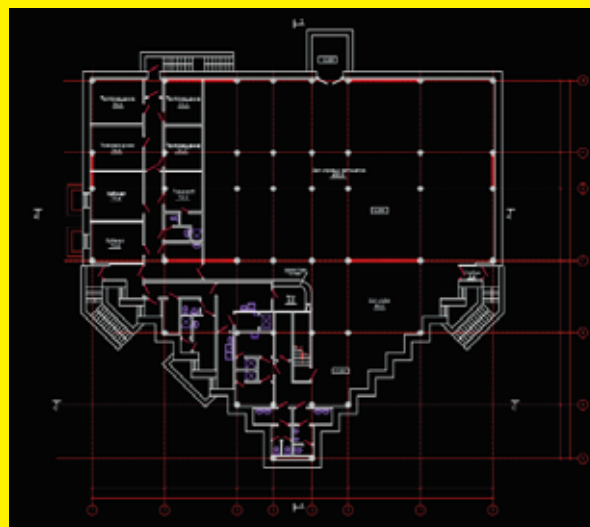
Развлекательный боулинг-центр в г. Красноярске

Авторы проекта:
Проектная мастерская
«А-2», г. Красноярск
Архитекторы:
Устюжанина И.В.,
Енджиевская Н.Н., Шаталов А.Б.,
Шаталов Б.Б.
Инженеры: Хвостова Ж.В.,
Якубчук В.Э.
Проектирование, 2004 г.
Строительство, 2004-2005 г.

Боулинг-центр расположен в жилом массиве «Аэропорт», наиболее интенсивно застраиваемом районе г. Красноярска.

При скромных размерах здания (2180 м² общей площади, два этажа+цокольный) и весьма ограниченной смете на строительство авторам удалось создать здание с «аутентичной внешностью», впоследствии подсказавшей хозяевам название для заведения – «CUBE». На одном пластическом приеме (в один присест) выстроен объект, не теряющийся среди типовых многоэтажек, легко «выхватываемый взглядом» даже при движении в автомобиле по проспекту Молокова – магистрали городского значения.

На первом этаже расположены вестибюль с гардеробом, боулинг на 8 дорожек, бар и холлы с местами для отдыха. На втором этаже расположен зал для игры в бильярд на четырнадцать 12-футовых столов и спорт-бары на 60 посадочных мест. В цокольном этаже находится VIP-бильярдная на шесть 12-футовых столов с удобными местами для отдыха посетителей и баром на 30 посадочных мест, а также кухня, загрузочные, административно-бытовые, технические и подсобные помещения.

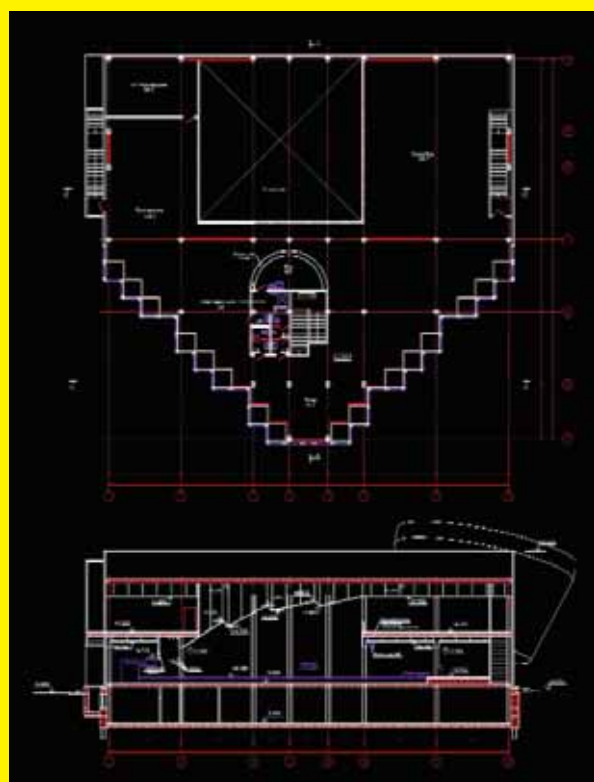

План на отм. -3,300

План на отм. 0,000

План на отк. 4.200

Разрез 2-2

Summary

Page XXII

Symbols of Creation

Spatial arts, including sculpture, exist in the material sphere of culture and model the spatial aspects of the universe by themselves...

Dmitri Budazhabe's sculpture appeared to link the epochs of the old oriental cultures to the modern life. His works are decorative objects and at the same time the rite symbols, which contain deep aspects of the Buddhism.

The sculptures and vessels for incense bravely model the interior space and simultaneously play a leading part in it. They are made artistically and first of all evoke peaceful feelings. The small steam of the incense smoke, coming out of special channels, continues to create the environment even beyond the vessel, involving the observer in the rite. The oriental images invite us to make philosophical conclusions and to search for eternal truth...

Dmitri Budazhabe's works are performed in bronze moulding.

Together with exotic forms, each sculpture has particular meaning. Thus the names sound lyrical and romantic: «The Treasure that Fulfils Wishes», «Sarasvati (The Goddess of the Morning Star)», «The Warrior of Shambala» etc. Flexible sculptural bodies, plastic compositional decor and fleshy bulging forms recall melodies of the mysterious East and the eternal secret of the hidden symbols, that one's curious mind aspires to reveal.

Dmitri Budazhabe's works are often designed for Buddhist temples, made by special request and used for rites. At the moment the author is finishing the work, which he considers to be of great moral importance: it is a 2-meter sculpture of Buddha for Dazan. When watching his work the sense of time disappears... There is no past; presence merges with future—only Aspiration for perfection moves the author's hands.

Nadeshda Komarova

Page XXIV

Anniversary Exhibition. Nechvolodov.

On the 10th of August, 2005 in Tartu (the second biggest educational and cultural city in Estonia) Stanislav Nechvolodov's exhibition was opened to show the 5-year cycle of his work, traditional for the author and his admirers. At the opening ceremony Nechvolodov said that the exhibition was the last one and appointed on his 70th anniversary.

The architectural and building society in Irkutsk remembers Stanislav Nechvolodov as an architect working on dwelling and civil buildings in 1960-70 s.

Below are some extracts from the Estonian press.

«Postimees» newspaper, December 1993. The interview «Expressionistic naturalist, conservative Nechvolodov» by journalist Eric Linnumyagi. He asks about all the details and describes the troubles experienced by Nechvolodov during the perestroika period in Estonia, for example: the Tartu University refused to install the sculpture of

Socrat, the art school refused to engage him as an instructor, the sculpture of Socrat moved to Vroclav, Poland, and Nechvolodov moved to Poland to read lectures there.

«Tartu» newspaper, November 2000. Mats Oun, artist, says in the article «Nechvolodov: a man of Renaissance»: «Nechvolodov works in Estonia, his works are placed in many local and foreign museums. Regardless some insignificant faults, he deserves a high estimation, and his many-sided open exhibition can be an example for other artists. He is a man of Renaissance».

Page

«SAUMA. Design as Cultural Interface»—this is the name of the exhibition of Finnish design works that took place in the new building of the Embassy of Finland in Washington. Specialists consider it to be the most intriguing collection of the contemporary Finnish design exhibited in Washington since 2001. The Finnish word «sauma» means junction, boundary, and in the colloquial

language—a chance to try something new. The «SAUMA» project is 2 years old. It involves innovational individual works.

After its opening in

October 2005 in Washington, the exhibition will move to New York and then people of the north American cities will have an opportunity to visit it during two more years.

Landscapes of Lake Baikal: «To protect or to build» Town planning motivations of the stable development of the region

Building, planning, engineering facilities of the inhabited places of Lake Baikal and organization of the recreational areas for tourists, as well as organization of the particularly reserved natural territories should maintain everlastingly untouched the beauty and the cleanness, the natural diversity and the uniqueness of the nature of Lake Baikal, that makes it glorious and attracts tourists and inhabitants so much. Is it possible? And how to combine technical conditions of civilization, to which we have got used so much (energy supply, canalization, asphalt roads, automobile transport, oil-pipelines, developed cities and villages), and aspiration of many investors, who would like to organize a profitable tourist business, together with the goal to protect the nature of Lake Baikal.

To protect or to develop the landscapes of Lake Baikal, and which landscapes to urbanize and which to restore, and how to equip the developed territories, and how to maintain the protected natural landscapes—these questions compose a complex national task. Its accomplishment is firstly based on studying and maintaining the diversity of landscapes of the region and its importance as the global natural heritage. Secondly, the stable development of the region is possible only when solving the conflicts of land-utilization motivations in a right way at the expense of building the rational network of the Baikal landscapes from the reserved to the urbanized ones.

Andrej Bolshakov

Page 10

Architects, Bandits and Knights

Some quotations:

«A new disaster has been added to pollution of the unique lake—it is cottage development of the coast».

«The trouble is that the projects are realized without even being seen by architectural society. Including the objects on the coast of Lake Baikal. We took Sergey Kiselev to see one of such objects, it

was a half-completed building. Like other Moscow colleagues he admitted that it was an obviously conceited excess. In general almost every object recently built in Listvyanka represents a burst of excess... What is happening here with architecture and urban planning is absolutely inadmissible».

«Current capital development at Lake Baikal visually pollutes the coast, bringing alien elements to the landscape and view (for example, the cottages of pseudorussian style and cabin cars)».

Acting as a client of architectural and design project Russian mafia has a number of individual characteristics. Firstly, an ordinary businessman is childishly confident that the architect's (or designer's) work is a very interesting and fascinating stuff. He believes that this work gives lots of pleasure and entirely consists of creative discoveries and triumph. By the way already ancient Greeks considered creativity to be a sort of Eros. So the mafia client is eager to take part in such a pleasant thing. In spite of expressing his wishes clearly and giving the way to the professional, the client strives for being both a participant and a co-author of the project. At best he is constantly bothering the architect with many pieces of advice and «valuable suggestions». At worst the project,

which is already finished, approved and even paid, is altered by the client during the process of its realization, while the author is not even informed about it. The building completed, the shocked architect sees a monster that has arisen from his project as a result of «the editing».

Secondly, any typical Mafioso finds it very important to persistently exhibit his aggressiveness and readiness to start the struggle end even to die. The cult of physical strength and defiance of danger is one of fundamental principles of the mafia corporate culture. The client's drive to provoke a quarrel and to explain «who is the boss» makes the relations between the architect and the client very peculiar.

Thirdly, a productive labour interdiction is another important feature of traditional mafia culture. This view is a variation of the famous «idle class» ethos brilliantly described by Veblen Thorstein in his classic work. The ethics of the members of the idle class, which is also called by Veblen a «predatory class», forbids them to work or to be involved in any productive labour. Instead it allows them to fight, to govern the state and to go in for sport. From the point of view of the predatory culture there are only two types of people. The first one includes warriors, fighters and bandits, they

arouse «fair» emotions of anger and fury as rivals or companions-in-arms on the field of battle. The second type is represented by bastards, brutes and plough cattle, they are worth nothing but contempt. Most citizens' opinion on the building is of no importance. Only what the respected people of the same type, that is mafia «good guys», say (or think) about it is taken into account.

The tendencies to erect such incongruous and ugly buildings on the coast of Lake Baikal can hardly be stopped easily and quickly. Those tendencies have very deep roots. They are based, though in a perverted and wry manner, on the old traditions of Siberian culture. So it is senseless to struggle, to forbid and to show anger and contempt towards an uncultured wilful client. As well as it is no good to have «what can I do for you?» attitude and to follow all the whims of the predatory class.

Konstantin Lidin

Директор института Кузаков Н.А.

ОАО «РЖД» ИРКУТСКЖЕЛДОРПРОЕКТ

Иркутский проектно-изыскательский институт «Иркутскжелдорпроект» ОАО «РЖД» ведет свою историю с 1938 года. Сегодня это крупное предприятие, выполняющее полный комплекс проектно-изыскательских работ. Свою миссию институт видит в проектировании безопасных и высокотехнологичных предприятий и объектов для железнодорожной отрасли, а также красивого, удобного и недорогого жилья для жителей Сибири. Стратегической целью института является создание проектных разработок и услуг, отвечающих самым высоким критериям качества, для максимально полного удовлетворения требований и ожиданий потребителей.

Для достижения поставленных целей в институте разработана и внедрена система управления качеством на основе международных стандартов ISO 9000-2000. Система получила международный (IQNet) и отечественные («Госстандарт России», «Русский Регистр») сертификаты соответствия.

Наш адрес:
г. Иркутск,
ул. Карла Маркса, 55
Тел./факс:
(3952) 64-40-27
e-mail:
nkuzakov@irk.esrr.ru

Высокое качество разработок «Иркутскжелдорпроекта» подтверждают многочисленные дипломы, завоеванные на российских и международных конкурсах.

Установление новых контактов и укрепление сложившихся деловых связей является приоритетным направлением развития института.

Реконструкция производственной базы фирмы «Ликон» на ул. Тракторной Ленинского района (гипермаркет). Проект.
Архитекторы: Красильников А.Г., Щукина М.А., Григорьев М.С.

ПРИГЛАШАЕМ ВАС К СОТРУДНИЧЕСТВУ

DEMETRA[®]
ГРУППА КОМПАНИЙ

ОКНА XXI ВЕКА

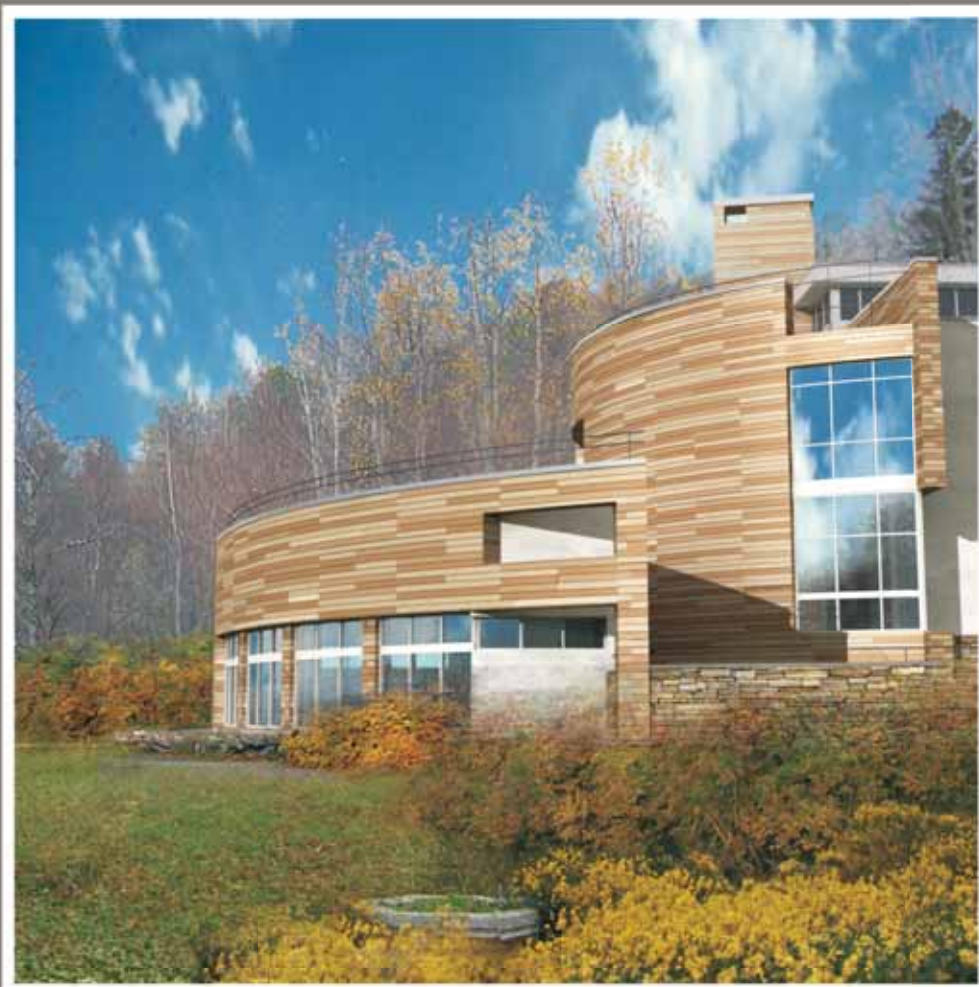
SoftLine (5-камерные)

ДВЕРИ, ВИТРАЖИ, ПЕРЕГОРОДКИ, ЛОДЖИИ

г. Иркутск, ул. Ф. Энгельса, 8, оф. 302, т/ф: (3952) 258-235. www.demetra.ru

ИСТЛЭНД

ГРУППА КОМПАНИЙ

СТРОЙИНДУСТРИЯ • ТУРИЗМ • ТРАНСПОРТ • ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО • ФИНАНСОВО-КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАДЕЖНОСТЬ - НАШ СТИЛЬ РАБОТЫ

Истлэнд

ГРУППА КОМПАНИЙ

664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 37
Тел.: (3952) 287-115, 287-111
Факс: (3952) 34-25-55
E-mail: mail@vsrp.ru

Россия, 103062, г. Москва
ул. Покровка, 33/22
Тел.: (95) 924-59-25
Факс: (4 95) 924-59-19